K51 4/23

I 1/25 К51 4/23
№ 4956
XV – № 386

Свящ. С. К. МАХАЕВЪ.

ПОДВИЖНИЦЫ МИЛОСЕРДІЯ.

РУССКІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

(Краткіе біографическіе очерки.)

«Узами человѣческими влекъ
Я ихъ, узами любви».

(Осія 11, 4.)

МОСКВА — 1914.

К51 1/23

Свящ. С. К. МАХАЕВЪ.

ПОДВИЖНИЦЫ МИЛОСЕРДІЯ.

РУССКІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

575/4

(Краткіе біографическіе очерки.)

«Узами человѣческими влекъ
Я ихъ, узами любви».

(Осія 11, 4.)

МОСКВА—1914.

БИБЛИОТЕКА
Госуд. Истории. музея
№ 19022
21 X 193 г.
М

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

«Великій Духъ, благодарю Тебя за ликъ Человѣческій, Тобою данный мнѣ». — Вотъ какова должна бы быть молитва великаго Гёте во всю жизнь его».

(Достоевскій, «Дневникъ писателя» за 1876 г., янв., гл. I).

Благодареніе Бога за ликъ человѣческій — есть молитва не только Гете, но и всѣхъ лучшихъ представителей человѣчества. Всѣ они съ любовію отыскивали въ людяхъ *человѣческое* и умѣли его находить и безконечно страдали, находя иногда въ человѣкѣ *животное*, звѣря.

Но въ наше время появился цѣлый рядъ писателей, цѣнящихъ въ людяхъ именно звѣриное. По мысли ихъ, люди — «звѣри» и жизнь ихъ — «охота», гдѣ побѣждаетъ и наслаждается сильнѣйшій, виднѣйшій представитель закона звѣриной жизни — эгоизма. Эгоизмъ давно пора поставить въ основу человѣческой жизни, на мѣсто обманувшаго человѣчество «миража любви», навѣвающаго ему «сонъ золотой». Копейка, жертва Лейзера нищимъ [1]), — вотъ символъ того, что получило человѣчество отъ устроенія жизни на началахъ самоотверженія и любви. А эгоизмъ принесетъ людямъ счастье и радость, съ нимъ они станутъ «богаче и сильнѣе».

И писатели эти уже съ удовольствіемъ отмѣчаютъ отсутствіе въ *жизни* современнаго общества любви. Въ нравственномъ отношеніи всѣ мы, будто бы, только прокаженные духомъ [2]) и ни одного изъ насъ не найдется, кто бы ради

---

[1]) «Анатэма» Л. Андреева.

[2]) «Стѣна» Л. Андреева.

спасенія другихъ, пожертвовалъ собой, и ни одного, кто бы пошелъ на тревожный, проникающій въ душу звонъ набата, зовущаго помочь страждущему ближнему[1]). «Всякій, сказавшій слово: любовь, —солгалъ»[2]). И на примѣрѣ сестры милосердія, — оффиціальной представительницы служенія любви, — непробуднымъ сномъ заснувшей у постели умирающаго Человѣка, Л. Андреевъ[3]) хочетъ наглядно показать, что безкорыстное влеченіе къ добру, къ самоотверженному подвигу есть, но многаго ли это стоитъ? По существу все равно, что и нѣтъ его.

Но жизнь на каждомъ шагу опровергаетъ и пессимизмъ новыхъ писателей и модную проповѣдь эгоизма. Нѣтъ! Изъ жизни міра никогда нельзя вычеркнуть такое великое, яркое, историческое явленіе, какъ самоотверженная любовь. Свѣтитъ еще свѣтъ Господень въ душахъ человѣческихъ и тьмѣ не объять его никогда. Еще множество избранниковъ Божіихъ идетъ путемъ Господнимъ, путемъ самоотреченія въ пользу ближнихъ, самоотверженной дѣятельной любви, во имя только Христа, расточая любовь свою и достойнымъ и недостойнымъ.

Такъ какъ не умъ и знанія, а сердце и воля являются главными основами, дающими направленіе душевной жизни, то долгомъ законоучителя авторъ полагаетъ повѣствованіе о жизни великихъ людей, осуществлявшихъ въ своей дѣятельности завѣты Христа, мечту человѣчества о подвигѣ ради другихъ. Эти друзья человѣчества, а вмѣстѣ— и друзья Божіи[4]), самымъ дѣломъ доказывали возможность и въ наши дни жизни по Богу, и ихъ подвигъ всегда дѣйствовалъ на благородныя души заражающе. «Я совершенно не въ состояніи слышать о какомъ-либо доблестномъ подвигѣ, говоритъ Р. Эмерсонъ, чтобы въ моей груди не загоралась твердая рѣшимость слѣдовать такому примѣру»[5]).

---

[1]) «Набатъ» Л. Андреева.
[2]) «Анатэма».
[3]) «Жизнь Человѣка».
[4]) Іоан. XV, 14 и 17.
[5]) «Великіе люди».

И предлагаемые очерки жизни великихъ русскихъ сестеръ являются плодомъ свыше десятилѣтнихъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ законоучителя съ сестрами милосердія, такъ какъ для бесѣдъ съ ними авторъ искалъ людей подвига и самоотверженія прежде всего среди лицъ ихъ же служенія. И онъ счастливъ, что не обманула его вѣра его въ великое воспитательное значеніе біографій друзей человѣчества: многія сестры просили дать имъ «списать» прочитанныя имъ повѣствованія.

Изданіе очерковъ тѣмъ болѣе своевременно, что въ текущемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе существованія всемірной братской организаціи — Общества Краснаго Креста, днемъ основанія котораго считается 9 февраля 1863 года — день засѣданія «Женевскаго общества общественной пользы», обсуждавшаго докладъ врача А. Дюнана объ организаціи международнаго соглашенія для помощи жертвамъ войны. Изъ этихъ очерковъ русское общество узнаетъ, или лучше — сердцемъ почувствуетъ, что далъ русскій Красный Крестъ русскому народу въ лицѣ самоотверженныхъ подвижницъ милосердія.

Уже одно то, что сестры милосердія, имѣя возможность жить самостоятельно, на свободѣ, отказываются отъ своей личной жизни, отъ влекущихъ удовольствій міра, отъ своей воли и желаній и отдаютъ себя въ послушаніе любви, жертвуя своими силами и здоровьемъ, подвергая жизнь свою опасности зараженія и самой смерти, — одно это представляетъ уже великій подвигъ, на который неспособна мелкая, эгоистическая душа.

Однако многіе, сами неспособные на такой подвигъ, оскорбляютъ этихъ подвижницъ любви клеветою и огульнымъ осужденіемъ, вплетая новые колючіе шипы въ ихъ терновый вѣнецъ. Какъ это напоминаетъ тѣхъ, по выраженію Н. И. Пирогова, «старыхъ грѣшниковъ», которые злобно встрѣтили первое еще выступленіе русскихъ сестеръ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Севастопольскую войну![1])

Предлагаемые очерки — отвѣтъ самой жизни на утвержденіе новыхъ писателей, что «предъ престоломъ Агнца

---

[1]) «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова.

(т.-е. въ современномъ христіанскомъ обществѣ) разстилается стеклянное море охладѣлой любви». Очерки эти говорятъ, что любовь есть на свѣтѣ и что она есть чудо и радость міра. Она не спитъ, какъ говоритъ Андреевъ, а ходитъ по землѣ и нѣжной, любящей рукой отираетъ слезы людскія; она беретъ на свои плечи чужую, тяжкую ношу. Она ходитъ, правда, очень часто съ закрытыми глазами, такъ какъ благотворитъ и достойнымъ и недостойнымъ, и не видитъ и не желаетъ видѣть того горя и тѣхъ опасностей, которыя ждутъ ее на этомъ пути. Потому-то и начертала она на своей груди крестъ кровавый — символъ самоотреченія и готовности ради счастья другихъ пострадать «даже до крови».

Московской Иверской общины сестеръ милосердія
Священникъ *Сергій Махаевъ*.

«Послѣдуй за Мною, взявъ крестъ». Мр. 10, 21.

I.

Севастопольскія сестры.

Началась Восточная война 1853—56 гг. Стали приходить съ театра военныхъ дѣйствій письма съ описаніемъ ужасныхъ мученій раненыхъ и больныхъ воиновъ, страдавшихъ отъ недостатка ухода и распорядительности, отъ недобросовѣстности госпитальныхъ начальниковъ и служителей и поставщиковъ провіанта, отъ ужаснаго равнодушія къ ихъ страданіямъ тѣхъ, кому ввѣрено попеченіе о защитникахъ отечества. Стало извѣстно, что въ свою армію выѣхали французскія сестры, что въ англійскіе госпитали поѣхала знаменитая миссъ Найтингаль съ сестрами. А у насъ еще не имѣли и понятія о сестрахъ милосердія.

Пребываніе на войнѣ женщинъ казалось тогда не только зазорнымъ и безполезнымъ, но и опаснымъ въ стратегическомъ отношеніи — онѣ будто бы будутъ стѣснять армію при переходахъ и отступленіяхъ и что вообще съ прибытіемъ ихъ на театръ военныхъ дѣйствій ослабнетъ военная дисциплина. Многое говорилось тогда и о «слабости женскаго пола» и объ «утратѣ женственности». Самое служеніе женщины у постели больного не имѣло еще того ореола, какимъ оно стало заслуженно пользоваться послѣ, и казалось дамамъ свѣта даже грязнымъ и «шокирующимъ» ихъ занятіемъ.

Но на счастье русскаго воина и вообще русскаго больного нашлась тогда умная, энергичная и добродѣтельная женщина, которая положила начало тому благодѣтельному учрежденію, которое содѣйствовало послѣ возникновенію Россійскаго Общества Краснаго Креста. Эта женщина была великая княгиня Елена Павловна. Она немедленно

организовала Общину сестеръ милосердія — Крестовоздвиженскую, собрала отряды любящихъ женщинъ, желавшихъ послужить Христу, въ лицѣ Его «меньшаго брата». Она дала имъ медицинскую подготовку къ этому служенію,

В. Кн. Елена Павловна.

нашла матеріальныя средства и испросила, съ большими препятствіями со стороны военнаго начальства, Высочайшее разрѣшеніе на отправку сестеръ на театръ войны.

Въ борьбѣ съ страннымъ взглядомъ общества на зазорность служенія больнымъ интеллигентной женщины,

великая княгиня ежедневно ѣздила въ больницы и своими руками перевязывала кровоточащія раны.

Въ декабрѣ 1854 года первое отдѣленіе, въ числѣ 34 сестеръ, уже начало работу въ симферопольскихъ госпиталяхъ. За ними послѣдовало еще нѣсколько отдѣленій — всего 127 самоотверженныхъ женщинъ и среди нихъ множество интеллигентныхъ, представительницъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, какъ-то: Бакунина, Стаховичъ, Будбергъ, Бибикова, Пржевальская, Карцева, Щедрина, Мещерская, Пожидаева, Романовская и др.

Для такихъ сестеръ уже самая поѣздка къ Севастополю была первымъ тяжелымъ испытаніемъ ихъ святого намѣренія. По гололедицѣ, въ холодъ ѣхать надо было очень медленно или совсѣмъ итти пѣшкомъ, такъ какъ тарантасы опрокидывались или завязали такъ, что двадцать человѣкъ едва могли сдвинуть ихъ съ мѣста. На остановкахъ приходилось ночевать въ грязныхъ, зловонныхъ избахъ и въ такомъ холодѣ, что вода замерзала въ стаканѣ на столѣ.

Что представляли изъ себя военные госпитали того времени до пріѣзда сестеръ, можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва Пирогова о бахчисарайскомъ госпиталѣ. — «Описать, что мы нашли въ этомъ госпиталѣ, нельзя — горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ. Это былъ уже не госпиталь, а нужное мѣсто... Только въ Бахчисараѣ я началъ предвидѣть, въ какомъ состояніи найду раненыхъ защитниковъ Севастополя, но все-таки, что послѣ нашелъ, превзошло всю мѣру моихъ опасеній»[1]).

Послѣ сраженій раненые лежали на нарахъ или даже на голомъ полу «не только сплошь одинъ подлѣ другого, но даже отчасти одинъ на другомъ»[2]). Роскошью были холщевые матрацы, набитые лыкомъ и насквозь пропитанные мочею, гноемъ и кровью[3]). Въ походныхъ же

---

[1]) «Севастопольскія письма», 1-я поѣздка.

[2]) «Восточная война 53—56 гг.», ген.-лейт. М. И. Богдановича, т. IV, гл. XXXVII.

[3]) То же.

госпиталяхъ больные валялись прямо на землѣ въ низкихъ солдатскихъ палаткахъ, въ которыхъ едва можно было сидѣть. Нахлынувшій дождь мочилъ здѣсь раненыхъ «до костей». А боговутскій госпиталь расположенъ былъ въ «кошарахъ», т.-е. овчарняхъ, безъ свѣта и воздуха. Въ лазаретахъ «тысячи голосовъ взывали не о помощи, которую подать было невозможно, а о глоткѣ воды; но не легко было удовлетворить и такую смиренную просьбу: не было средства подойти къ зовущему, иначе какъ наступивъ прежде на нѣсколькихъ страдальцевъ»[1]).

Не хватало врачей, совсѣмъ не было многихъ самыхъ необходимыхъ медикаментовъ; очень мало госпитальныхъ служителей, а тѣ, которые и были, оставленные безъ начальственнаго присмотра, старались ничего не дѣлать. Госпитальное начальство, служители и даже иногда врачи не только не принимали мѣръ къ облегченію горькой участи страдающихъ защитниковъ Севастополя, но, наоборотъ, на несчастіи ихъ строили свое благополучіе, извлекая себѣ доходъ изъ всякаго пустяка за счетъ раненыхъ. Нѣкоторыхъ докторовъ ужаснаго боговутскаго госпиталя, въ которомъ всѣ раненые переболѣли цынгой, больные и въ глаза не видали. А одинъ носилъ съ собой 10 аршинъ бинта и, подходя къ раненому, говорилъ: «Я бы тебя перевязалъ имъ, да ты не стоишь, ты пропьешь». Такъ и уѣхалъ съ этимъ бинтомъ[2]). Вообще, что творилось въ госпиталяхъ Севастополя въ началѣ войны, мы можемъ понять изъ такой фразы Пирогова: «Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, корпіею этою перевязывали англичане, а у насъ была только солома»[3]).

Вотъ въ такихъ-то «нужныхъ мѣстахъ» и при такихъ условіяхъ — грабежа, безпечности, равнодушія, недовѣрія къ нимъ и даже прямой ненависти со стороны госпитальнаго начальства — приходилось работать сестрамъ. И онѣ, по свидѣтельству всѣхъ военныхъ историковъ,

---

[1]) То же.

[2]) Е. М. Бакунина: «Дневникъ сестры милосердія», помѣщенный въ «Вѣстникѣ Европы» 1898 г., №№ 3—6.

[3]) Біографія Пирогова. Изд. Павленкова.

были въ своей дѣятельности «выше всякихъ похвалъ»[1]). Только очевидецъ, говоритъ проф. Гюббенетъ, могъ составить себѣ понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ»[2]).

Онѣ перевернули госпитали, по выраженію Пирогова, «верхъ дномъ» [3]); ввели порядокъ и чистоту; онѣ заботятся и о пищѣ и о питьѣ, раздаютъ чай и вино, чего нельзя было поручить служителямъ, наблюдаютъ за служителями, и за смотрителями, и даже за врачами[4]). Онѣ ободряютъ страдальцевъ своимъ теплымъ участіемъ и ласковымъ

Группа севастопольскихъ сестеръ.

обращеніемъ, утѣшаютъ, пишутъ письма ихъ роднымъ, извѣщаютъ послѣднихъ и о смерти воиновъ, заботятся и объ ихъ христіанскомъ погребеніи.

Жить сестрамъ приходится среди больныхъ же и въ условіяхъ ихъ жизни, и потому онѣ всѣ рѣшительно переболѣли и даже не по одному разу; многія и умерли на

[1]) «Севастопольскія письма», 1-я поѣздка. Ср.: «Восточная война», т. III, XXVI; Гюббенетъ, «Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—56 гг., X; Н. Соловьевъ, «Скорбные листы Крымской кампаніи», и Затлеръ, «О госпиталяхъ въ военное время».

[2]) То же, Гюббенетъ.

[3]) Н. И. Пироговъ, «Севастопольскія письма», 1-я поѣздка, 18 дек.

[4]) То же.

своемъ посту — отъ тифа, холеры и другихъ болѣзней. Эти, якобы «слабыя духомъ», работали подъ градомъ пуль и разрывающихся смертоносныхъ бомбъ и своимъ мужествомъ удивляли врачей и самихъ воиновъ. Въ дни штурмовъ сестрамъ не удавалось отдохнуть, какъ слѣдуетъ, по двое и даже по трое сутокъ.

Кромѣ физическихъ страданій,— страшнаго переутомленія, невозможности своевременно ѣсть, пить и отдыхать, сестры должны были вынести и ужасныя нравственныя муки. Страшные стоны, слезныя мольбы, ужасныя калѣченія, кровь и кровь безъ конца, постоянное умираніе молодыхъ жизней... «Видѣть это и слышать не день, не три, не недѣлю, не мѣсяцъ, а мѣсяцы»...[1]). Какіе тутъ нужны были нервы и, конечно, ужъ не женскія! Каково все это было перенести сестрамъ, можно видѣть изъ письма Бакуниной къ своей сестрѣ: «Если бы я разсказала всѣ ужасы, раны и мученія, которыя я видѣла въ эту ночь, ты бы не спала нѣсколько ночей»[2]).

Осуществленіе на дѣлѣ мечты великаго Пирогова, чтобы сестры были «нравственнымъ контролемъ» въ госпитальномъ дѣлѣ, принесло подвижницамъ любви много непріятностей, открытаго глумленія, низкихъ доносозъ и явнаго преслѣдованія со стороны интендантскихъ поставщиковъ, служителей и начальства госпиталей. Но онѣ, не обращая вниманія ни на что, зорко слѣдили и за служителями госпиталей и даже за врачами. Онѣ просили, молили и требовали до тѣхъ поръ, пока не устраивали возможно сносно своихъ несчастныхъ больныхъ. Только ихъ женское сострадательное сердце пожалѣло этихъ мучениковъ за родину, валявшихся въ рваной и грязной, по мѣсяцу немытой одеждѣ, а иногда и безъ нея... не накормленныхъ, не напоенныхъ, не перевязанныхъ дня по три и болѣе.

Сестры довели до суда возмутительныя злоупотребленія въ херсонскомъ госпиталѣ, и завѣдующій имъ, опасаясь заслуженной кары, покончилъ съ собой[3]), Главный

---

[1]) «Дневникъ Бакуниной».
[2]) То же.
[3]) «Севастопольскія письма».

докторъ московскаго госпиталя называлъ сестеръ «тайной полиціей» и очень ихъ побаивался[1]). «Если бы не онѣ, говоритъ Пироговъ, такъ больные локали бы помои, а теперь они кушаютъ сытный супъ, приготовленный самими же сестрами»[2]). Продовольствіе, положенное отъ казны больнымъ, было собственно весьма достаточно», говоритъ военный историкъ ген.-лейт. Богдановичъ, но имъ давали такую пищу, что они, несмотря на всю свою непритязательность, отказывались отъ казеннаго стола и покупали на свои сбереженія булки, а у которыхъ денегъ не было, питались одними сухарями, часто тоже затхлыми или вовсе гнилыми[3]).

По Высочайшему повелѣнію каждому воину за увѣчье выдавалось денежное пособіе, иногда очень значительное — до 75 рублей. Но деньги у больныхъ, лежавшихъ безъ сознанія, безсовѣстно похищались, или же тратились самими больными на пустяки и водку, а онѣ такъ нужны были тамъ. И вотъ сестры, какъ любящая мать или жена, взяли на себя добровольную, хлопотливую опеку надъ слабыми, чему послѣдніе были безконечно благодарны. Только сестрамъ могли они довѣрить свои деньги. И хлопотъ съ этими деньгами у сестеръ было безъ конца. Скоплялись большія суммы солдатскихъ денегъ — до 2000 рублей и болѣе, а беречь негдѣ: ни комодовъ, ни сундуковъ. Принявъ, надо записать имя, полкъ, родину, родныхъ. Еще больше хлопотъ вести отчетность забора денегъ: больные просятъ кто 10, кто 5 коп., кто 1 руб.; крупныя ассигнаціи мѣнять иногда негдѣ, при перемѣщеніяхъ больныхъ надо возвращать весь вкладъ и т. д.

Сестры обратили вниманіе на мученія раненыхъ и больныхъ воиновъ во время переѣзда съ поля сраженія въ госпитали и оправившихся уже — изъ госпитатей на родину. Больныхъ и оправившихся уже, но калѣкъ, неспособныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, отправляли почти разутыми и раздѣтыми за сотни верстъ (иногда до 700 вер.), по голой

---

[1]) «Дневникъ Бакуниной».
[2]) «Севастопольскія письма».
[3]) «Восточная война», т. IV, гл. 37.

степи въ зимніе морозы. По нѣскольку часовъ ожидали они на холодѣ размѣщенія по квартирамъ, ночевали въ нетопленныхъ домахъ, а иногда, благодаря нераспорядительности,— и въ степи, на холодѣ и дождѣ, замерзавшемъ налету. По нѣскольку дней не перевязанные, не накормленные до слѣдующаго утра и даже не обогрѣтые, хотя бы стаканомъ горячей воды, несчастные погибали въ пути тысячами. Многіе обмораживались и пріѣзжали на родину съ новыми калѣченіями. Одинъ транспортъ больныхъ два дня не получалъ ничего, даже хлѣба[1]). Положеніе страдальцевъ было «до того ужасно, что конвоировавшіе (транспортъ) офицеры плакали»[2]). Ѣхать приходилось очень медленно; липкая грязь затягивала колеса, и лошади останавливались на каждомъ шагу; а деньги выдавались на скорый переѣздъ. «Лучше бы я лежалъ въ жестокой горячкѣ, чѣмъ быть съ этимъ транспортомъ», говорилъ Бакуниной одинъ конвоиръ-офицеръ[3]). Сестры начали сопровождать транспорты, перевязывали на остановкахъ раненыхъ, давали лекарства, заботились о пищѣ и ночлегѣ. Теперь невозможны стали ночевки въ степи и многочасовое выжиданіе размѣщенія на ночлегъ — все стало заготовляться сестрами ранѣе. И часто полупьяный унтеръ, завидѣвъ подъѣзжающихъ къ транспорту сестеръ, пугливо воскликалъ: «Никакъ милосердныя! Надо ѣхать скорѣе готовить ужинъ»[4]).

---

[1]) То же.
[2]) «Дневникъ сестры милосердія».
[3]) То же.
[4]) То же.

1. Е. М. Бакунина[1]).

Нравственный контроль сестеръ получилъ широкое примѣненіе на дѣлѣ, когда во главѣ Крестовоздвиженской общины стала интеллигентная, энергичная и вліятельная въ высшихъ сферахъ Екатерина Михайловна Бакунина.

Выросшая въ холѣ и весельѣ, именитая аристократка, она работала въ лазаретахъ, какъ простая сидѣлка, кроткая и любящая; для сестеръ была старшей среди равныхъ, а какъ начальница—требовательная и строгая. Она неустанно объѣзжала самые отдаленные госпитали, лично повѣряла запасъ медикаментовъ и провіанта, входила во все и однимъ своимъ пріѣздомъ наводила страхъ на госпитальную администрацію. Смотрители и служители блѣднѣли и тряслись, слушая ея разговоръ на французскомъ языкѣ съ начальствомъ.

Часто выводила ее изъ терпѣнія недобросовѣстная отговорка: «Представьте, вотъ какъ нарочно, когда вы пріѣхали, а то все было исправно!..» Но она знала цѣну такимъ оправданіямъ и принимала свои мѣры. Въ Херсонскомъ цейхгаузѣ Бакунина находитъ нѣсколько нераспечатанныхъ еще тюковъ. На вопросъ ея: — «Отчего вы не разберете ихъ? Можетъ быть тутъ есть и бѣлье, и компрессы, и пр., въ чемъ вы нуждаетесь», ей отвѣчаютъ: — «Но вотъ видите, все это надо ввести въ отчеты, а потомъ вести всему и расходъ. Это такъ затруднительно... Да притомъ нѣтъ и разрѣшенія начальства». Возмущенная Бакунина немедленно велитъ

---

[1]) «Дневникъ Бакуниной»; «Е. М. Бакунина». Воспоминанія земскаго врача А. Синицина. «Вѣстникъ Европы» 1898 г., № 7-й; «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова.

распечатать тюки, а своеобразнымъ «хранителямъ» казеннаго добра говоритъ: «Напишите въ своихъ отчетахъ, что пріѣхала сестра-настоятельница и все растрепала, а ужъ я буду за это отвѣчать!» Къ радости сестеръ и больныхъ въ тюкахъ оказалось дѣйствительно много вещей, въ которыхъ такъ нуждался госпиталь.

Бакунина обратила вниманіе на страданія раненыхъ, отправляемыхъ въ Россію зимой въ одномъ холстинномъ платьѣ, съ выдачею двухъ полушубковъ на четверыхъ; у Перекопа полушубки отбирались, и далѣе, гдѣ еще только начиналась суровая русская зима, больные слѣдовали въ чемъ были — въ холстинномъ платьѣ, обмораживаясь и совсѣмъ замерзая на дорогѣ. По ходатайству Бакуниной, вмѣсто холстинной одежды стали выдавать суконную. Она сама стала сопровождать транспорты раненыхъ, неся вмѣстѣ съ ними всѣ невзгоды пути, голодая, простуживаясь и болѣя, но сдѣлала свое дѣло: на этапахъ сталъ заготовляться теплый ночлегъ, горячая пища, сбитень и любовный уходъ сестеръ.

Е. М. Бакунина.

Женщина громадной силы воли, Бакунина была и женщиной великаго смиренія. Еще ранѣе долгое время она отказывалась быть старшей сестрой въ своемъ отдѣленіи, исполняя работу рядовой сестры. Любившая въ свободные отъ очередныхъ дежурствъ часы присѣсть на койку больного, побесѣдовать съ нимъ и утѣшить, Екатерина Михайловна въ пріѣздъ Государя въ армію отказываетъ себѣ въ этомъ удовольствіи, боясь, что будутъ говорить, что она ходитъ, чтобы встрѣтить Царя. Большихъ трудовъ

стоитъ Пирогову и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ уговорить Бакунину принять на себя должность настоятельницы Общины. Первый писалъ: «Я требую отъ васъ, какъ святого долга: возьмите на себя управленіе Общиной... Я вамъ ручаюсь... вы остались (послѣ смерти Хитрово), одна изъ всѣхъ, которая можетъ поддержать истинное значеніе Общины и руководить ею предположеннымъ и извѣстнымъ вамъ путемъ... Вы знаете, какъ я васъ уважаю и люблю... знаете и мою привязанность къ Общинѣ, а потому не смѣете отказываться». Великая княгиня писала: «Вы единственная, которая можетъ быть призвана (на высокій постъ настоятельницы)... У васъ хватитъ мужества исполнить это призваніе во всей полнотѣ... Я обращаюсь къ вашему сердцу!» Какъ мы видѣли, Бакунина вполнѣ оправдала надежды на нее Пирогова и великой княгини.

Бакунина была первой на работѣ и послѣдней уходила на отдыхъ. Послѣдней выходитъ она изъ разрушаемыхъ непріятелемъ градомъ бомбъ госпиталей и только тогда, когда вывезенъ послѣдній раненый, отправлено послѣднее казенное добро. Едва оправившись въ Севастополѣ отъ тяжелой формы тифа, она идетъ на помощь меньшему брату Христа и едва сама не погибаетъ.

Сама глубоко вѣрующая, возложившая на себя крестъ сестры милосердія послѣ поста, молитвы, сердечной и серьезной исповѣди и св. причащенія, Екатерина Михайловна умѣла внушить руководимымъ ею сестрамъ понятіе о высотѣ ихъ служенія, умѣла выбрать новыхъ и воспитать ихъ въ сознаніи святости этого служенія. Она высоко поставила авторитетъ сестры милосердія и заставила всѣхъ уважать ее.

Возвращеніе Бакуниной въ Петербургъ по закрытіи всѣхъ военно-временныхъ госпиталей было привѣтствовано поэтомъ Глинкой слѣдующимъ стихотвореніемъ:

26 марта 1856 года.

«Гдѣ могучій Севастополь
Красовался на скалахъ...
...Тамъ-то смерти праздникъ данъ.
Тамъ хлестала кровь изъ ранъ!..

Но дружина женъ и дѣвы,
Обручась крестомъ златымъ
Съ милосердіемъ святымъ,
Шли на гибель, не блѣднѣя,
И несли фіалъ елея
И сердечную слезу
Въ неисходную грозу...
И вотъ одна, пройдя тотъ путь кровавый,
Явилась къ намъ въ вѣнцѣ Христовой славы
И, отгостивъ на огненномъ пиру,
Изъ міра бурь пришла на миръ въ столицу.
Привѣтимъ же Бакунину сестрицу
И милосердія привѣтимъ въ ней сестру!»

* * *

По окончаніи войны, по просьбѣ великой княгини Елены Павловны, Бакунина организуетъ и устраиваетъ жизнь постоянной уже, не для нуждъ только войны, а и для мирнаго времени, общины сестеръ милосердія — Крестовоздвиженской. И своими неустанными трудами, великой духовной мощью своего благороднаго сердца такъ поставила это учрежденіе, что оно послужило образцомъ для возникавшихъ послѣ общинъ.

Но если для честной, прямой и идейной труженицы тяжело было переносить ужасы безсовѣстныхъ злоупотребленій въ несчастной арміи подъ Севастополемъ, то не легче ей стало жить и въ Петербургѣ. Здѣсь, по выраженію ея письма къ ея духовному руководителю Пирогову, «всѣ высокія мысли разбились въ прахъ объ неумолимую дѣйствительность» и просила не судить ее строго за намѣреніе отказаться отъ настоятельства. Пироговъ отвѣчалъ: — «Если вы убѣдитесь совершенно, что васъ хотятъ заставить дѣйствовать по началамъ, діаметрально противоположнымъ съ вашими, тогда я васъ не буду удерживать; бросьте все и сохраните душу». И великая сестра принуждена была, чтобы сохранить душу, уйти отъ любимаго дѣла.

По выходѣ изъ общины въ 1860 году Екатерина Михайловна поселилась въ своемъ наслѣдственномъ имѣньѣ — сельцѣ Козицынѣ, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи. И здѣсь начинается новый свѣтлый періодъ ея

дѣятельности на благо страждущихъ, продолжавшійся болѣе 30 лѣтъ — до самой ея кончины.

Въ Козицынѣ она рѣшила устроить на свои скромныя средства лѣчебницу для больныхъ крестьянъ. Рядомъ съ барскимъ домомъ скоро выросло деревянное зданіе, и въ немъ Екатерина Михайловна открываетъ сначала амбулаторный пріемъ больныхъ. При своемъ свѣтломъ умѣ и обширномъ разностороннемъ образованіи она безъ труда пополняетъ свои практическія свѣдѣнія по медицинѣ чтеніемъ руководствъ. Но строгая къ себѣ, она не довѣряетъ вполнѣ своимъ познаніямъ и во всѣхъ болѣе серьезныхъ случаяхъ приглашаетъ на собственный счетъ врача изъ города, такъ какъ имѣть постояннаго врача для своей больнички, по недостатку средствъ, она не могла.

Посѣщеніе врача было для нея настоящимъ праздникомъ. Она оповѣщала объ этомъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, созывала сама болѣе серьезныхъ больныхъ. И въ эти дни весь обширный дворъ ея усадьбы наполнялся телѣгами съ больными, число которыхъ иногда доходило до ста и даже болѣе. Екатерина Михайловна подробно, со знаніемъ дѣла разсказывала врачу исторію болѣзни и записывала его совѣты. Скоро устраивается въ лечебницѣ нѣсколько постоянныхъ кроватей, также на средства Екатерины Михайловны; появляется аптека съ крайне дешевой продажей, или совсѣмъ безплатной раздачей лѣкарствъ, которыя приготовляетъ, конечно, сама Бакунина. Ея больница не можетъ вмѣстить всѣхъ больныхъ округи, и такихъ, не попавшихъ къ ней, она посѣщаетъ на домахъ, даетъ лекарство, а нерѣдко и пищу, необходимую больнымъ по роду ихъ болѣзни.

Темная и забытая деревня, лишенная правильной врачебной помощи, а тѣмъ болѣе ухода, всегда съ недовѣріемъ относилась къ медицинѣ, предпочитая служителямъ ея своихъ знахарей и бабокъ. Но Екатерина Михайловна своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ больнымъ, твердостью и неотступностью требованій въ леченіи пріучила крестьянъ съ довѣріемъ относиться къ врачебной помощи. Они переполняютъ ея амбулаторію и лечебницу. Своими постоянными наставленіями и совѣтами въ области домаш-

ней гигіены, ухода за дѣтьми и т. п. Бакунина содѣйствовала искорененію многихъ вредныхъ для здоровья предразсудковъ темной деревни.

Въ 1868 году въ уѣздѣ свирѣпствуетъ эпидемія возвратной горячки. Два только врача на весь уѣздъ, и болѣзнь свободно гуляетъ по безпомощнымъ деревнямъ: въ рѣдкомъ селѣ не было нѣсколькихъ домовъ съ больными. Бакунина и здѣсь проявила свое великое сердце. Дѣятельность ея въ это время была поистинѣ изумительна. Утромъ осматриваетъ она свою лечебницу, часовъ въ 12-ть — въ часъ дня садится въ простую крестьянскую телѣгу и объѣзжаетъ пораженныя эпидеміей села. И это почти изо дня въ день, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, несмотря ни на какую погоду, ни на какую дорогу. А ей было тогда уже около 60 лѣтъ!

Ея самоотверженная дѣятельность не могла не обратить на себя вниманія. Изъ Кабинета Императрицы Маріи Александровны ея больницѣ стали выдавать ежегодное пособіе въ 200 рублей. Вскорѣ и земское собраніе ассигновало на содержаніе ея извѣстную, хотя и очень умѣренную, сумму. Назначенъ былъ постоянный фельдшеръ, и посѣщеніе врача сдѣлалось регулярнымъ — по три раза въ мѣсяцъ. Теперь явилась возможность расширить больничку и увеличить число постоянныхъ кроватей въ ней.

Въ одномъ изъ своихъ собраній земство предложило Екатеринѣ Михайловнѣ принять на себя обязанность попечительницы всѣхъ земскихъ лечебницъ, на что она немедленно съ удовольствіемъ согласилась. И конечно, въ исполненіе этой обязанности она внесла ту же энергію, тотъ же свѣтлый, практическій взглядъ, съ какимъ она дѣлала и всякое дѣло. Въ извѣстные дни она объѣзжала лечебницы, вникала во всѣ подробности веденія дѣла, какъ въ отношеніи ухода за больными, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Давала совѣты, исправляла по возможности недостатки, или въ болѣе серьезныхъ случаяхъ указывала на нихъ земской управѣ.

***

Въ 1877 году началась Русско-турецкая война, и объ Екатеринѣ Михайловнѣ вспомнили въ Петербургѣ. Великая

княгиня Екатерина Михайловна просила Бакунину принять на себя завѣдываніе однимъ изъ отрядовъ сестеръ Краснаго Креста, отправляемыхъ на Кавказъ. Предложеніе, конечно, было съ радостью принято, и по прибытіи на Кавказъ Бакуниной было поручено завѣдываніе военно-временными госпиталями, расположенными отъ Тифлиса до Александрополя. Вскорѣ большая половина отряда сестеръ Бакуниной заразилась сыпнымъ тифомъ, свирѣпствовавшимъ тогда въ нашихъ войскахъ, и Екатеринѣ Михайловнѣ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, пришлось еще ухаживать за больными сестрами. Тутъ самоотверженію ея «не было предѣла[1])». Всякій трудъ для больныхъ ей, 65-ти лѣтней, былъ здѣсь по силамъ, всякую работу, даже самую черную, она облагораживала своимъ личнымъ участіемъ, побуждала къ этому и всѣхъ окружающихъ. Зато велика была и любовь къ ней врачей, больныхъ, сестеръ и госпитальныхъ служителей.

По окончаніи военныхъ дѣйствій врачи въ особомъ адресѣ высказали ей всеобщую признательность въ такихъ теплыхъ словахъ. — «Мы затрудняемся, всѣми нами уважаемая сестра, опредѣлить — какому изъ вашихъ душевныхъ качествъ отдать предпочтеніе. Во всѣхъ отношеніяхъ вы явили себя достойной имени святой русской вѣры. Ни жаръ лѣта, ни осеннія ненастья, ни зимній холодъ, ни позднее ночное время, ни утомленіе физическихъ силъ вашихъ, ни дальность разстоянія того мѣста, куда васъ звала нужда больныхъ, ничто и никогда не удерживало васъ отъ исполненія своего долга. Отъ начала до конца вы оставались вѣрны программѣ вашей, служить во всемъ примѣромъ младшимъ вашимъ подругамъ, сотрудницамъ. И этотъ примѣръ не остался безслѣднымъ... Мы навсегда сохранимъ къ вамъ чувства безпредѣльной благодарности, искреннѣйшаго почтенія и самаго глубочайшаго уваженія. Имя ваше такъ же останется неизгладимымъ въ памяти больныхъ, коимъ вы такъ всецѣло приносили себя въ жертву».

А какую память о ней сохранили больные, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго разсказа доктора Синицына. —

---

[1]) Воспоминанія земск. врача А. Синицына.

«Во время Турецкой войны я встрѣтилъ въ Карсѣ завѣдывающаго тамошнимъ госпиталемъ полковника Залѣсскаго — одного стараго казачьяго офицера, который лѣчился отъ ранъ во время Крымской кампаніи въ одномъ изъ Екатеринославскихъ госпиталей. Когда я случайно вспомнилъ имя Екатерины Михайловны и сказалъ, что она на Кавказѣ, старикъ вскочилъ, съ умиленіемъ перекрестился и высказалъ намѣреніе ѣхать поклониться ей, когда утихнутъ военныя дѣйствія».

По окончаніи войны Бакунина вернулась опять въ Козицыно къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Но теперь, на склонѣ жизни, ея крестъ самоотверженнаго служенія ближнимъ становится все болѣе и болѣе тяжкимъ и голову крестоносицы все плотнѣе окутываетъ вѣнецъ колючаго тернія.

Со смертію императрицы субсидія изъ Кабинета Ея Величества Козицынской лѣчебницѣ уменьшена была на половину. Собственныя средства изсякли настолько, что не на что было содержать и лошадей для разъѣздовъ по больницамъ. Тогда Бакунина предложила земству принять ея лѣчебницу, безплатно предоставляла землю подъ всѣ больничныя постройки, какія понадобится еще возвести и подъ огородъ; но земство не приняло дара.

Старость съ ея неизбѣжными болѣзнями, смерть двухъ сестеръ, съ которыми она жила неразлучно, а главное несочувствіе нѣкоторыхъ гласныхъ ея любимому дѣлу и стремленіе сузить задачи ея безкорыстной святой дѣятельности — все это подавляюще дѣйствовало на могучій духъ великой сестры. Но неудачи все же не сломили ее. До конца дней своихъ она продолжала служить ближнему. И этотъ подвигъ всей жизни давалъ ей право безбоязненно выступать на защиту меньшаго брата и быть живою обличительною совѣстью для практичныхъ «людей вѣка сего».

Докторъ Синицынъ разсказываетъ одинъ фактъ, доказывающій, какое огромное нравственное вліяніе имѣла Бакунина. «Въ одномъ изъ засѣданій земскаго собранія... по предложенію одного изъ гласныхъ новоторжскаго земства, руководясь отчасти примѣрами другихъ земствъ и экономическими соображеніями, сдѣлано было поста-

новленіе о взиманіи съ больныхъ, приходящихъ въ земскія больницы, по 5 коп. за посѣщеніе и за лѣкарство. На другой день въ собраніи было получено письмо отъ Екатерины Михайловны, при которомъ она приложила 25 рублей, съ просьбой употребить эти деньги на уплату за амбулаторныхъ больныхъ. Письмо это произвело такой эффектъ, что тотъ же самый гласный, по предложенію котораго было принято наканунѣ означенное постановленіе, всталъ и умолялъ собраніе отмѣнить вчерашнее постановленіе, что, конечно, и было сдѣлано».

Въ августѣ 1894 года Екатерина Михайловна скончалась въ своемъ Козицынѣ, имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду. Погребена тамъ же, искренно оплаканная облагодѣтельствованными ею крестьянами.

---

2. Е. А. Хитрово[1]).

Бакунину называли идеаломъ сестры милосердія; она обижалась и говорила, что знаетъ только одну сестру, которая олицетворяла этотъ идеалъ, это — Екатерина Александровна Хитрово, бывшая ранѣе начальницей сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ, а потомъ второй, послѣ ухода Стаховичъ, начальницей Крестовоздвиженской общины.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о жизни этой великой служительницы любви, положившей и жизнь свою за други своя: она скончалась въ Симферополѣ, заразившись тифомъ. Мы имѣемъ только восторженные отзывы о ней всѣхъ, знавшихъ ее и особенно цѣнный — Пирогова, честнаго и прямого человѣка и умѣвшаго узнавать людей. Онъ называетъ Хитрово «столпомъ Общины», женщиной великаго ума, такта, кротости, благочестія, любви и умѣнія говорить прямо къ душѣ. Она имѣла даръ убѣждать, успокаивать и трогать сердца простотою кроткаго, идущаго отъ любящей души, слова. Она работала, какъ простая сестра, воспретила называть себя «превосхо-

---

[1]) «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова; «Дневникъ сестры милосердія», Е. М. Бакуниной.

дительствомъ» и цѣловать ея руки, какъ заведено было первою начальницею, и вмѣстѣ съ Пироговымъ много труда приложила къ воспитанію въ сестрахъ истиннаго взгляда на высоту своего служенія. Всѣми силами она боролась съ интригами, сплетнями и дрязгами, такъ обычными въ женскомъ обществѣ. Не было у нея избранныхъ любимицъ, а всѣхъ она старалась собрать въ одну тѣсную, дружную семью, гдѣ всѣ равны въ подвигѣ самоотверженной любви. Это важно для процвѣтанія всякаго учрежденія, а въ особенности для только что начавшаго жить и окруженнаго уже со всѣхъ сторонъ недоброжелателями.

Плачъ суровыхъ севастопольцевъ, при извѣстіи о кончинѣ Хитрово, горячая просьба матросовъ корабля, на которомъ перевозился ея прахъ въ Одессу — разрѣшить проводить ея останки до могилы и, наконецъ, всенародные торжественные встрѣча и проводы ея гроба до кладбища, за 8 верстъ,— все это говоритъ о томъ, какую великую потерю понесла Община въ лицѣ этой сестры.

---

3. Другія севастопольскія сестры Крестовоздвиженской общины[1]).

Если и всѣ госпитали, по выраженію Пирогова, похожи были на «нужныя мѣста», то все-таки изъ нихъ выдѣлялся своими ужасами севастопольскій госпиталь въ домѣ Гущина. Сюда отправлялись уже безнадежные и гангренозные — эти живые разлагающіеся трупы, наполнявшіе госпиталь ужасными стонами и распространявшіе вокругъ такое зловоніе, что со вновь пришедшими дѣлалось дурно. Но здѣсь во все севастопольское сидѣніе работали неотлучно двѣ сестры — Григорьева и Голубцова. Это былъ великій подвигъ. Такъ здѣсь было все безотрадно, тяжело и физически и морально. Каждый часъ въ какомъ-нибудь углу кто-нибудь умиралъ, живымъ отсюда никто не уходилъ;

---

[1]) «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова; «Дневникъ сестры милосердія», Е. М. Бакуниной; «Восточная война», Богдановича.

сами воины знали, что послать сюда все равно, что произнести смертный приговоръ.

Бѣдная Голубцова много вытерпѣла на службѣ кресту Христову. Еще когда она ѣхала въ Севастополь, экипажъ ихъ опрокинулся и у сестры были сломаны два ребра. Въ Гущиномъ домѣ она заразилась тифомъ, нѣсколько дней была безъ сознанія; выздоровѣвъ, осталась работать въ этомъ же госпиталѣ. Но лѣтомъ заразилась холерой и отъ нея скончалась на своемъ посту.

Вотъ помощница начальницы Общины и вмѣстѣ — старшая при баракахъ, интеллигентная сестра Гордынская и съ нею сестра Домбровская, ежедневно путешествующія пѣшкомъ по невылазной липкой грязи изъ бараковъ въ госпиталь на Сѣверныхъ высотахъ и тамъ работающія цѣлый день, очень часто подъ проливнымъ весеннимъ дождемъ.

Вотъ сестра Васильева, работающая въ разбиваемомъ гранатами флотскомъ госпиталѣ, въ Инженерномъ домѣ и раненая тамъ осколкомъ бомбы.

Интеллигентная Пожидаева съ величайшимъ самоотверженіемъ и любовію работаетъ на холодѣ, подъ сводами Николаевской батареи, засыпаемой бомбами. Въ послѣдніе дни осады она одна управляется со свезенными сюда опасно ранеными. Здѣсь же трудилась, всю душу влагая въ свою святую работу, сестра Линская, переведенная потомъ на Бельбекъ и тамъ умершая.

Вотъ неизвѣстная, самоотверженно работающая въ Инженерномъ домѣ, гдѣ была холерная больница и сама умершая здѣсь отъ холеры. Вотъ сестры Борщевская, Мещерская и др., съ истинно христіанскою любовію помогающія врачамъ при самыхъ трудныхъ операціяхъ. Онѣ съ величайшимъ хладнокровіемъ и такъ нѣжно и любовно перевязывали самыя ужасныя раны, что этимъ поддерживали бодрость не только въ больныхъ, но и во врачахъ.

Но это все выдающіяся. Имена другихъ скромныхъ, но великихъ труженицъ пропали для исторіи. Мы знаемъ только, что, по свидѣтельству военныхъ историковъ, ихъ дѣятельность, за весьма рѣдкими исключеніями, была «выше всякихъ похвалъ», спасла тысячи жизней, облегчила

множество страданій, содѣйствовала улучшенію участи русскаго воина и на будущее время. Сами сестры всѣ переболѣли и многія умерли, неся крестъ Христовъ въ голодѣ, холодѣ, иногда безъ пристанища и претерпѣвая за это еще и гоненія и глумленія.

---

4. Е. М. Хлапонина.

Но не эти, перечисленныя нами, сестры заслужили въ исторіи почетное имя — «*первыхъ русскихъ сестеръ милосердія на полѣ брани*». Еще задолго до пріѣзда подъ Севастополь Крестовоздвиженской Общины начала, по собственному почину, служить воинамъ Елизавета Михайловна Хлапонина, урожденная Борисова.

Молодая красавица, только что повѣнчанная съ подполковникомъ Дм. Дм. Хлапонинымъ, она прибыла съ мужемъ въ Севастополь въ 1854 году. Однажды раннимъ утромъ, проводивъ мужа на позиціи, она возвращалась въ городъ. Проходя мимо перевязочнаго пункта и увидѣвъ собраніе полковыхъ докторовъ, она спросила, что тутъ такое будетъ. Ей отвѣтили, что когда начнется сраженіе, сюда будутъ приносить раненыхъ для перевязки.

Первой мыслью Хлапониной было, — «что, если сюда принесутъ ея мужа?» И она не пошла домой, а осталась на перевязочномъ пунктѣ. Началось сраженіе при Алмѣ. Снаряды и пули залетали и сюда, раненыхъ несли со всѣхъ сторонъ, но между ними не было мужа Хлапониной.

Недолго простояла здѣсь молодая женщина безучастной созерцательницей чужихъ страданій. Ея доброе сердце подсказало ей, что ей надо дѣлать. Вѣдь если бы среди раненыхъ былъ ея мужъ, то неужели она не позаботилась бы облегчить его страданій, чѣмъ только могла. А что она могла сдѣлать для родного, близкаго человѣка, то обязана сдѣлать и для этихъ несчастныхъ. И Елизавета Михайловна засучила рукава, опоясалась салфеткой и принялась за дѣло, не замѣчая ни усталости, ни голода, ни опасности. Облитая кровью, она перевязывала раны съ необыкновен-

ною энергіею и сердечностью, и только отступленіе нашихъ войскъ увлекло Хлапонину, вмѣстѣ съ перевязочнымъ пунктомъ, къ Севастополю.

Мужъ ея не былъ раненъ въ этомъ сраженіи, но у лошади его ядромъ оторвало голову; лошадь безъ головы устояла на ногахъ нѣсколько секундъ, и Хлапонинъ успѣлъ соскочить съ нея. Только тогда трупъ коня рухнулся на землю.

Елизавета Михайловна не могла уже теперь оставить, полюбившагося ей, дѣла помощи раненымъ и продолжала работать въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Однажды, послѣ тяжелой работы во время четырехдневнаго жестокаго бомбардированія Севастополя, Хлапонина, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться, вышла изъ госпиталя на свѣжій воздухъ. Спустясь съ крыльца, она встрѣтила носилки, на которыхъ несли раненаго въ безсознательномъ состояніи.

Съ участіемъ взглянувъ въ лицо вновь принесеннаго, она узнала въ немъ своего мужа. Не скоро могла опомниться несчастная... силы душевныя оставили ее. Машинально послѣдовала она въ госпиталь за носилками, остановилась около койки, на которую уложили раненаго и какъ-будто не сознавала, что тутъ дѣлается. Посторонніе подавали помощь ея мужу, а она, удрученная горемъ, была въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Хлапонинъ былъ тяжело раненъ въ голову и контуженъ въ ногу. Елизавета Михайловна поѣхала въ Симферополь; съ ней въ повозкѣ лежалъ калѣка-мужъ, съ вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ. Прошло много лѣтъ, пока Хлапонинъ хоть нѣсколько поправился и получилъ мѣсто въ комиссаріатѣ, но контузія взяла свое, и онъ, помаявшись, принужденъ былъ, наконецъ, вовсе отказаться отъ служебной дѣятельности. Забытые всѣми — защитникъ Севастополя и первая русская сестра милосердія — обречены были на страшную нужду. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и исканій, Елизавета Михайловна нашла себѣ работу въ Петербургѣ, которою и кормила кое-какъ и себя и калѣку-мужа.

Примѣру первой сестры начали слѣдовать многія изъ дамъ Севастополя. И между ними А. Панаевъ, адъютантъ главнокомандующаго — кн. Меншикова, особенно отмѣчаетъ самоотверженную работу Екатерины Виссаріоновны Хомяковой, жены артиллерійскаго офицера[1]).

5. Даша Севастопольская.

Изъ первыхъ русскихъ сестеръ ни одна не стяжала себѣ такой славы въ народѣ, какъ «Даша Севастопольская».

Даша рано лишилась матери, а на 13-мъ году и отца — матроса, убитаго при Синопскомъ сраженіи. Сирота жила въ ветхомъ, полуразвалившемся отцовскомъ домишкѣ, въ поселкѣ семей матросовъ — Сухой Балкѣ, въ окрестностяхъ Севастополя. Много горя видѣла дѣвочка, скитаясь по домамъ такихъ же бѣдняковъ Сухой Балки въ поискахъ заработка и куска хлѣба.

1 сентября 1854 года около крымскихъ береговъ показался огромный непріятельскій флотъ. Этого никто у насъ не ожидалъ, а Севастополь былъ плохо защищенъ, и теперь ночью и днемъ закипѣла работа по укрѣпленію города. Работали всѣ, помогали и женщины, даже и дѣти. Работала и Даша. Вскорѣ раздались и первые выстрѣлы, пролилась и первая кровь на алтарь отечества.

Даша получила теперь вѣрный заработокъ — стирку на солдатъ. Часто поэтому она приходила въ лагерь, принося выстиранное бѣлье и унося грязное. И здѣсь увидала всю муку раненыхъ защитниковъ Севастополя, оставленныхъ иногда безъ всякаго ухода, и содрогнулось ея сострадательное сердце. Вспомнился отецъ — герой, умиравшій среди чужихъ людей, безъ слова ласки и участія, безъ всякой помощи... и Даша надумала посвятить себя служенію больнымъ воинамъ.

Но сдѣлать это было очень не легко. Никогда ничего подобнаго не было въ нашей арміи и никто не разрѣшилъ бы

[1]) Составлено по: «Князь А. С. Меншиковъ въ разсказахъ А. А. Панаева». «Русск. Стар.» 1877 г., №№ 1 и 6.

дѣвушкѣ жить среди солдатъ и дѣлать свое святое дѣло. Тогда Даша надумала переодѣться матросомъ и поступить добровольцемъ въ ряды воиновъ. Проданъ былъ за полцѣны еврею-маркитанту нищенскій скарбъ сироты и купленъ старый матросскій костюмъ, острижены длинные, густые волосы, и юный матросикъ шелъ уже въ рядахъ защитниковъ отечества. Въ то тяжелое время такой воинъ никого не удивлялъ: на защиту родного города поднялись всѣ, кто могъ — и старые, и малые.

Матросикъ началъ свое дѣло любви въ сраженіи подъ Алмою. На небольшую лощинку, недалеко отъ поля битвы, окруженную природнымъ валомъ и защищенную съ другой стороны отъ палящаго южнаго солнца группой деревьевъ, начали приносить раненыхъ. Громъ выстрѣловъ, разрывавшіяся бомбы, свиставшія въ воздухѣ и взрывавшія землю ядра, смрадъ отъ пороха, пыли и гари, отчаянные крики и стоны раненыхъ — въ началѣ смутили было дѣвушку, но она скоро оправилась. Достала изъ своей котомки ножницы, корпію и тряпки и принялась, какъ умѣла, обмывать раны, перевязывать, утѣшать и помогать несчастнымъ. Позабывъ страхъ, не обращая теперь уже вниманія на ужасы битвы, перебѣгалъ матросикъ отъ одного страдальца къ другому и безъ устали, не разгибая спины, перевязывалъ раны.

А раненыхъ все несутъ и несутъ... И подолгу лежатъ несчастные на травѣ и ждутъ очереди, пока неопытная рука матросика прикоснется къ нимъ.

Такъ образовался тутъ случайный перевязочный пунктъ. Вскорѣ подошелъ сюда фельдшеръ и немало подивился, видя, какъ работаетъ матросъ. Много словъ горячей благодарности и благословеній за свой великій, человѣколюбивый подвигъ услышала здѣсь молодая дѣвушка.

Послѣ Алминскаго сраженія Даша дни и ночи работала то на перевязочныхъ пунктахъ, то въ госпиталяхъ. Горячее желаніе ея помочь ближнему, облегчить его муки сдѣлало то, что она, не получившая никакого образованія, могла, по отзыву Пирогова, даже ассистировать врачамъ при операціяхъ.

Когда доложено было Государю о ея геройскомъ подвигѣ, онъ пожаловалъ ей серебряную медаль, велѣлъ

поцѣловать ее великимъ князьямъ — своимъ дѣтямъ, находившимся при арміи, подарилъ 500 рублей и приказалъ выдать ей еще 1000 рублей, когда будетъ выходить замужъ. Теперь Даша могла уже снять свой матросскій костюмъ и свободно работать у постели больныхъ въ обыкновенномъ женскомъ платьѣ.

* * *

Проработавъ болѣе 5 мѣсяцевъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ, Дарья Александровна выбилась изъ силъ; исхудала, еле держалась на ногахъ и серьезно занемогла. Доктора настояли, чтобы она отправилась полѣчиться и отдохнуть. Тяжело было дѣвушкѣ оставлять раненыхъ, но она видѣла, что силы ей измѣняютъ. Пришлось поселиться на отдыхъ въ родной Сухой Балкѣ.

Бо́льшая часть домовъ здѣсь была разрушена и жители перекочевали въ другія мѣста, но маленькій домишко сиротки Даши былъ невредимъ. Хоть жить здѣсь было и опасно: ветхія стѣны ея убогаго жилища такъ сильно колебались и дрожали во время бомбардировокъ, что казалось — вотъ сейчасъ рухнутъ, однако, сестра скоро оправилась и отдохнула душой отъ тяжелыхъ сценъ войны и страданій людскихъ и какъ только почувствовала себя лучше, сейчасъ же пошла туда, куда призывали ее людскіе стоны, страданія и болѣзни.

Теперь сестра не покидала уже своего дѣла, не только во все время войны, но и долгое время по окончаніи осады Севастополя, мужественно перенося всѣ лишенія и невзгоды военнаго времени. Зато и солдаты платили сестрѣ за любовь трогательною признательностью. Они неохотно давали перевязывать раны фельдшерамъ, дожидаясь очереди у сестры. Умирающіе завѣщали ей кто часы, кто деньги, кто что могъ. И какъ сестра ни отказывалась отъ такихъ даровъ, солдаты убѣждали, что грѣхъ не исполнять послѣднюю волю умирающихъ.

А когда, по окончаніи военныхъ дѣйствій, Даша въ послѣдній день передъ уходомъ изъ госпиталя пришла прощаться со своими больными, то замѣтила, что готовится

что-то необычайное. «Кто могъ изъ больныхъ стоялъ, другіе сидѣли. Навстрѣчу Дашѣ двинулся, постукивая деревяшкой, старый инвалидъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ.

— Родная ты наша сестрица, — громко, дрожащимъ голосомъ заговорилъ онъ. — Не пожалѣла ты для насъ своей молодости, обмывала наши раны и видѣла съ нами много горя, приняла труды великіе. Прими же ты отъ насъ земной поклонъ и благословеніе. Господь Батюшка пошлетъ тебѣ счастье... А мы станемъ за тебя вѣчно Господа Бога молить.

Рыдая, упала на колѣни молодая дѣвушка и съ благоговѣніемъ приняла благословеніе солдатское. Они собрали свои трудовые гроши и купили икону любимой сестрицѣ. Этихъ трогательныхъ минутъ она никогда не могла забыть, и во всю ея долгую жизнь воспоминанія о нихъ приносили ей тихую отраду.

Дарья Александровна вскорѣ вышла замужъ за матроса, севастопольскаго героя, поселилась съ мужемъ въ Николаевѣ и, говорятъ, была счастлива[1]).

6. Е. П. Карцева.

Въ восточную войну начинала свою дѣятельность одна изъ лучшихъ русскихъ женщинъ, всю свою жизнь посвятившая страждущимъ — Елизавета Петровна Карцева. Происходила она изъ дворянской помѣщичьей семьи Новгородской губерніи; родилась въ 1823 году.

Тяжелая година Крымской войны совершенно перевернула ея жизнь. Живя въ довольствѣ и холѣ, Карцева услышала о тяжкихъ бѣдствіяхъ, переносимыхъ на крымскихъ бастіонахъ нашими воинами, безпомощно истекавшими кровью и умиравшими отъ болѣзней за недостаткомъ врачебнаго ухода. Презрѣвъ всѣ условности окружающей

[1]) Составлено по разнымъ запискамъ о севастопольской оборонѣ; «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова, и «Даша Севастопольская», К. Лукашевичъ.

жизни, она горячо откликнулась на призывъ великой княгини Елены Павловны — помочь несчастнымъ страдальцамъ и прибыла подъ Севастополь.

Вся сгорая жаждой подвига, вся отдавшись новому для нея дѣлу, она быстро изучила его подъ руководствомъ Пирогова, который сразу понялъ, какое великое, любящее сердце бьется въ груди этой самоотверженной женщины. Онъ открылъ ей всѣ язвы госпитальнаго дѣла, уяснилъ всѣ неустройства и далъ рядъ цѣнныхъ указаній для ихъ уничтоженія. Онъ назначилъ ее старшей сестрой въ одинъ изъ отрядовъ, работавшихъ въ симферопольскихъ госпиталяхъ.

Е. П. Карцева.

Маленькая ростомъ, казалось, слабенькая, тихая, кроткая, она была неутомима въ работѣ. День и ночь она въ госпиталѣ, сама перевязываетъ больныхъ, сама дѣлаетъ рѣшительно все для нихъ, даже сама варитъ имъ пищу. Несмотря на всю свою кротость и ангельское терпѣніе, она пытается, все-таки, бороться съ грабителями своихъ несчастныхъ страдальцевъ: запечатываетъ котлы съ пищей, подкарауливаетъ и ухитряется дознаться — «почему куриный супъ, въ который на 360 человѣкъ кладется 90 куръ, такимъ выходитъ, что на вкусъ не курицей, а крупой одной отдаетъ». Всѣ любятъ Елизавету Петровну, «истинная мать родная» — другого отзыва нѣтъ о ней, ни у больныхъ, ни у сестеръ. А Пироговъ называетъ ее третьимъ столпомъ Общины вмѣстѣ съ Хитрово и Бакуниной.

Но вотъ кончилась Крымская война. Миссія Карцевой, видимо, была исполнена: уѣзжая въ Севастополь, она думала затѣмъ вернуться домой, къ прежней жизни. Но война переродила ее, и она навсегда отдалась своей новой

дѣятельности. Болѣе десяти лѣтъ, послѣ Бакуниной, она работаетъ на пользу страждущимъ въ качествѣ старшей сестры Крестовоздвиженской общины. Подъ ея руководствомъ выработался цѣлый кадръ образцовыхъ сестеръ милосердія, основательно ознакомленныхъ съ уходомъ за больными и, по примѣру своей руководительницы, всецѣло посвятившихъ себя этому тяжелому дѣлу.

* * *

Но тѣ же обстоятельства, которыя заставили Бакунину отказаться отъ любимаго дѣла, побудили и эту великую, долготерпѣливую сестру уйти изъ Общины. Но сердце ея уже принадлежало страждущимъ; она ищетъ, гдѣ бы можно было «душу свою полагать за братій своихъ», и находитъ — въ Московской Лепешкинской лѣчебницѣ, содержимой на средства Мосоловыхъ. Три года (съ 1867 по 1870 гг.) потрудилась здѣсь Карцева.

Въ концѣ 1870 года она, по рекомендаціи С. П. Боткина, была приглашена въ Петербургъ, гдѣ предложено ей было устроить новую общину сестеръ милосердія — Георгіевскую. Елизавета Петровна, можно сказать, создала эту Общину, привлекла въ нее лучшія медицинскія силы, устроила при ней лѣчебницу для приходящихъ и больницу, собрала вокругъ себя такихъ же самоотверженныхъ, способныхъ труженицъ-сестеръ, какъ она сама, и съ ихъ помощью сдѣлала Общину образцовымъ медицинскимъ учрежденіемъ, и до сихъ поръ поставляющимъ настоятельницъ въ другія общины.

Ни годы, ни ослабѣвавшія силы ничуть не удерживали Елизавету Петровну отъ ея тяжелыхъ трудовъ; она работала наравнѣ съ другими сестрами, всѣхъ увлекая своимъ личнымъ примѣромъ. Въ тяжелыя годины новыхъ войнъ, когда проливалась кровь ближняго, Карцева оставляла на время свою общину и отправлялась на театръ военныхъ дѣйствій.

Великимъ дѣломъ самоотверженія и христіанской любви была и ея дѣятельность во время Русско-турецкой войны. Съ нѣсколькими десятками сестеръ она совершаетъ, вмѣстѣ съ русской арміей, весь походъ за Дунай, черезъ Балканы,

до самаго Адріанополя. Всюду, во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ — подъ Плевной, въ госпиталяхъ Горнаго Студня, Габрова, Тырнова и Санъ-Стефано она была первой работницей, не только устраивавшей все дѣло помощи раненымъ, но и трудившейся лично, перевязывавшей раны, ласковымъ словомъ утѣшавшей страждущихъ, напутствовавшей умирающихъ.

Въ 1875 году она отправилась въ Черногорію и тамъ ухаживала за ранеными черногорцами во все время ихъ войны съ турками. Суровыя сердца черногорцевъ не могли не смягчиться при видѣ самоотверженной дѣятельности Карцевой и ея сподвижницъ, не могли не проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ нимъ. Когда отрядъ сестеръ покидалъ Черногорію, черногорцы цѣловали руки у Елизаветы Петровны, а князь черногорскій выразилъ всю сердечную признательность его народа самоотверженной русской сестрѣ милосердія, — «черногорской майкѣ» (то-есть матери) въ лицѣ Карцевой.

Имя Карцевой стало однимъ изъ священнѣйшихъ для русскаго воина. Далеко по всей Россіи разнесли участники Турецкой кампаніи разсказы о ея трудахъ, о ея любви къ ближнему, и имя славной, дорогой «сестрицы» не забудется. Не забудутъ ее и всѣ тѣ, которые имѣютъ надлежащее представленіе о значеніи Общинъ сестеръ милосердія и въ мирное время. Скончалась она на своемъ посту— настоятельницей, созданной ею Георгіевской общины, на 76-мъ году жизни, 24 октября 1898 года[1]).

[1]) Составлено по: «Дневникъ сестры милосердія», Бакуниной; «Севастопольскія письма», Н. И. Пирогова, и некрологу въ «Нивѣ» за 1898 г., № 45.

II.

Раньше Крестовоздвиженской общины, организованной въ Восточную войну и спеціально для помощи раненымъ и больнымъ *воинамъ*, у насъ существовали Общины — сестеръ милосердія и «сердобольныхъ вдовъ», несшихъ помощь больнымъ въ больницахъ — общественнаго призрѣнія и собственныхъ. Однимъ изъ такихъ старѣйшихъ «сердобольныхъ заведеній» была Свято-Троицкая община сестеръ милосердія, въ Петербургѣ, основанная 9 марта 1844 года принцессой Терезой Васильевной Ольденбургской, совмѣстно съ великой княгиней Александрой Николаевной.

Основательница Общины ревностно трудилась на пользу ея, даже сама кроила и шила одежду дѣтямъ пріюта и школы при Общинѣ, привлекала къ этому и дѣтей своихъ. Испрашивала пособія и пожертвованія на нужды учрежденія и совмѣстно съ супругомъ своимъ, извѣстнымъ дѣятелемъ благотворительности, — принцемъ Петромъ Георгіевичемъ, пожертвовала въ общину свыше 130.000 рублей изъ собственныхъ средствъ. Она ни разу не пропустила своей очереди дежурства у постели больныхъ. И возвращаясь однажды пѣшкомъ съ ночного дежурства въ больницѣ, принцесса подверглась простудѣ, которая послужила началомъ той продолжительной болѣзни, которая и унесла ее въ могилу.

Послѣ нея съ 1846 года во главѣ Общины стала великая княгиня Марія Николаевна. Всѣ, лично знавшіе великую княгиню, свидѣтельствуютъ, что нельзя было не поддаться удивительному обаянію ея личности. Величественная красота ея вмѣстѣ съ привѣтливою простотою обращенія, рѣдкое умѣніе во время ободрить, во время приласкать, а когда нужно сдѣлать строгое, и всегда заслуженное,

внушеніе — вселяли въ подчиненныхъ безграничную любовь и довѣріе къ великой княгинѣ и вмѣстѣ страхъ заслужить ея немилость.

Сохранившіяся письма и записки великой княгини, касающіяся дѣлъ общины, носятъ совершенно своеобразный отпечатокъ, по которому можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ отношеніи ея къ дѣлу и людямъ. Краткія, безъ всякихъ лишнихъ словъ, написанныя иногда на маленькихъ, оборванныхъ клочкахъ бумаги карандашемъ, эти записки и письма содержатъ въ себѣ только прямо къ дѣлу идущія приказанія и распоряженія, или мѣткія, порой рѣзкія, оцѣнки людей и обстоятельствъ. И рядомъ съ этимъ, въ какомъ-нибудь одномъ, двухъ словахъ прорывается глубоко женственная, нѣжно любящая, отзывчивая душа. Во все время своего близкаго участія въ завѣдываніи общиной великая княгиня входила во всѣ подробности дѣла, почти ежедневно посѣщая общину, зная по имени всѣхъ больныхъ и сестеръ. Въ общинѣ до сихъ поръ сохраняется форменное платье и косынка, которыя великая княгиня надѣвала, когда цѣлыми часами вмѣстѣ съ сестрами ухаживала за больными. Эту же любовь къ общинѣ великая княгиня умѣла вселять и во всѣхъ сотрудниковъ своихъ.

На страницахъ исторіи общины, среди дорогихъ русскому сердцу именъ истинныхъ «сестрицъ», золотыми буквами начертаны два великихъ имени — сестеръ: С. А. Биллеръ и Е. А. Кублицкой-Піотухъ.

С. А. Биллеръ.

Сарра Александровна Биллеръ — первая начальница Свято-Троицкой Общины, по происхожденію англичанка, по вѣроисповѣданію принадлежала къ сектѣ квакеровъ.

Прибывъ въ Россію въ царствованіе императора Александра I, она въ 1827 году стала во главѣ женской школы взаимнаго обученія и своими выдающимися педагогическими способностями и высокими нравственными качествами обратила на себя вниманіе главнѣйшихъ дѣятелей той эпохи.

Въ 1833 году Биллеръ въ сотрудничествѣ съ другою уважаемою видною дѣятельницею на поприщѣ благотворительности — Анной Ѳедоровной Михельсонъ, открыла магдалинское убѣжище для падшихъ женщинъ. Это еще болѣе трудное дѣло вполнѣ обнаружило организаторскій талантъ Сарры Александровны и умѣнье ея подчинять своему благотворному вліянію даже самыя строптивыя натуры.

Въ средѣ высшаго петербургскаго общества, въ ту эпоху весьма интересовавшагося благотворительностію, С. А. завоевала самыя искреннія симпатіи. Извѣстныя благотворительницы — принцесса Терезія Васильевна Ольденбургская и великая княгиня Марія Николаевна, обладавшія умѣніемъ находить и цѣнить людей, приблизили къ себѣ Сарру Александровну и уговорили ее принять участіе въ задуманномъ ими учрежденіи — общины сестеръ милосердія; на что она и согласилась подъ тѣмъ условіемъ, чтобы управляемыя ею школа для дѣвочекъ и магдалинское убѣжище поступили въ вѣдѣніе общины. Принявшись за новое дѣло, Биллеръ дала ему то разумное и практичное направленіе, которое, на почвѣ строго христіанскихъ началъ, уже успѣло принести добрые плоды въ ея предшествующей дѣятельности.

Энергія и трудолюбіе ея были изумительны. Она раньше всѣхъ вставала и послѣдняя удалялась на отдыхъ. Ни одной отрасли дѣла не выпускала она изъ своихъ рукъ. Настойчивость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и требованіе строгой дисциплины среди подчиненныхъ оправдывалось въ глазахъ всѣхъ личнымъ ея примѣромъ и тѣмъ духомъ христіанской кротости, которымъ были проникнуты всѣ ея отношенія. Она никогда не позволяла себѣ рѣзкаго слова, никогда не возвышала голоса и всѣ въ общинѣ безропотно и безусловно ей повиновались.

Съ Россіею она сроднилась вполнѣ и искренно ее полюбила. Въ вопросахъ вѣры она была вполнѣ чужда духа нетерпимости. Съ полнымъ уваженіемъ относясь къ обрядамъ Церкви православной, С. А. придавала особенно важное значеніе назиданію въ словѣ Божіемъ, и поэтому собирала у себя по воскресеньямъ сестеръ, дѣтей и

служащихъ въ общинѣ и сама читала имъ по-русски и объясняла Евангеліе.

Въ 1850 году, вслѣдствіе постигшаго ее паралича, Биллеръ оставила службу въ общинѣ и вернулась въ Англію, въ сопровожденіи своей любимой воспитанницы Маріи Станиславовны Матусевичъ, на рукахъ которой и скончалась въ мартѣ 1851 года, на 67-мъ году отъ рожденія. Похоронена близъ Лондона въ Ewesham на квакерскомъ кладбищѣ. Насколько плодотворна была дѣятельность Биллеръ видно изъ того, что даже теперь, спустя полвѣка, слѣды этой дѣятельности замѣтны въ строѣ и духѣ общины.

Е. А. Кублицкая-Піотухъ.

Достойной продолжательницей дѣла, начатаго Биллеръ, была Елизавета Алексѣевна Кублицкая-Піотухъ. Урожденная Волкова, она принадлежала къ старинному русскому дворянству. Послѣ смерти мужа, обладая небольшимъ состояніемъ, Е. А. жила въ Петербургѣ въ совершенномъ почти уединеніи отъ свѣта, занимаясь посильною помощью бѣднымъ и чтеніемъ духовныхъ книгъ. Знакомство съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ имѣло сильное вліяніе на нее, измѣнивъ во многомъ ея взгляды, склонявшіяся къ протестантизму, и вселивъ въ нее желаніе принять монашество. Въ этотъ именно моментъ ея жизни получила она предложеніе стать во главѣ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія.

Хотя во время продолжительнаго пребыванія заграницей, по случаю болѣзни мужа, Кублицкая и посѣтила нѣсколько учрежденій сестеръ милосердія и діаконисъ и составила себѣ ясное понятіе объ этой дѣятельности, тѣмъ не менѣе она лишь послѣ большихъ колебаній изъявила согласіе принять въ свое завѣдываніе общину, не считая себя способной на такое великое дѣло.

Надо сказать, что послѣ ухода первой настоятельницы — Биллеръ, община переживала трудныя испытанія. Дисциплина между сестрами стала ослабѣвать, хозяйство пришло въ такое разстройство, что становился на очередь

даже вопросъ о совершенномъ закрытіи учрежденія. Закрытъ уже былъ дѣтскій пріютъ, закрыта исправительная школа, но и съ оставшимися отдѣленіями община едва была въ состояніи справиться. На Елизавету Алексѣевну выпала трудная задача возродить общину послѣ ряда годовъ неустройства, и эта задача была выполнена ею съ успѣхомъ, достойнымъ изумленія. Она принялась за дѣло съ такимъ глубокимъ пониманіемъ его и такою энергіею, что въ самое непродолжительное время Община преобразилась.

Но четырехлѣтніе усиленные труды, борьба, которую приходилось выдерживать, чтобы, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, водворить дисциплину и порядокъ въ отдѣленіи магдалинъ, постоянное напряженіе воли, все это настолько сильно отразилось на здоровьѣ Е. А., что въ 1859 году она должна была просить увольненія отъ должности настоятельницы Общины и удалилась въ Флоровскій Кіевскій женскій монастырь. Три года отдыха здѣсь вернули ей прежнія силы, а близкое знакомство съ монастырскою жизнью показало ей, что Провидѣніе не предназначило ее къ этой жизни, а готовило ее къ иному подвигу.

Между тѣмъ жизнь Троицкой общины опять начала складываться въ нежелаемомъ направленіи. И помощница руководительницы Общины, великой княгини Маріи Николаевны — графиня Толстая, просила Кублицкую вернуться въ Общину. На ея письмѣ съ этой просьбой великая княгиня сдѣлала такую приписку: «Дорогой и несравненный другъ! Могу прибавить одно только слово ко всему тому, что говоритъ Александра Андреевна Толстая: люблю Васъ по-прежнему! Вотъ почему я пламенно желаю, чтобы Вы возвратились къ сестрамъ; молю Бога, чтобы онъ внушилъ Вамъ согласиться на это благодѣтельное возвращеніе. Съ помощью А. А. все будетъ легче, или, по крайней мѣрѣ, бремя Ваше будетъ отчасти облегчено: она берется за дѣло всѣмъ сердцемъ и всей душой и понимаетъ святость цѣли, ради которой трудится. Могу Васъ увѣрить, что мы будемъ *три друга, а не начальницы* одна надъ другой. Я совсѣмъ недовольна духомъ, который водворился между сестрами, какъ-будто вмѣстѣ съ Вами отлетѣлъ отъ нихъ ихъ Ангелъ

Хранитель! Возвратитесь къ намъ, душенька, Елизавета Алексѣевна! Цѣлую Васъ отъ всего сердца, которое Васъ громко къ себѣ призываетъ. Христосъ съ Вами!»

На это приглашеніе Е. А. взглянула, какъ на указаніе свыше. Но какъ человѣкъ глубокой вѣры и неуклоннаго исполненія принятыхъ обязанностей, она обратилась за совѣтомъ къ уважаемому ею московскому святителю Филарету. Тотъ благословилъ ее оставить монастырь и возвратиться къ прежней дѣятельности.

***

Возвращеніе Е. А. было истиннымъ праздникомъ для сестеръ. Отношеніе ихъ къ своей начальницѣ всего лучше характеризуется словомъ «матушка», съ которымъ къ ней обращались и которымъ ее называли. При полной строгости во всемъ, что касалось службы, являя собою примѣръ образцоваго исполненія долга, Е. А. какъ мать была доступна сестрамъ. Сильный умъ ея, всестороннее превосходное образованіе, житейская опытность и рѣдкій тактъ, изощренный прекраснымъ воспитаніемъ, давали ей возможность соблюдать ту тонкую границу, которая отдѣляетъ власть начальницы отъ авторитета матери и достоинство друга отъ близости товарища. Сестры относились къ «матушкѣ» съ полной откровенностію и безграничнымъ довѣріемъ и встрѣчали съ ея стороны сердечное сочувствіе ко всѣмъ своимъ скорбямъ, мудрый совѣтъ и дѣятельную нравственную поддержку.

Въ русско-турецкую войну Кублицкая отправляется во главѣ отряда своей общины на театръ военныхъ дѣйствій и все время работаетъ въ эвакуаціонномъ баракѣ въ Яссахъ. Вотъ оцѣнка ея работы въ отчетѣ главноуполномоченнаго Краснаго Креста. — «Отрядъ Свято-Троицкой общины явился въ видѣ прекрасно подготовленнаго, прочно организованнаго и замѣчательно дисциплинированнаго цѣлаго и послужилъ кадромъ и образцомъ для отрядовъ, прибывшихъ въ Яссы позже. Самая важная заслуга въ высокополезной дѣятельности Свято-Троицкаго отряда принадлежитъ, безъ сомнѣнія, начальницѣ его Е. А. Кублицкой, которая съ необыкновеннымъ умѣньемъ, опытностію

и кротостію руководила дѣйствіями сестеръ не только своего отряда, но и всѣхъ другихъ группъ, прибывшихъ въ эвакуаціонный баракъ, и съ рѣдкою для ея преклонныхъ лѣтъ живостью и энергіею раздѣляла съ сестрами всѣ ихъ труды, проводя цѣлые дни въ баракѣ и подавая примѣръ трудолюбія и самоотверженія».

Выдающіяся заслуги Кублицкой были по достоинству оцѣнены и Августѣйшей Предсѣдательницей Краснаго Креста Императрицей Маріей Александровной въ двухъ рескриптахъ — по случаю 25-лѣтія общины и 25-лѣтія ея служенія въ Общинѣ. Въ 1876 году императрица пожаловала ей золотой наперстный крестъ.

13 декабря 1882 года торжественно, тепло и сердечно община отпраздновала 25-лѣтній юбилей Е. А.; а черезъ три года ея уже не стало. Она скончалась на своемъ посту 5 января 1886 года, на 74-мъ году жизни отъ крупознаго воспаленія легкихъ, въ нѣсколько дней сведшаго ее въ могилу. Погребена на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Сестры сами на рукахъ снесли свою Матушку-Настоятельницу въ ея послѣднее жилище и до сихъ поръ усердно посѣщаютъ дорогую могилу.

---

* * *

Святымъ нравственнымъ обликомъ этихъ двухъ руководительницъ Свято-Троицкой общины — Биллеръ и Кублицкой и объясняется тотъ поистинѣ христіанскій, почти монастырскій строй жизни этого выдающагося святого учрежденія любви.

Послѣ всесторонняго испытанія, ищущая здѣсь званія сестры милосердія при торжественной, отвѣчающей важности и святости момента, обстановкѣ принимается въ сестры. Послѣ литургіи, во время которой испытуемая причащается Св. Таинъ, на нее возлагается золотой крестъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ — Пресв. Богородицы и съ надписью «всѣхъ скорбящихъ Радость», а на другой — съ надписью «милосердіе». Затѣмъ сестра принимаетъ присягу въ томъ: «что доколѣ силъ ея достанетъ, употреблять будетъ всѣ свои попеченія и труды на богоугодное

служеніе болящимъ братіямъ своимъ... и по долгу христіанскаго милосердія не только будетъ пещися о тѣлесномъ, но и душевномъ здравіи болящихъ, и по сему святому долгу будетъ сердцемъ и устами приносить за нихъ молитву Богу и Господу Іисусу Христу, врачу душъ и тѣлесъ и Пречистой Матери Его — радости всѣхъ скорбящихъ».

Принявшая званіе сестры не должна имѣть ни собственной одежды, ни мебели, ни собственныхъ денегъ. Все, что она можетъ получить за свои услуги подарками и деньгами, принадлежитъ Общинѣ. Она должна даже забыть и свою фамилію и официально именуется только — «сестра Ольга 1-я, сестра Анна 2-я и т. д.», такъ онѣ и называютъ другъ друга. Самыя сношенія сестры съ внѣшнимъ міромъ ограничены: только въ случаѣ тяжкой болѣзни дозволяется ей принять родственниковъ въ своей комнатѣ; въ иныхъ же случаяхъ пріемъ гостей разрѣшается только въ пріемной залѣ и не чаще двухъ разъ въ недѣлю.

Если за недостойное поведеніе начальство признаетъ нужнымъ исключить сестру изъ Общины, то установлена особая печальная церемонія снятія съ исключаемой даннаго ей знака отличія. Этотъ чинъ разжалованія долженъ служить сестрамъ назидательнымъ напоминаніемъ святости принимаемыхъ ими на себя обязанностей. Но такого случая разжалованія, почти за 70 лѣтъ существованія Общины, еще не было ни разу; не было ни одной, достойной изгнанія, сестры[1]).

---

[1]) Свѣдѣнія о Св.-Троицкой общинѣ и о сестрахъ Биллеръ и Кублицкой заимствованы изъ: «Историческаго очерка Св.-Троицкой общины сестеръ милосердія за пятидесятилѣтіе 1844—1894 гг.».

III.

Сестры русско-турецкой войны.

Началась освободительная война за порабощенные, страждущіе братскіе народы и вновь полилась русская кровь. Вновь начались страданія, но и вновь потянулось къ нимъ сострадательное женское сердце, готовое жизнь свою положить за други своя. Приведемъ разсказъ военнаго корреспондента[1]).

1. Сестра Лебедева.

Въ крѣпость Александрополь, на Кавказѣ, привезли раненаго генерала Комарова. Уходъ былъ хорошій, сталъ онъ понемногу поправляться, только рана на ногѣ не заживала. Доктора сказали, что надо взять кожи отъ живого человѣка и прирастить ее къ больному мѣсту. Своихъ силъ у больного не хватало. Сестра милосердія Лебедева узнала про это и говоритъ докторамъ: «вырѣжьте у меня кожи сколько нужно». Доктора согласились и вырѣзали у нея восемнадцать маленькихъ кусочковъ кожи: девять кусочковъ на правой рукѣ и девять на лѣвой. Пока рѣзали, она не моргнула глазомъ. На другой день у нея сдѣлалась лихорадка, а генералъ скоро выздоровѣлъ и уѣхалъ въ армію.

2. Сестра Васильева.

Ночью разгорѣлась перестрѣлка. Турки пошли на наши укрѣпленія, еще издали оглушая насъ ружейной трескотней и гамомъ. Выдержанные въ огнѣ, солдаты наши спокойно ждали команды. Первый залпъ мы дали въ упоръ, когда турки подошли шаговъ на двадцать-тридцать.

---

[1]) В. Немировичъ-Данченко.

— Господи! Сколько смертей! Голубчики, болѣзные мои! — шепталъ сзади меня нѣжный голосъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь, сестра? Сойдите! Нельзя, васъ убьютъ.

Сестра меня не слушала. Схватилась руками за голову и шепчетъ молитву. Слышу, не за себя, а за насъ.

Турокъ мы отбили и прогнали. На другой день они, озлобленные, стрѣляли по каждому изъ тѣхъ, кто приподнималъ голову надъ валомъ. За валомъ слышались громкіе стоны.

— Что это? Кто стонетъ? — спрашивала меня сестра милосердія.

— Турки, что вчера на наше укрѣпленіе шли. Ихъ ранили, а свои подобрать не успѣли.

— Что же съ ними будетъ?

— Будутъ лежать, пока не умрутъ.

— Да, вѣдь, подобрать-то надо? Нельзя такъ, — вѣдь, они мучатся.

Я повелъ сестру къ валу.

— Стоитъ только поднять голову надъ валомъ, какъ турки стрѣлять станутъ. Видите!

— Все-таки... Богъ поможетъ. Братцы, ужели же имъ такъ и помирать?

Солдаты мялись. Кому охота на вѣрную смерть итти?

— Душа-то въ васъ есть, голубчики! Православные, жаль вѣдь ихъ!

— Жаль-то жаль, сестрица, да какъ выйти-то? Тутъ смертушка.

— Помогите, милые!

Одинъ турецкій раненый, какъ нарочно метался, у самаго вала.

— Коли вы не хотите, я сама пойду. — И прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, сестра была уже за валомъ.

— Что жъ это, братцы? Ужели жъ покинуть? — И старый унтеръ съ георгіевскимъ крестомъ, перескочилъ за валъ. За нимъ еще перепрыгнули солдаты съ носилками.

Адъ поднялся. Пули засвистали отовсюду.

Сестра, не обращая вниманія, наклонялась надъ кустарниками, отыскивая раненыхъ турокъ. На лицѣ ни малѣйшаго страха, только поблѣднѣло оно и глаза блестятъ.

Къ чести турокъ, они, какъ только замѣтили, зачѣмъ сошли наши, опустили ружья и выставили головы надъ валомъ. Видимо, они были удивлены.

— Мать милосердная! — говорили про сестру солдаты. Это — сестра Васильева.

Совсѣмъ простое, худенькое, больное личико... Маленькая головка на тоненькой шейкѣ, впалая грудь... Сутуловатая... Походка неувѣренная... Руки — безсильныя, страшно исхудалыя... По блеклому личику кажется, что сестра совсѣмъ утомилась, погасла... Больно смотрѣть ей — больно двинуться... И дышала то она съ натугой, точно ей трудно было вдыхать въ себя воздухъ. Всѣ только удивлялись ей.

— Откуда у васъ столько силы берется?... Такая вы хилая, а работаете за троихъ.

— Я вовсе не хилая... Только вотъ, когда дѣла нѣтъ... У меня на это силы хватитъ... потому здѣсь вѣдь всякая рука на счету... и я тоже... полезна... ну, и стараюсь...

Началась Плевна. Стоянки въ грязи, дни и ночи подъ дождемъ, утомительные переходы впроголодь, потери не отъ огня, а отъ безпримѣрной неурядицы и, наконецъ, неотразимый, ненасытный, всѣхъ подстерегающій тифъ. Только и слышишь — умеръ, отправленъ въ Россію полумертвымъ... О сестрѣ Васильевой я боялся спросить. Гдѣ же ей, больной, худенькой, маленькой, съ кашлемъ, съ ея хриплымъ дыханьемъ, съ ея слабыми ногами и впалою грудью выдержать этотъ адъ, въ которомъ гибли тысячи сильныхъ... Вѣрно уже давно эти худенькія руки съ костяшками крестъ-на-крестъ сложились на ея груди, и сама она, занявъ только часть большого для нея гроба, улеглась далеко, далеко, подъ сырую землю чуждаго ей края... Поди, лежитъ она теперь и уже не бьется привѣтомъ и лаской на чужое страданіе большое сердце маленькой женщины... успокоилось... навѣки замолкло не знавшее отдыха...

Даже спрашивать не хотѣлось о ней... Такъ машинально сказалось только:

— А не зналъ ли, господа, кто изъ васъ сестры Васильевой?..

— Ангела Божьяго! Какъ же не знать... мученицу!...— И лицо офицера озарилось такимъ благодарнымъ свѣтомъ, что намъ всѣмъ точно стало теплѣе въ этой холодной землянкѣ.

— Давно умерла?

— Кто?

— Да она. Сестра Васильева!...

— Почему же умерла?... — уставился на меня съ удивленіемъ разсказчикъ.

— Неужели жива!...

— Еще третьяго дня прощался съ нею. Странное созданіе. Чѣмъ хуже кругомъ, чѣмъ труднѣе — тѣмъ больше силъ у нея. Кажется, откуда бы — хилая. Кругомъ сестры валятся — а она выстояла до сихъ поръ. Всѣ ея подруги по общинѣ частію вымерли, частію переболѣли — а она скрипитъ себѣ. Дѣйствительно, такое впечатлѣніе производитъ, какъ-будто наканунѣ смерти... А кто болѣе ея работаетъ? Санитаровъ послали. Здоровенные парни, а съ десяткомъ больныхъ управиться не могутъ. Ихъ пять теперь за одну Васильеву отдать можно!... Когда она отдыхаетъ — не знаю.

Стали другіе разсказывать про Васильеву...

Привезли въ госпиталь раненаго солдата изъ благородныхъ — разжалованный за растрату полковыхъ денегъ офицеръ. Офицеры его дичились, солдаты тоже своимъ не считали... Онъ въ огонь первымъ шелъ и уходилъ изъ боя послѣднимъ... Сталъ безъ толку на каждую пулю соваться, а пули его щадили. Наконецъ, дождался. Посмотрѣлъ его докторъ...

— Скажите правду, когда я умру?

— Недѣли черезъ двѣ.

— Благодарю васъ...

Васильева какъ-то разъ подсѣла къ нему. Съ ней съ одной разоткровенничался разжалованный... Сама плакала... Съ той поры исключительно имъ занялась. Докторъ выговаривалъ ей:

— Займитесь вонъ тѣмъ, этотъ все равно умретъ...

— Богъ не скажетъ, кто умретъ, а кто нѣтъ...

— Да что же вы къ нему именно...

— А потому, что онъ несчастный... У другихъ — только раны... тѣло болитъ, а у него вся душа измучилась... сердце кровью изошло... ему больше, чѣмъ кому другому, ласка нужна...

Какой-то офицеръ изъ молодыхъ говоритъ ей: вѣдь онъ чортъ знаетъ что — воръ... — Вся даже побѣлѣла...

— А вы въ душу-то смотрѣли... Видали вы, какъ онъ плакалъ да каялся... Даромъ смерти искалъ, что ли? И не воръ онъ, не преступникъ, а несчастный... Что вы больше Бога хотите быть... Богъ милуетъ — а вы осуждаете. А какъ въ тюрьмѣ сидѣлъ — онъ мало вынесъ. Какъ-то вы еще доживте...

А у самой крупныя слезы такъ и падаютъ, губы вздрагиваютъ... Оскорблена — точно о ней дѣло идетъ.

И давай изводиться надъ нимъ день и ночь, безотходно... Отъ постояннаго волненія даже румянецъ въ лицѣ заигралъ... «Умрете», говорятъ ей бывало. Что же вы думаете, не только сама не умерла — его еще спасла и не физически только... Изъ-подъ спины ему вынули пули. Выходила она его, выносила, какъ мать ребенка, а потомъ заставила насъ сойтись съ нимъ, полюбить его... Нравственно подняла, душу въ немъ спасла... Вотъ она какая — сестра Васильева. Одинъ докторъ, отправляя разжалованнаго въ Россію, обернулся къ Васильевой, да и говоритъ: «Я думалъ, что чудесъ больше нѣтъ... а вы сдѣлали чудо»... Солдаты тѣ молятся на нее... Сколько разъ, бывало, — стонъ стоитъ въ палатѣ, — войдетъ она, повернутъ они къ ней головы съ воспаленными отъ муки глазами и разомъ стихнутъ... точно имъ при одномъ видѣ этого ангела Божьяго легче становилось... Какъ-то священника не случилось, а одинъ солдатъ умиралъ. Сестру Васильеву потребовалъ.—Исповѣдуй, говоритъ, меня...

— Я не смѣю... не могу...

— Ты святая... ты простишь и Богъ проститъ.

— Что жъ мнѣ его такъ, съ тяжелымъ сердцемъ, умирать оставить... Пусть лучше грѣхъ на мнѣ...

Она и выслушала его, и простила.

Мы собрались навѣстить кое-кого изъ товарищей и направились въ ближайшій госпиталь. Солдаты лежали

въ грязи на промокшихъ снопахъ соломы, прикрытые своими сѣрыми шинелями, такъ что изъ-подъ нихъ выставлялись голыя ноги... Холодно было въ шатрахъ... Чугунная печка, поставленная по серединѣ, давала очень мало тепла. Капало сверху, лужи стояли внизу. Проходившіе по госпиталю сестры, санитары и врачи шлепали сапогами прямо въ эти лужи, потому что сухого мѣста не было, и брызги черной, липкой грязи летѣли въ лица больныхъ... Тутъ было царство тифа...

Пахло тифомъ, дышали тифомъ, смотрѣли сквозь тифозныя испаренія, слышали бредъ тифозныхъ больныхъ... Острый запахъ, кислый, полный какого-то тонкаго яда, просачивался въ легкія, билъ въ носъ. Казалось, здѣсь нельзя было безнаказанно провести и одного часу. Доктора быстро проходили мимо, санитары избѣгали этого тифознаго царства... Отсюда была одна дорога — въ могилу, и могила далеко не казалась ужасной, особенно въ такіе вечера, какъ этотъ, когда мы посѣтили сестру Васильеву...

Сестра Васильева еще бодрѣе... Масса ея подругъ уже угомонились въ сырыхъ могилахъ, умирали въ госпиталяхъ, едва-едва поправлялись въ Россіи — отправленныя туда въ свои семьи... Васильева — уцѣлѣла... уцѣлѣла и не устала. Ничто не могло убить ея силъ. Улыбаясь, она говорила:

— Я выдержу до замиренія... А тамъ, какъ только дѣлу конецъ, и мнѣ конецъ...

Она точно была возбуждена пріемомъ сильно дѣйствующаго средства. Глаза сіяли оживленіемъ, руки безустанно работали, то около одного, то около другого больного... Надъ однимъ возится — другого уже распрашиваетъ...

— Ангелъ Божій, святая ты наша, голубушка!...—привѣтствовали ее отовсюду. Только на нее смотрѣли здѣсь довѣрчиво. Только при ея появленіи стихали...

Мечется и бредетъ какой-нибудь горячечный, весь въ жару, воспаленные глаза налились кровію, сквозь зубы пѣна проступаетъ зловонная, волоса смокли... хрипло выкрикиваетъ что-то... Прислушивается Васильева къ нему.

— Милый, болѣзный мой... Жутко тебѣ, больно... — положитъ руку на голову ему, сядетъ въ грязь рядомъ.—

Ну, успокойся... ну, помолчи, полежи, родной... Что не легче, голубчикъ ты мой?..— Возьметъ за плечо и давай покачивать словно ребенка.

Глаза больного теряютъ свой острый блескъ, гаснутъ. Тише и тише становятся крики. Судорожно метавшееся тѣло выпрямляется... легче дышется...

— Ну что, легче тебѣ, бѣдный мой? — шепчетъ ему на ухо, и до самого сердца проникаетъ ему этотъ шопотъ, потому что онъ уже сознательно начинаетъ смотрѣть на нее... Память возвращается... Беретъ ея руку...

— Милосердный Ангелъ...—шепчутъ больные ей вслѣдъ. И дѣйствительно, словно ангелъ проходитъ она въ этой палатѣ, сѣя миръ и спокойствіе, утишая страданія, отзываясь на каждую жалобу, чутко отзываясь... Шепчетъ больной, его бы и не услыхать, а у нея слухъ такъ привыкъ, насторожился и шопотъ ловитъ.

— Что ты, голубчикъ... чего хочешь?...

— Воды... горитъ... воды!...—стонетъ едва слышно умирающій.

— Сейчасъ... — Беретъ кружку; тамъ вода тоже тифомъ заражена: съ каплями, что падаютъ сверху въ воду, и тифъ проникаетъ туда. Кажется, что эти капли сгустились отъ тифозныхъ испареній. И не глядя на вьюгу, на дождь, что хлещутъ ей въ лицо, на вѣтеръ, что хочетъ сбить ее съ ногъ, бѣжитъ спотыкаясь сестра къ колодцу...

Пришла другая сестра. Повела насъ къ себѣ Васильева.

— Вотъ тутъ я.

Уголокъ въ палаткѣ... Снопикъ подъ голову, сѣрая рвань какая-то брошена на слякоть...

— Ни одѣяла, ни подушки у васъ...

— И одѣяло, и подушку больнымъ отдала, — отзывается докторъ... Носилки принесли ей, въ чемъ раненыхъ таскаютъ, и тѣ сволокла въ палатку: умирающаго помѣстила на нихъ. Сама въ грязи спитъ... Я разъ къ ней зашелъ — холодно было, накрыться нечѣмъ: все, что было — снесла туда. Дрожитъ, сидя, и руки надъ фонаремъ грѣетъ... И что за натура! Нѣсколько разъ ее тифъ захватывалъ. Придетъ отдохнуть — голова начинаетъ кружиться, болѣть, ноги не держутъ... Вотъ, вотъ сляжетъ — нѣтъ, позвали къ боль-

нымъ — все какъ рукой сниметъ... опять бодрая, неутомимая...

Какъ-то нѣсколько умирающихъ отъ гангрены, вмѣстѣ въ одну землянку снесли... Воздухъ стоялъ такой тамъ, что доктора только изъ-за дверей, отворачивая носъ въ сторону, спрашивали больныхъ... Такъ бы, безъ помощи и ласки, умерли несчастные, если бы не случилось тутъ сестры Васильевой.

Она облегчала послѣднія минуты ихъ...

Одинъ такъ и умеръ, не выпуская ея руки... Такъ и закостенѣлъ... Едва освободили потомъ этого ангела Божьяго...

Мы не могли отогнать отъ себя дивнаго образа этой маленькой женщины съ большимъ сердцемъ, осилившей самую смерть, отважно вырывавшей у нея уже обреченныя жертвы... Не сильнѣе ли насъ эта маленькая женщина съ большимъ сердцемъ?...

3. О. П. Раевская.

Сестра Раевская проснулась подъ мокрымъ, заплатаннымъ шатромъ. Дикій, холодный вѣтеръ носился по влажной, утонувшей подъ туманами болгарской равнинѣ, кружился вокругъ шатра, врывался подъ его полотнища, трепетавшія точно отъ испуга, и обдавалъ сыростью и стужей лица нѣсколькихъ дѣвушекъ, лежавшихъ здѣсь на прогнившей насквозь отъ осеннихъ ливней соломѣ. Въ шатрѣ слышалось тяжелое дыханіе, чей-то бредъ, стонъ во снѣ.

Раевская на мгновеніе остановила болѣзненный взглядъ своихъ потускнѣвшихъ глазъ на грязномъ фонарѣ, качавшемся отъ вѣтра подъ пологомъ шатра. Еще недавно это была русоволосая дѣвушка съ чистымъ, свѣжимъ, яркимъ личикомъ. Куда дѣлись ея волосы? Отчего поблекло ея личико, все въ синихъ пятнахъ какихъ-то, осунувшееся? Ей страшно теперь и взглянуть въ зеркало. Это не она, совсѣмъ не она. Еще на-дняхъ ея знакомый шелъ мимо нея. Видалась она часто съ нимъ въ Петербургѣ.

— Здравствуйте! — улыбнулась она ему.

Онъ съ недоумѣніемъ приподнялъ фуражку.

— Виноватъ... Съ кѣмъ имѣю честь...

— Неужели вы не узнаете меня?... Раевская!

Тотъ вспыхнулъ, крѣпко пожалъ ей руку. Помолчалъ нерѣшительно.

— Что, я очень перемѣнилась?

— Да...—просто отвѣтилъ онъ.—Что съ вами было?

— Два тифа выдержала... Да и работа у насъ, сами знаете, какая...

— Ольга Петровна, уѣзжайте скорѣе... Вы сдѣлали уже слишкомъ много, будетъ съ васъ. Спасайтесь сами теперь... Ради Бога!...

— Меня и то посылаютъ въ Россію... Говорятъ еще два мѣсяца и я умру здѣсь.

— Какъ легко вы говорите это!...

— Притерпѣлась...

Да!... И она, и всѣ эти ея подруги... Подвигъ ихъ незамѣтенъ; только солдатъ унесетъ воспоминаніе о немъ въ свою глухую, далекую деревушку,—солдатъ, котораго выходили онѣ, отвоевали у смерти... Онѣ стали дѣйствительными сестрами народу,—онѣ, отовсюду собравшіяся на поле сраженія съ грязныхъ улицъ большихъ городовъ и изъ золоченыхъ гостиныхъ, съ одинаковою цѣлью—возлюбить своего ближняго больше себя, послужить ему и умереть за него, если понадобится. Сколько могилъ выросло посреди болгарскихъ пустырей надъ замучившимися на работѣ сестрами! Сколько сотенъ ихъ стоятъ теперь, ожидая смерти, истомленныя, блѣдныя, чахлыя, но не опускающія своихъ рукъ, не теряющія бодрости и вѣры!

— Сестра Раевская! Вы назначены въ Россію, назадъ,—улыбается ей молодой врачъ. Потрудились, будетъ!

— Да, я знаю...

— Собирайтесь... Завтра надо выѣзжать. Я съ вами буду говорить серіозно: вамъ надо долго поправляться... А главное—не въ Петербургѣ. Уѣзжайте куда-нибудь на далекій югъ. Вы женщина богатая, вамъ ничего не значитъ дорога. Я бы вамъ совѣтовалъ въ Алжиръ...

Сестры тоже прощались съ нею, глядя на нее съ завистью. Теплыя и сухія комнаты, свѣжія постели, горячая пища

снились и грезились имъ, захолодавшимъ здѣсь, какъ невѣсть какое счастье...

Только бы съ недѣлечку отогрѣться и тогда, пожалуй, опять назадъ! — говорили онѣ.

Раевская стала укладываться. Окончивъ со своимъ сундукомъ, она сѣла на него и задумалась. Еще вчера получила она отъ кузины письмо и не успѣла отвѣтить на него. Та была замужемъ за однимъ изъ нашихъ консуловъ заграницей и давно звала къ себѣ Ольгу Петровну. Машинально она вытащила изъ кармана измятый листокъ и стала перечитывать его. «Тутъ у насъ хорошо, несмотря на ноябрь, солнце грѣетъ и небо безоблачно... Съ утра до вечера мы на балконѣ и любуемся прозрачнымъ заливомъ и синимъ Капри вдали... Пріѣзжай сюда скорѣе и я ручаюсь, что ты оправишься мѣсяца въ два совершенно!» Она закрыла глаза.

— Сестра!.. Степановъ умираетъ!... Бѣдный... у него уже бредъ начался.

Разомъ точно не стало этихъ призраковъ... Точно унесло ихъ куда-то нежданнымъ порывомъ вѣтра. Ольга Петровна даже уронила письмо.

— Какъ умираетъ?... Да вѣдь онъ оправлялся?

— Развѣ можно оправиться отъ этой гнили?... И думать смѣшно!... Не увезли его во время — ну, теперь простая, легкая рана и обратилась въ гангрену... Докторъ приказалъ вынести его къ тѣмъ... знаешь, что въ антоновомъ огнѣ...

— Надо пойти къ нему... Онъ такъ радовался, такъ жить хотѣлъ...

— Ты ѣдешь въ Россію!... Тебѣ нельзя... Пожалуйста, оставайся у себя... безъ тебя найдутся!... Тамъ зараза вѣдь... Еще сама заболѣешь...

Но Раевская уже не слышала.

Въ сторонѣ шалашъ изъ хвороста. Сюда сносили всѣхъ, кого отмѣтила гангрена своею страшною печатью. Отсюда былъ одинъ только выходъ — въ могилу. Сестра Раевская шла сюда. Она не боялась заразы и сидѣла надъ умирающими цѣлые дни и ночи. Она говорила умирающимъ о далекой родинѣ, писала имъ письма домой и своей кроткой улыбкой, своимъ примиряющимъ спокойствіемъ умѣла

«*Я* былъ боленъ и вы посѣтили *Меня*» (Мѳ. 25, 36).

влить и въ ихъ страждущія души надежду и миръ... Люди, умирая на ея рукахъ, въ послѣднія мгновенія слышали ея ободряющій и ласковый голосъ... И, къ удивленію другихъ, на ихъ устахъ, вмѣсто отпечатка страданій и мучительной боли, лежалъ тихій отсвѣтъ какого-то невыразимаго счастья.

— Ну что, Степановъ? — спросила Раевская, входя въ шалашъ.

Метавшійся на соломѣ раненый дико взглянулъ на нее. Она положила ему на голову свою худую и блѣдную руку... Мало-по-малу бредъ больного сталъ стихать... На лицѣ мелькнулъ лучъ сознанія...

— Сестра... голубушка... родимая!... Всѣ бросили... всѣ ушли — ты одна со мною... Спаси тебя Богъ... Дай Онъ тебѣ...

— Ну, полно, полно... Кто же тебя бросилъ. Видятъ, что тебѣ лучше, пошли къ другимъ, кому потяжелѣе... А я сюда зашла отдохнуть, поболтать съ тобою...

— Вотъ, вотъ спасибо!... — веселѣлъ солдатъ. — Вотъ спасибо, мать ты наша родненькая... Измаялась съ нами и ты, голубушка...

— Теперь недолго... вмѣстѣ въ Россію поѣдемъ.

— Какъ вмѣстѣ?

— Такъ... тебя назначили назадъ; дома выздоровѣешь...

— Дома?!... — и точно солнце бросило свой прощальный свѣтъ на чернѣвшее лицо его. — Дома-то, слава-те, Господи... У насъ семья хорошая, большая; живемъ, сестра, зажиточно: однѣхъ коровъ три держимъ, четыре лошади. Вотъ какъ у насъ! Мать ты наша, чистая голубка! И онъ уже не отрывалъ отъ нея своего просіявшаго взгляда.

— Только ты не уходи! — молилъ онъ ее. — Потому безъ тебя пропадать станемъ... Ты меня не брось...

— Нѣтъ, нѣтъ, не брошу!

Усталая рука ея осталась на его горячемъ лбу. Она не переставала улыбаться умирающему и долго-долго говорила ему о родимой сторонѣ, о далекой семьѣ, которая ждетъ, не дождется его... Слушая ее Степановъ отходилъ счастливый и улыбающійся. Сестра закрыла глаза умершему, перекрестила его...

«Всѣ бросили, всѣ ушли, — ты одна со мною!..», — припомнились ей слова Степанова, которыя ей такъ часто случалось слышать отъ раненыхъ и больныхъ. Неужели же она теперь броситъ ихъ и уйдетъ! Неужели же то горячее солнце, то синее небо, тѣ счастливые люди заставятъ ее забыть этотъ міръ скорби и мукъ, гдѣ она была ангеломъ-хранителемъ, гдѣ одно ея появленіе заставляло утихать злыя страданія и замирать болѣзненные стоны!...

— Нѣтъ я не брошу васъ... не уйду... я останусь съ вами! — вся въ слезахъ, умиленная, повторяла она.

И она не ушла, отказавшись отъ всего... Она не ушла къ голубому морю, къ дорогимъ людямъ... Но она не ушла также и отъ смерти, давно сторожившей мученицу.

---

4. Ю. П. Вревская.

А кто не слыхалъ о дивной сестрѣ Св.-Троицкой общины — баронессѣ Ю. П. Вревской, положившей и жизнь свою на алтарь любви въ эту войну. Ей Тургеневъ посвятилъ эти чудныя строки [1]).

«На грязи, на вонючей, сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ — слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ — и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ, поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

---

[1]) «Стихотворенія въ прозѣ».

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! — Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастья... не вѣдала — и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась и вся, пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ,— никто не зналъ никогда, а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу, — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!»

Ей же и поэтъ Полонскій посвятилъ это дивное стихотвореніе.

Подъ Краснымъ Крестомъ.

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
Безъ памяти поднятъ былъ съ мерзлой земли,
И долго въ шинели изорванной, въ ранахъ,
Меня на скрипучей телѣгѣ везли.
Въ какомъ-то баракѣ очнулся я снятый
Съ телѣги и понялъ, что это баракъ.
День ярко сквозилъ въ щели кровли дощатой,
Но день безотраденъ былъ — хуже, чѣмъ мракъ.
. . . . . .
А вотъ подошла и сестра милосердья!
Волнистой косы ея свѣсилась прядь...
Я дрогнулъ: «Къ чему молодое усердье?
Безъ крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть ради Бога!»
Она поглядѣла такъ кротко и строго,
Что далъ я ей волю и раны промыть
И раны промыть и бинты наложить.
И вотъ надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
«Подайте рубашку!» и слышу въ отвѣтъ,—
Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:
«Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»

И мыслю я: Боже, какое терпѣнье!
Я, дышащій трупъ, я одно отвращенье
Внушаю, но нѣтъ его въ этихъ чертахъ
Прелестныхъ и нѣтъ его въ этихъ глазахъ.
То грезилъ я, то у меня дыбомъ волосъ
Вставалъ; то въ холодномъ поту я кричалъ:
«Рубашку, рубашку!» И долго мой голосъ
Въ ту ночь истомленныхъ покой нарушалъ.
Въ туманномъ мозгу у меня разгорался
Какой-то злой умыселъ, и порывался
Бѣжать я, какъ вдругъ, слышу, катится громъ.
И вѣтеръ къ намъ въ щели бьетъ крупнымъ дождемъ!
Притихъ я, смотрю, среди призраковъ ночи
Сидитъ, въ красноватомъ мерцаньѣ огня,
Знакомая тѣнь, и безсонныя очи,
Какъ звѣзды сквозь сумракъ, глядятъ на меня.
Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
Къ огню, и одну изъ лампадъ задуваетъ...
И чудится, будто одежда шуршитъ,
По бѣлому темное что-то скользитъ...
И странно, въ тотъ мигъ, какъ она замелькала —
Какъ духъ, надъ которымъ два бѣлыхъ крыла
Взвились,— я подумалъ: бѣдняжка устала,
И если бъ не крикъ мой, давно бы легла.
Но вотъ снова шорохъ, и снова въ одеждѣ
Простой (въ той, въ которой ходила и прежде),
Она изъ укромнаго вышла угла
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла,
И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! Я рубашку тебѣ принесла»...
Я понялъ: она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку сняла.
И плакалъ я... Дѣтское что-то, родное
Проснулось въ душѣ, и мое ретивое
Такъ билось въ груди, что пророчило мнѣ
Надежду на счастье въ родной сторонѣ...
. . . . . .
И вотъ я на родинѣ! Тѣ же невзгоды...
Но нѣтъ, не забыть мнѣ сестрицы святой!
Рубашку ея сохраню я до гроба...
И пусть нашихъ недруговъ тѣшится злоба...
Я вѣрю, что зло отзовется добромъ:
Любовь мнѣ сказалась подъ Краснымъ Крестомъ!

5. Кн. Н. Б. Шаховская.

Въ Русско-турецкую войну прославилась своей самоотверженной и исключительной по успѣхамъ, работой на благо страждущихъ воиновъ — основательница и пожизненная начальница Московской Александровской общины сестеръ милосердія «Утоли моя печали» — княгиня Наталья Борисовна Шаховская.

Кн. Н. Б. Шаховская.

Младшая дочь князя Б. А. Святополкъ-Четвертинскаго, она съ дѣтскихъ лѣтъ стремилась къ подвигу и служенію сестры милосердія. Ихъ домъ часто посѣщалъ великій служитель самоотверженія—докторъ Ѳ. П. Гаазъ, и его бесѣды по вопросамъ благотворительности и увлекательные разсказы о нуждахъ бѣдныхъ и страждущихъ и сладости подвига служенія имъ глубоко дѣйствовали на впечатлительную душу княжны. Она стала интересоваться благо-

творительными учрежденіями въ Россіи и за границей, посѣщала ихъ, внимательно осматривала, знакомилась съ задачами ихъ и постановкой дѣла.

Вынесши въ жизни много тяжелыхъ испытаній и рано освободившись отъ семейныхъ обязанностей, Наталья Борисовна въ 1863 году получаетъ, наконецъ, возможность осуществить свою мечту — посвятить всю себя служенію ближнимъ, и переселяется въ одну изъ палатъ извѣстной «Полицейской больницы» Ѳ. П. Гааза. Неутомимо проработавъ здѣсь годъ, въ теченіе котораго черезъ руки ея прошли тысячи страдальцевъ, княгиня убѣдилась въ необходимости пріискать себѣ помощницъ и поставить дѣло ухода за больными на болѣе широкихъ началахъ.

На призывъ ея откликнулось болѣе 30 сострадательныхъ женщинъ и Н. Б. въ 1865 году въ ветхомъ домишкѣ Новиченковой, рядомъ съ Гаазовской больницей, полагаетъ начало тому доброму дѣлу, которое послѣ выросло въ извѣстное прибѣжище страждущихъ — Общину сестеръ милосердія «Утоли моя печали».

Все устроено было и содержалось на средства основательницы. Съ «больницы бѣдняковъ» княгиня не желала получать для своихъ сестеръ даже и пищи. Вскорѣ помѣщеніе оказалось тѣснымъ, такъ какъ дѣятельность Общины развивалась быстрыми шагами и раскинулась уже на нѣсколько больницъ и военный госпиталь.

Въ 1868 году Община примкнула къ «Московскому Дамскому Комитету Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ» и получила уставъ, управленіе, печать и нѣкоторые источники средствъ — сборъ въ кружки и плата за уходъ сестеръ съ частныхъ лицъ и учрежденій, что прежде производилось совершенно безплатно. Это дало возможность основательницѣ собрать еще не одинъ десятокъ сестеръ, и онѣ начали самоотверженную работу больнымъ не только Москвы, но и Петербурга и провинціи. Госпитали, земства, фабрики нарасхватъ разбираютъ сестеръ и онѣ всюду получаютъ самые лестные отзывы отъ врачей и общее доброе мнѣніе и уваженіе своимъ знаніемъ, опытомъ, усердіемъ и христіанскимъ исполненіемъ своихъ нелегкихъ обязанностей.

Теперь Наталья Борисовна получаетъ, отъ пребывавшаго тогда въ Москвѣ Антіохійскаго патріарха, торжественное посвященіе въ званіе настоятельницы общины. Вмѣстѣ съ нею «посвящаются» въ сестры и получаютъ, присвоенные Общинѣ по уставу бронзовые кресты и нѣсколько старшихъ, послужившихъ въ Общинѣ сестеръ.

* * *

Въ 1872 году княгиня покупаетъ на свои средства обширное владѣніе въ Лефортовѣ, на двухъ десятинахъ котораго стояло пять полуразвалившихся зданій, съ разрушенными окнами и съ пошатнувшимися, угрожавшими упасть, стѣнами. Привлечены были настоятельницей жертвователи деньгами, товарами и трудомъ, и въ отремонтированныя заново зданія переведена была Община. Здѣсь она находится и въ настоящее время, годъ отъ года разрастаясь и застраивая обширными, прекрасно оборудованными, зданіями свои двѣ десятины земли.

Въ новомъ помѣщеніи Н. Б. стала матерью сразу многочисленныхъ дѣтей и до самой кончины своей постоянно была окружена этой любимой ею семьей. Въ «Полицейской больницѣ» часто умирали безпріютныя женщины, послѣ которыхъ оставались полныя сироты 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, вмѣстѣ съ матерями, не имѣвшими пристанища, принятыя въ больницу и положенныя съ ними на ту же койку. Умирая, эти несчастныя завѣщали своихъ дѣтей матушкѣ-сестрицѣ, и она успокаивала ихъ предсмертныя муки обѣщаніемъ пригрѣть сиротъ. Изъ такихъ дѣтей образовался при общинѣ «Сиротскій пріютъ» сначала на 36, а потомъ на 60 и болѣе дѣтей.

Впослѣдствіи признано было болѣе удобнымъ упразднить мужской пріютъ, соотвѣтственно расширивъ женскій. Дѣти обучались по различнымъ спеціальностямъ, сообразно способностямъ. На ряду съ общимъ образованіемъ имъ сообщались и такія практическія познанія, которыя могли бы въ послѣдующей ихъ жизни, на случай отсутствія соотвѣтствующихъ занятій, дать имъ возможность самостоятельно, трудами своихъ рукъ зарабатывать

средства къ существованію. Многіе, изъ вышедшихъ изъ Пріюта, устроились учителями и учительницами, наиболѣе способные получили высшее образованіе, многія дѣвушки остались въ воспитавшей ихъ общинѣ сестрами милосердія, нѣкоторыя выданы были замужъ.

Нелегкую, почти непосильную, для скудныхъ средствъ общины, задачу приняла на себя мать осиротѣлыхъ. Но любовь все побѣждаетъ. А какъ она любила сиротъ! Каждую свободную минутку отъ сложныхъ дѣлъ общины она посвящаетъ имъ, рвалась къ нимъ всѣмъ многолюбящимъ сердцемъ. Чтобы какъ можно больше быть съ ними, какъ можно чаще навѣщать ихъ, она помѣстила ихъ въ томъ же домѣ, гдѣ сама жила, рядомъ со своими комнатами. Каждый день становилась она съ ними на общую молитву, сама прочитывая дневное Евангеліе и Апостолъ и подавая примѣръ благоговѣйнаго стоянія. И по выходѣ сиротъ изъ пріюта на самостоятельную жизнь, Н. Б. продолжала съ любовію слѣдить за ихъ дѣятельностію, въ случаѣ невзгодъ во-время приходила къ нимъ на помощь и матеріальною и нравственною поддержкою, радушно отворяя имъ въ случаѣ нужды двери своихъ учрежденій, давая имъ пріютъ, занятіе и заработокъ.

***

При наступленіи, въ 1876 году, Сербско-турецкой войны княгиня Шаховская, во главѣ 36 сестеръ своей общины, отправилась на театръ военныхъ дѣйствій и тамъ была, какъ и вездѣ, образцомъ самоотверженности, героизма и распорядительности. Ей и ея сестрамъ пришлось работать на самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ — на перевязочныхъ пунктахъ. Цѣлыми часами простаивали иногда сестры на колѣняхъ, перевязывая раненыхъ, во всякую погоду, на открытомъ воздухѣ — на дворахъ, улицахъ и прямо въ полѣ, куда свозили ежедневно по 500—600 раненыхъ. На отдыхъ оставалось не болѣе трехъ часовъ въ сутки.

При отступленіи арміи княгиня замѣчательно быстро успѣваетъ увозить раненыхъ въ безопасныя мѣста, не надѣясь на милосердіе жестокихъ и озвѣрѣвшихъ отъ воен-

ныхъ неудачъ турокъ, не признававшихъ еще тогда никакихъ международныхъ конвенцій о состраданіи къ плѣннымъ. Она боится оставить жестокому врагу хоть одного раненаго. И одинъ разъ, объѣзжая съ своей помощницей покинутые сербами и эвакуированные пункты и отыскивая «забытыхъ», она неожиданно, подъ Джунисомъ, очутилась въ близкомъ разстояніи отъ турецкой арміи. Турки замѣтили сестеръ, но не раздалось ни одного выстрѣла. Не принялъ ли ихъ ошеломленный непріятель за привидѣнія... Кто же могъ предположить, чтобы двѣ женщины осмѣлились приблизиться на такое близкое разстояніе къ мѣсту расположенія грубыхъ и жестокихъ азіатовъ!

За болѣзнью завѣдующаго санитарнымъ отрядомъ, къ которому причислены были сестры общины «Утоли моя печали», все сложное дѣло управленія имъ переходитъ въ руки княгини. Энергичная начальница въ самое непродолжительное время открываетъ одинъ за другимъ нѣсколько госпиталей и такъ ставитъ дѣло въ нихъ, что осматривающіе ихъ нѣмецкіе врачи приходятъ въ удивленіе. Надо замѣтить, что кромѣ ухода за больными на сестрахъ, по мысли ихъ настоятельницы, лежитъ еще и вся хозяйственная часть и изготовленіе пищи, не только для больныхъ, но на всякій случай и еще на 50 человѣкъ, можетъ-быть имѣющихъ пройти черезъ Парачинъ, русскихъ добровольцевъ.

15 января 77 года княгиня возвратилась въ Москву, но черезъ четыре мѣсяца, въ виду начала Русско-турецкой войны, была уже въ Бессарабіи, объѣзжая монастыри для найма прислуги для госпиталей на театрѣ военныхъ дѣйствій. Скоро къ ней прибыли туда 118 сестеръ ея общины и начали свою самоотверженную работу въ военно-временныхъ госпиталяхъ, что требовало болѣе упорнаго и постояннаго труда, чѣмъ прежде — на перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ временами бываютъ продолжительныя перемежки отдыха. И здѣсь въ нѣкоторые дни выпадала работа, напоминавшая службу на пунктахъ. Нерѣдко случалось работать и здѣсь по 16 и 19 часовъ сряду и такъ же, какъ и тамъ, въ виду недостатка помѣщенія, приходилось въ дни прибытія транспортовъ раненыхъ перевязывать

на открытомъ воздухѣ, при высокой температурѣ болгарскаго лѣта и пронизывающихъ холодахъ сырой, дождливой осени, съ ея сѣрыми непроглядными днями и невылазной грязью.

Исключительные труды и лишенія, безсонныя ночи, нравственныя страданія при видѣ столькихъ мукъ — все это повело къ тому, что только 45 сестеръ вмѣстѣ съ настоятельницею выдержали до конца войны свой искусъ; остальныя заболѣли и были отправлены въ Москву, а нѣкоторыя и душу свою положили за други своя.

Объ эти войны были испытаніемъ для нравственныхъ и экономическихъ силъ созданнаго Натальей Борисовной новаго учрежденія любви, и оно выдержало его честно и стойко, какъ на поляхъ войны, такъ и въ стѣнахъ общины, гдѣ черезъ руки оставшихся сестеръ прошло 3700 больныхъ воиновъ.

Послѣ войны въ общинѣ состояло на службѣ 215 сестеръ, и она являлась уже такимъ солиднымъ учрежденіемъ, что узкія рамки прежняго устава только стѣсняли общину и не позволяли ей поставить дѣло на надлежащую высоту. Княгиня начала хлопотать о дарованіи общинѣ правъ самостоятельнаго учрежденія, изъявъ ее изъ вѣдѣнія Дамскаго Комитета.

* * *

Съ февраля 1881 года, со времени утвержденія новаго устава, начинается для общины новый періодъ роста и процвѣтанія — подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государя Императора. Теперь является возможность привлечь новыя силы къ участію въ изысканіи матеріальныхъ средствъ и скоро трудами, хлопотами и просьбами энергичной начальницы вырастаютъ одинъ многоэтажный флигель за другимъ, значительно увеличивается и земельная площадь владѣнія общины, возникаютъ въ ней новыя учрежденія и теперь — это самая большая община въ Москвѣ, имѣющая свыше 400 сестеръ.

Настоятельница служитъ живымъ примѣромъ для всего состава общины и въ проявленіяхъ неусыпной энергіи, и въ личныхъ, по преимуществу неоглашаемыхъ, жертвахъ.

Все ея личное имущество, состояніе и имѣнія пошли на дѣло ея дѣтища. А когда все это изсякло, она постоянно руководитъ изысканіемъ средствъ для текущихъ, неотвратимыхъ нуждъ. И благодаря этому община можетъ оказывать неоцѣнимыя благодѣянія населенію: въ амбулаторіи ея подается безплатная медицинская помощь, а въ больницѣ — за крайне незначительную плату.

Теперь княгиня рѣшается взять на свою общину труднѣйшее изъ дѣлъ милосердія — служеніе душевно-больнымъ и дѣлаетъ психіатрическое отдѣленіе общины самымъ основнымъ и значительнымъ изъ другихъ отдѣленій. Прошедшая черезъ такую школу сестра не дрогнетъ ни предъ чѣмъ и потому, когда въ 1892 году начальница предложила сестрамъ ѣхать за 8700 верстъ, въ Вилюйскую колонію прокаженныхъ, облегчать страданія этихъ несчастныхъ, то нашлось такъ много желающихъ, что пришлось «назначить» пять сестеръ, которыя много лѣтъ подвизались въ этомъ ужасномъ мѣстѣ страданія и смерти. Большими отрядами по 60—80 человѣкъ, сестры принимаютъ энергичное участіе въ борьбѣ съ эпидеміями — тифа, холеры и цынги въ разныхъ концахъ Россіи.

Въ 1892 году княгиня во главѣ 47 сестеръ отправилась въ Нижній-Новгородъ, гдѣ появились первые случаи холеры. Послѣ бесѣды съ губернаторомъ, она, черезъ два часа по пріѣздѣ, уже водворилась въ пловучемъ госпиталѣ, поставленномъ въ четырехъ верстахъ ниже города, около острова. Начальница, какъ и всегда, подавала примѣръ неустрашимаго самоотверженнаго выполненія опаснаго долга.

Господь берегъ княгиню. Но между сестрами были и жертвы. И объ одной изъ нихъ въ лѣтописяхъ общины сохранился очень трогательный разсказъ. Сестра Т. А. Алексѣева, молодая 24-хлѣтняя цвѣтущая дѣвушка, растирала уже почернѣвшаго больного ребенка, и, замѣтивъ признакъ улучшенія, нагнулась къ его лицу и стала радостно цѣловать его. Но въ эту минуту изъ горла больного хлынуло изверженіе и попало въ ротъ сестрѣ. Хотя немедленно были приняты всѣ мѣры къ обеззараженію полости рта, но черезъ полтора часа у сестры появились всѣ признаки азіатской холеры, и черезъ сутки она скончалась.

***

Исторія общины почти за полвѣка ея существованія есть исторія жизни и трудовъ ея основательницы и процвѣтаніе общины и особенный внутренній *семейный* укладъ жизни ея имѣютъ объясненіе въ высокихъ нравственныхъ качествахъ княгини. Вѣдь главная суть такихъ учрежденій не въ капиталахъ и благоустроенныхъ зданіяхъ, а во взаимной любви и уваженіи всѣхъ членовъ общины другъ къ другу. Вотъ объ этомъ прежде всего и заботилась Шаховская.

Она была только первая между равными, аккуратно и съ любовію несущая всѣ свои дежурства, какъ и другія сестры; настоящая подвижница, которая не отказывалась ни отъ какой черной работы. Она видѣла въ каждой сестрѣ, какого бы низкаго происхожденія она ни была, ту же служительницу Христа, какъ и она сама, и ея муки и страданія были близки ей такъ же, какъ и свои. Она понимала потребность измучившейся на безсонномъ дежурствѣ у постели тяжко больного сестры — побыть одной въ своей «кельѣ», попить чайку «не на народѣ», а у себя, и всегда строгая, взыскательная и стойкая въ существенныхъ вопросахъ служенія сестры, она извиняла эту «вольность» общежитія. И эту чуткость въ «нарушеніи устава» сестры высоко цѣнили и не бѣжали изъ общины, а все умножались въ числѣ.

Послѣдніе годы своей жизни княгиня была озабочена устройствомъ пріюта для сестеръ-инвалидовъ, потерявшихъ здоровье и силы на своей тяжкой стрaдѣ. И она успѣла и въ этомъ. При общинѣ устроена была «больница-пріютъ» для труженицъ креста, со всѣми новѣйшими приспособленіями, до электрическаго освѣщенія со своей динамомашиной включительно. Для лѣтняго отдыха уставшимъ сестрамъ устроенъ былъ домикъ на участкѣ Удѣльнаго имѣнія, около станціи Пушкино М.-Ярославской ж. дороги, Высочайше подаренномъ общинѣ по ходатайству княгини и названномъ — «Царь-даръ».

Незадолго до кончины кн. Шаховская обратилась въ Московскую Городскую Думу съ предложеніемъ принять, послѣ ея смерти, основанную ею общину въ вѣдѣніе го-

рода, что, конечно, было съ благодарностію принято; такъ какъ городъ страшно нуждался не только въ такихъ благоустроенныхъ больницахъ, какими обладала община, но главнымъ образомъ — въ надлежаще подготовленныхъ сидѣлкахъ для своихъ многочисленныхъ лѣчебныхъ учрежденій.

До конца жизни послужившая завѣтамъ милосердія и дѣятельной любви, въ теченіе цѣлаго полвѣка властнымъ зовомъ звавшая сострадательныя сердца на подвигъ самоотверженія и оставившая неизгладимый слѣдъ въ исторіи благотворительности, — эта замѣчательная женщина могла теперь спокойно умереть: начатое ею дѣло не заглохнетъ, а будетъ развиваться на благо страждущихъ.

Мирно скончалась въ 1895 году и погребена въ храмѣ основанной ею общины, искренно оплаканная, горячо любившими, ее сестрами[1]).

---

[1]) Составлено по «Очерку XXX-лѣтія существованія Александровской общины сестеръ милосердія «Утоли моя печали», М. 1897 года, и газетнымъ замѣткамъ.

IV.

Сестры русско-японской войны.

Е. А. Воронова.

Маленькая, худенькая, болѣзненная и такая слабенькая, что кажется — дунетъ вѣтеръ и она переломится. Глаза невольно влекутъ къ себѣ, они и сострадаютъ вамъ и утѣшаютъ и радуютъ, ими смотритъ на васъ свѣтлая душа. Голосъ тихій и нѣжный — въ сердце стучится. Смотришь и диву даешься. Господи, да что же эта слабая «сестра» можетъ сдѣлать? Но у ней громадная сила воли и тамъ, гдѣ нужно, она у ней точно вся изъ желѣза выкована.

Евдокія Алексѣевна Воронова участвовала еще и въ Китайскую войну, оказывала чудеса храбрости и самоотверженія, работая подъ огнемъ; за что и получила медаль на георгіевской лентѣ. И въ русско-японскую войну ей захотѣлось работать не въ мирномъ тылу, а въ огнѣ; быть всегда на боевыхъ позиціяхъ и въ такой обстановкѣ, отъ которой обыкновенно бѣгутъ слабые и малодушные.

Очень богатая женщина, Воронова на свои средства и на пожертвованія знакомыхъ составляетъ цѣлый санитарный летучій отрядъ. Но отряду долгое время приходится сидѣть сложа руки: не даютъ разрѣшенія ѣхать на позиціи. Тогда Евдокія Алексѣевна не выдерживаетъ и ѣдетъ прямо къ главнокомандующему — Куропаткину, добивается аудіенціи и отъ генерала, удивленнаго такимъ отношеніемъ военнаго начальства къ сестрѣ, получаетъ «приказъ» помогать ближнимъ. «Желаю вамъ успѣха, сестра; поѣзжайте на ваше святое дѣло, съ Богомъ!» — напутствовалъ Куропаткинъ.

Обрадованная Воронова, не отдыхая, отправилась назадъ и теперь начинается лихорадочная дѣятельность ея, въ полномъ смыслѣ слова, *летучаго* отряда. А сама она поспѣваетъ вездѣ и всюду, гдѣ только въ ней нужда: снимаетъ съ двуколокъ доставленныхъ искалѣченныхъ солдатъ, отмачиваетъ повязки, сдѣланныя героями Краснаго Креста

На перевязочномъ пунктѣ на полѣ сраженія.

въ цѣпи, накладываетъ новыя; даетъ пить однимъ, утѣшаетъ другихъ, достаетъ марлю, эфиръ, спиртъ, объѣзжаетъ верхомъ на лошади свой районъ. Работаетъ, не покладая рукъ, голодная, питаясь иногда кое-чѣмъ, часто по два дня безъ отдыха, утомленная, измученная. Гдѣ только она брала силы, откуда онѣ являлись въ ней? Кажется, самое сейчасъ на носилки — а она вся въ кипѣни страшнаго дѣла, въ страдѣ, подобной которой никто не придумаетъ[1]).

[1]) По «Дневнику корреспондента», В. И. Немировичъ-Данченко «Р. Сл.».

На дѣйствительной службѣ.

Вотъ еще сестра безъ имени. — Въ холодный день глубокой осени, подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ, въ неуклюжемъ, давно промокшемъ «непромокаемомъ» плащѣ, по вязкой и скользкой дорогѣ бодро идетъ, въ большихъ мужскихъ сапогахъ, съ высоко подобранными загрязненными юбками молоденькая миловидная сестра. За ней едва плетутся санитары съ носилками раненыхъ. На пути канава шага два ширины, до краевъ наполненная водою и носильщики остановились, озираясь по сторонамъ, ища брода. Сестра подошла къ самому краю канавы и стала въ нерѣшительности, какъ бы соображая, — что ей дѣлать.

— Помочь вамъ, сестра? Давайте руку!... — предлагаетъ случайный очевидецъ этого шествія раненыхъ.

Но помощь не понадобилась. Сестра, подумавъ съ минуту, опустила сначала одну ногу въ воду, потомъ другую и очутилась по колѣна въ мутномъ, холодномъ, бѣгущемъ потокѣ.

— Вотъ здѣсь можно перейти... — кричитъ она. Антоновъ, полѣзай сюда и помогай переправлять носилки!» Мявшіеся возлѣ воды санитары безпрекословно шагнули въ воду. Имъ даже стало неловко, что барышня-сестрица должна была показать примѣръ и мокнуть по колѣна въ канавѣ.

— Чего же вы, сестрица, сами—то... Мы бы и безъ васъ!...

— Ну, ну, ладно!... Перетаскивай, живо!...

Въ голосѣ ея слышались нотки, не допускающія возраженій. Вся фигура дышала сознаніемъ собственной силы и несокрушимой энергіей. И все время, пока черезъ канаву переносили около 30 носилокъ, она стояла въ водѣ. Легко и свободно выпрыгнувъ на край насыпи, она спѣшно нагнала заднія носилки и оттуда донесся ея приказывающій голосъ: — «Сидоровъ, нельзя же такъ часто останавливаться! Этакъ мы и до ночи не доберемся!»...

Недоумѣвающій наблюдатель всей этой картины спрашиваетъ: — Почему же она сама и притомъ пѣшкомъ сопровождаетъ транспортъ? Неужели не нашлось и лошади

На дѣйствительной службѣ. ...—Вотъ здѣсь можно перейти...

для нея? Неужели же не нашлось доктора или фельдшера для сопровожденія больныхъ? Вѣдь это совсѣмъ и не женское дѣло!...

Сестра обиженно спрашиваетъ: — А что же, по-вашему, дѣло женщины? Я пріѣхала ухаживать за ранеными, и это такой же уходъ. Фельдшера нужны были на другое дѣло, а я свободна. Лошадей свободныхъ тоже не оказалось, а ждать некогда: каждая лишняя минута — лишнее страданіе для несчастныхъ раненыхъ.

— Но, вѣдь, подобныя переправы могутъ обойтись вамъ очень дорого... Дай Богъ, что-бы эта прошла безъ послѣдствій...

— Пустяки! — отвѣчаетъ сестра, и побѣжала на стонъ. Подняла брезентъ носилокъ, стала на колѣни, прямо въ грязь и начала что-то поправлять, надъ чѣмъ-то возиться. А потомъ раздался ея энергичный голосъ: — Ну, впередъ, впередъ, ребята!...

— И такихъ, какъ вы, много здѣсь?...

— Не знаю. Должно-быть много... Среди моихъ подругъ я ничѣмъ не выдѣляюсь[1]).

Въ Портъ-Артурѣ[2]).

Вотъ осажденный со всѣхъ сторонъ Портъ-Артуръ. Не будемъ говорить, каково было жить въ немъ на ряду съ его защитниками и сестрамъ. Это было такъ недавно и все у насъ въ памяти. Но кто не понимаетъ, что слышать или читать объ этомъ совсѣмъ не то, что пережить.

«Дай Богъ въ будущемъ никому не видѣть и не пережить всего того, что мы здѣсь видимъ и переживаемъ», — пишетъ сестра Баумгартенъ въ своемъ дневникѣ. Было такъ тяжело, «что временами казалось, что приходитъ конецъ свѣта; такъ все близко подходитъ къ тѣмъ представленіямъ, которыя мы себѣ составили о концѣ земного шара; что нѣтъ силъ отогнать отъ себя ощущенія, чувства и мысли о близкой нашей гибели».

---

[1]) По «На дѣйствительной службѣ» (изъ записокъ спец. корресп. «Бирж. Вѣдом.», Козлова), 1905 года.

[2]) Изъ: «Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ» Дневн. с. мил. О. А. Баумгартенъ.

Оставшіеся въ живыхъ завидовали умершимъ, такъ какъ были убѣждены, что всѣмъ неминуемо придется погибнуть, но только послѣ ужасныхъ мученій — голода, холода и мучительныхъ болѣзней: цынги, холеры, тифа или отъ свирѣпости жестокаго побѣдителя. Помощи ждать неоткуда. Непрерывные штурмы, неумолкающая канонада, разрушающіеся то тутъ, то тамъ дома, смерть кругомъ — все это било по нервамъ, не давало соснуть даже двухъ часовъ въ сутки. Вредные газы, которые появлялись послѣ разрыва японскихъ гранатъ и снарядовъ, дѣйствовали на мозгъ подобно наркотическимъ средствамъ и вызывали сильныя головныя боли и рвоту. «Мало удовольствія постоянно работать подъ ливнемъ снарядовъ, — пишетъ сестра. Вечеромъ ляжешь и не знаешь, проснешься ли на этомъ свѣтѣ... Ежесекундно мы должны быть готовы встрѣтить смерть».

Весь медицинскій персоналъ сбился съ ногъ, всѣ до единаго переболѣли, а на лѣченіе и времени нѣтъ: больныхъ все подвозятъ и подносятъ и немыслимо оставить работу. Вотъ запись сестры Баумгартенъ послѣ одного изъ штурмовъ. — «Ждемъ раненыхъ, не спимъ до двухъ часовъ ночи, но больныхъ не везутъ. Рѣшили лечь спать. И только что устроились соснуть, — стучатъ... Кругомъ носилки, носилки и носилки. Стоны, крикъ, мольба, кровь и кровь... Невозможныя калѣченія и ужасныя раны съ вываливающимися внутренностями, съ выпадающими мозгами, вырванными носами, глазами и т. п. Не было еще на свѣтѣ войны съ болѣе разнообразными раненіями, какъ нынѣшняя война. Чего здѣсь не было?! И раненые осколками разорвавшихся гранатъ и шрапнелью, и пулями, и ожоги, вслѣдствіе разрыва ручныхъ бомбъ, начиненныхъ пироксилиномъ, и раздавленные блиндажемъ, представляющіе изъ себя кровавую безформенную массу. Всѣ привезенные раненые просятъ воды. — «Сестричка, хоть передъ смертью одинъ глоточекъ!» Бываетъ, что и въ этомъ случаѣ не найдешь... А сестрамъ каково? Хотятъ облегчить страданія больного, а нечѣмъ. Это хуже всякой пытки!...

Вотъ началась работа и работа тяжкая — до двухъ часовъ дня; на четверть часа освободились, потомъ вновь

пошли на работу до половины перваго ночи». До часу передохнули. Въ часъ начали опять привозить раненыхъ, такихъ же тяжелыхъ, какъ и въ предыдущую ночь. Опять та же вереница носилокъ, та же суета, тотъ же стонъ. Къ утру привозятъ еще. Работа кипитъ до двухъ часовъ ночи. «Мы еле стоимъ на ногахъ. Когда я вернулась въ комнату, вскорѣ пришла сестра звать меня ужинать, но я уже не въ силахъ была встать. На слѣдующее утро за кофе сестры Мезенцова, Мартынова и я переглянулись и вдругъ какъ-то неожиданно горько-горько заплакали. Мы плакали не о себѣ, а о несчастныхъ страдальцахъ, защитникахъ Артура. Мы чувствовали свое безсиліе, свое ничтожество въ борьбѣ со смертію; несчастные солдатики, сколько ихъ гибнетъ отъ плохого перевоза, отъ сильнаго продолжительнаго кровотеченія. Въ жизнь не забуду эти безпомощные, страдальческіе взгляды!»

И послѣ всего этого сестра еще говоритъ. — «Намъ на работѣ еще сносно, а каково раненымъ или больнымъ, которые въ страданіи прикованы къ постелямъ, каково имъ постоянно чувствовать надъ собой смерть отъ летящихъ на госпиталь снарядовъ?» Какое самозабвеніе при собственныхъ невыносимыхъ, кажется, физическихъ и нравственныхъ мукахъ!

И во всемъ дневникѣ этой замѣчательной сестры Георгіевской общины — Баумгартенъ, навсегда наотрѣзъ отказавшейся быть настоятельницей или даже старшей въ отдѣленіи, нѣтъ ни одной жалобы на свое тяжкое положеніе. Она болѣетъ только чужою болью; возмущается злоупотребленіями начальства военныхъ госпиталей, смущается недостаткомъ лѣкарствъ, необходимыхъ медицинскихъ принадлежностей, грязью, матрацами и подушками, набитыми наполовину землей, наполовину травой и т. п. Она ѣдетъ къ уполномоченному Краснаго Креста и достаетъ у него все необходимое. Она читаетъ лекціи добровольнымъ сестрамъ и постоянно смѣняющимся госпитальнымъ служителямъ, учитъ ихъ уходу за больными. А вѣдь ей предназначалась сравнительно спокойная работа на госпитальномъ суднѣ «Монголія» и это она сама выпросилась на такую страду, сбѣжавъ со спокойной «Монголіи».

Въ ея дневникѣ есть поразительное мѣсто, свидѣтельствующее о необычайной силѣ любви къ ближнимъ этой женщины и ея достойныхъ сподвижницъ. — Припасовъ нѣтъ, медикаментовъ нѣтъ, ходить за больными некому — каждый человѣкъ на счету, нуженъ для защиты отечества. Поэтому сестры — Баумгартенъ, Маршнеръ и Мезакъ, какъ только началась бомбардировка, условились, что въ случаѣ, если кого-нибудь изъ нихъ ранитъ тяжело, то онѣ ту отравятъ. «Въ столь серіозныя времена лишній больной много значитъ; зачѣмъ же зря тяготить людей!» — пишетъ сестра. Вотъ оно — «іудеомъ соблазнъ, а эллиномъ безуміе»! Вѣдь это безуміе любви можно сравнить только съ подвигомъ Моисея, просившаго Бога лучше вычеркнуть его изъ «книги жизни», чѣмъ наказывать весь народъ еврейскій.

Безъ имени.

Опять здѣсь должно быть сказано, что имена другихъ самоотверженныхъ сестеръ этой войны, въ смиреніи и на незамѣтныхъ мѣстахъ творившихъ дѣло Божіе, пропали для исторіи. Ихъ непрерывный подвигъ не такъ замѣтенъ на театрѣ войны, какъ яркіе подвиги храбрости и прозорливость распоряженій полководцевъ. Да, къ сожалѣнію, и не въ обычаѣ у насъ увѣковѣчивать и чтить добродѣтель. Но мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что такихъ скромныхъ подвижницъ было множество.

Военный корреспондентъ Василій Немировичъ-Данченко, разсказывая о сестрѣ Вороновой, прибавляетъ: — «Она не исключеніе — я даю общій типъ хорошей сестры. Остальныя въ большинствѣ подъ стать ей... Та же работа, та же усталь безпримѣрная, то же забвеніе самой себя до смерти. Вотъ, напримѣръ, одна. Кончила перевязку 27-го раненаго и хлопнулась о земь въ обморокѣ, — не вынесла. Вѣдь, каждому отпущено извѣстное количество силы. Истратишь — и конецъ. Привели ее въ себя. Попросила пить, сдѣлала глотокъ, и черезъ минуту я ее вижу уже у носилокъ только что привезенныхъ новыхъ раненыхъ. «Подите,

отдохните... Посмотрите, вы на себя не похожи»... — «Некогда, некогда. Видите сами!»

«Откуда у нихъ силы? Сколько разъ я задавалъ себѣ этотъ вопросъ, повторялъ и повторяюсь на немъ, а все-таки ничего понять не могу. Богъ ли даетъ, обманчива ли кажущаяся женская слабость. Послѣ сумасшедшей работы, безотходной, кружащей голову, разбивающей нервы — цѣлаго дня, когда ей не пришлось рукъ сложить, думаю: ну, теперь, авось, отдохнетъ она. Эта такая хилая на видъ, тонкая, «трость, вѣтромъ колеблемая» сестра.

«Разсказываю о ней въ нашемъ поѣздѣ офицерамъ. — «Какъ же, отдохнула!» — «А что?» — «Да представьте себѣ, что я вижу. Съ солдатомъ передъ нею — несутъ, она и онъ шестъ, а на шестѣ — подвязанный къ нему раненый... Подбѣжалъ къ ней: что вы дѣлаете, сестра, себя не жалѣете! Она посмотрѣла только на меня яркими лучистыми глазами, и только изъ этого взгляда я понялъ всю глупость моего «себя не жалѣете».

Да, она пожалѣетъ себя и отдохнетъ; но только тогда, когда никакія усилія воли и велѣнія ея великаго, скорбящаго за страждущихъ, сердца не въ состояніи уже будутъ заставить бодрствовать и работать ослабѣвшее немощное тѣло. Вотъ картинка съ натуры, зарисованная корреспондентомъ В. Табуринымъ въ дни страшной «ляоянской недѣли»:

«У одной изъ палатокъ куча свернутыхъ солдатскихъ шинелей. Между ними торчатъ приклады и штыки винтовокъ. У края этой кучи лежитъ сестра милосердія. Ея блѣдное, утомленное лицо припало щекой къ жесткому свертку шинели, а прядь разсыпавшихся волосъ повисла на штыкѣ ружья... Въ изнеможеніи она уснула, гдѣ попало, не успѣвъ принести воды въ тазикъ, который, опрокинувшись, лежитъ около нея... Она не слышитъ и канонады, отъ которой вздрагиваетъ земля... Кругомъ на землѣ валяются сброшенное солдатское бѣлье, бинты, куски ваты, опачканные кровью»...[1]).

---

[1]) «На войнѣ», «Нива», 1904 г.

„Замѣсто матери“.

Могутъ ли не цѣнить воины такъ работающихъ для нихъ сестеръ? Въ ряду понятій и именъ, наиболѣе полно выражающихъ на человѣческомъ языкѣ уваженіе, любовь

Письмо. Скульптура *М. Л. Диллонъ.*

и преклоненіе, нѣтъ имени дороже и почетнѣе — *матери.* Великое титло матери было собственнымъ именемъ первой женщины [1]).

[1]) Ева, — значитъ жизнь, жизненное начало, т.-е. мать.

И вотъ, по свидѣтельству всѣхъ дневниковъ сестеръ и военныхъ корреспондентовъ, этимъ именемъ и связаннымъ съ нимъ понятіемъ награждаютъ сестеръ воины-простецы.

Отправляющіеся въ бой подходятъ къ сестрѣ и просятъ благословить «замѣсто матери». Умирающіе также просятъ сестеръ перекрестить ихъ, повѣряютъ имъ самыя сокровенныя тайны свои, даже «исповѣдуются» предъ ними, вмѣсто отсутствующаго священника, просятъ «потрудиться— посыпать землицей» ихъ, наспѣхъ погребаемыя, тѣла.

«Сквозь стоны тяжко больныхъ часто слышишь: сестру бы мнѣ... сестру... Подойдетъ та, и умирающій улыбается сквозь свою нестерпимую муку... Что-то шепчетъ ему, должно быть, утѣшительное, сама измученная и обезсиленная женщина — и стоны тише и тише... Гладитъ его по головѣ, по щекамъ... Грезится ли мученику въ эти минуты далекая ласка матери, полузабытое дѣтство? Передъ тѣмъ, чтобы отойти навсегда въ загадочный мракъ, — солдатъ точно поблагодарить хочетъ сестру... Возьметъ ея руку, долго держитъ въ своей... Почти окостенѣвшими пальцами онъ силится, въ свою очередь, вновь ее погладить и сквозь полусжатые зубы едва различаешь: — «Ты одна за насъ... Ты одна съ нами!»... Вѣдь, для другихъ онъ боевая единица, работникъ на кровавой стрaдѣ, — только сестрѣ онъ родной, дорогой и близкій. Только она въ немъ видитъ человѣка, брата, друга»[1]).

Всѣ близкіе его далеко... а здѣсь, въ далекой Манчжуріи, около него одна она: чужая — но ближе всѣхъ...

«Она старается запомнить каждое, слышанное отъ умирающаго, слово, она непремѣнно хочетъ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ его похоронятъ, чтобы обо всемъ написать его матери...

— Я должна это сдѣлать... я сестра... Бѣдный, бѣдный братъ...

— А вы не плачьте... — послышался надъ ней голосъ священника. — Кругомъ раненые — неудобно...

— Не буду... — прошептала сестра.

— Они всѣ умираютъ героями — великою смертью... Но и ваше дѣло не менѣе геройское: будьте милосердны

---

[1]) «Дневникъ корреспондента», В. Немировича-Данченко, «Р. Сл.».

и будьте сильны... Не онъ первый... не онъ и послѣдній...

— Правда, батюшка, правда. Не буду больше, — повторила опять сестра, вытирая слезы. И молодое лицо ея стало строго и задумчиво»[1]).

— «Ахъ, сестрица, сестрица! — вздыхалъ одинъ воинъ за нѣсколько минутъ до смерти. — И тебѣ тяжко... И ты намучилась... Ну, да авось и тебѣ скоро будетъ спокойно... Отдохнешь, милая!» Что подразумѣвалъ подъ этимъ солдатъ? То ли, что тифъ скоситъ молодую жизнь, что на той же сопкѣ манчжурской и этой милой дѣвушкѣ выроютъ яму, какъ и ему?[2])...

„Красный смѣхъ".

И дѣйствительно, многія изъ сестеръ, какъ и воины, остались тамъ, сраженныя на посту своемъ не только болѣзнями, но даже и вражескими снарядами. Вѣдь, сестрамъ приходилось принимать раненыхъ въ санитарные поѣзда прямо съ полей сраженія, приходилось оказывать помощь и на передовыхъ позиціяхъ — въ летучихъ отрядахъ.

Заболѣвшія сестры вставали на работу, едва оправившись.

— Некогда лежать! Работы много!... — и вновь заболѣвали съ тѣмъ, чтобы уже не встать.

Многія изъ сестеръ отдали и еще болѣе тяжкую дань, взысканную съ нашего отечества въ эту войну. Въ эту войну поражаетъ громадное количество нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Нужно обладать очень крѣпкими нервами, чтобы безнаказанно вынести убійственное впечатлѣніе огня современной войны. Дурманящіе мозгъ газы ужасной «шимозы», которой начинены были японскія гранаты и снаряды, ужасныя калѣченія, причиняемыя ими — отъ страшной разрывной силы этого пороха; безсонныя ночи; напряженное ежеминутное ожиданіе нападеній; невозможность близко сойтись съ врагомъ и бояться

---

[1]) «На войнѣ», В. Табурина, «Нива» 1904 г.

[2]) В. Немировичъ-Данченко, «Дневникъ корреспондента».

«Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ». (Ін. 15, 13). Съ карт. худ. *Малышева*.

его и тогда, когда кругомъ на далекое разстояніе ничего не видишь; наконецъ, наши военныя неудачи и постоянное отступленіе — все это такъ расшатывало нервы, что еще долгое время каждый шорохъ, каждый стукъ заставлялъ и прибывшихъ уже съ войны вздрагивать и прислушиваться [1]).

Къ общимъ причинамъ, вызывавшимъ «на войнѣ» нервныя заболѣванія, присоединялись у сестеръ и свои поводы къ разстройству нервной системы — такъ сказать, служебные.

Невозможная переполненность госпиталей и отсюда — недостатокъ рабочихъ рукъ, а иногда и медицинскихъ средствъ; невозможность сдѣлать для *всѣхъ* все такъ, какъ хотѣлось бы; непониманіе санитарами своего великаго долга; отчаянная усталость; необычное, въ обыкновенныхъ условіяхъ госпитальной работы, число тяжелыхъ больныхъ и смертныхъ случаевъ; ужасныя предсмертныя муки молодыхъ организмовъ, отчаянно борющихся со смертью; одиночество больныхъ, которыхъ никто не навѣщаетъ, никто не принимаетъ ихъ послѣдняго предсмертнаго вздоха и никто не провожаетъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія... — «Ты одна съ нами!»... Все это ложилось тяжелымъ камнемъ на чуткую женскую душу, оставившую все ради Христа и пришедшую сюда понести часть креста страдальцевъ за отечество.

Вотъ описаніе «трудной ночи» въ одномъ изъ походныхъ госпиталей [2]).

...«Солдатское отдѣленіе было биткомъ набито ранеными и больными. Въ спертомъ, душномъ воздухѣ... копошилось множество тѣлъ: лежали на плотно сомкнутыхъ койкахъ, лежали страшными рядами у стѣнъ и въ проходахъ, ва-

---

[1]) Это между прочимъ дало поводъ Л. Андрееву написать свой «Красный смѣхъ». И если онъ впалъ здѣсь въ крайность, такъ какъ не всѣ сходятъ съ ума и не всѣ стрѣляются отъ «ужаса и безумія» войны, однако приведенные въ разсказѣ факты, близкіе притомъ къ истинѣ, — только яркіе показатели въ крайней степени того, что всѣ должны были переживать, не могли не переживать.

[2]) «Трудная ночь», К. А. Ковальскаго, «Русское Богатство», 1905 г., № 9-й.

лялись на цыновкахъ и шинеляхъ... Подъ высокими, полутемными сводами палаты, въ хаосѣ скользящихъ и борющихся тѣней, стоялъ неумолчный зовъ, стоялъ острый и длинный, точно жало змѣи, крикъ, тянулся, какъ лента, и рвался стонъ и хрипъ. Словно былъ тамъ застѣнокъ пытки, гдѣ кого-то терзали желѣзными когтями, выматывая душу. И всѣ эти звуки и всѣ голоса сливались, какъ ручьи, въ одинъ странный и жуткій хоралъ страданія, лившійся могучимъ потокомъ черезъ весь госпиталь... Плачъ жизни, неотступный и неумолчный, рвался и плылъ въ воздухѣ, колыхался вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчи, звучалъ въ ушахъ, дрожалъ въ груди, въ сердцѣ. И тихо дребезжали стекла, все ухала и ухала канонада, и короткія сіянія вспыхивали за окнами, скользили по стѣнѣ мрака.

... Вдругъ душу раздирающій крикъ пронзилъ воздухъ, какъ мечъ... такой длинный, страшный и мучительный крикъ, что всѣ — сами тяжкіе больные — замолкли и тревожно подняли головы.

— Менингитикъ! — объяснилъ больной докторъ. — Воспаленіе оболочки мозга... Сегодня утромъ противно долбили долотомъ черепъ... противно, жутко...

— Господи!... — Онъ насъ здѣсь доканаетъ...

Больной въ безпамятствѣ рвался изъ рукъ санитаровъ, все норовилъ повыше влѣзть на подушку и по временамъ испускалъ страшный крикъ, стрѣлой мчавшійся по палатѣ...

... Со свѣчей въ рукѣ ходилъ священникъ и то тутъ, то тамъ читалъ отходную...

... Санитары пронесли на носилкахъ чье-то подозрительное, тихое и неподвижное тѣло, и лица у нихъ были утомленныя, деревянныя, тупыя...

— Гдѣ главный врачъ? — раздалось на дворѣ.

Насколько хваталъ въ темнотѣ глазъ, маячили солдаты-санитары и длинныя носилки... Пронзительный вѣтеръ кололъ щеки тысячью крошечныхъ снѣжныхъ иглъ... Съ переднихъ носилокъ явственно доносился стонъ и судорожный стукъ зубовъ. А издали неслись дрожащіе вздохи, необъяснимые звуки, отъ которыхъ бросало въ дрожь. И чувствовалось, что морозъ сдавилъ горло

тѣмъ, кто лежитъ на носилкахъ, сковалъ омертвѣлые члены, влѣзъ, впился въ самый мозгъ костей.

— Пожалуйста, дайте скорѣе мѣсто шестидесяти раненымъ.

— Что вы, что вы, голубчикъ?! Да у насъ яблоку негдѣ упасть! На 50 кроватей — триста сверхъ комплекта!

— Какъ хотите, а я отсюда не двинусь! Люди страшно устали, я получилъ отказъ уже въ трехъ мѣстахъ... А на позиціяхъ еще больше двухъ тысячъ замерзло...

— Докторъ, сжальтесь, вѣдь на дворѣ вѣтеръ и двадцать три градуса мороза... Не мертвецовъ же мнѣ дальше нести!

— Родимые... голубчики... скорѣй бы... ой, помираю...— пронеслось въ темнотѣ.

— О, Боже мой... Ну, хорошо, хорошо, вносите ихъ... Сестра, кладите ихъ въ главномъ проходѣ, на полъ... Охъ, тяжела ты, ноченька!

Черезъ часъ получается приказаніе: лазаретъ немедленно свернуть, все, что останется — сжечь.

Сначала всѣ онѣмѣли, потомъ въ палатѣ сталъ разливаться огромный шумъ...

Весь госпиталь былъ полонъ метавшимися въ сумерочномъ, дрожавшемъ свѣтѣ фонарей и занимавшагося утра, изо всей мочи кричавшими, потерявшими голову людьми, въ паникѣ. Здоровые, больные и раненые, всѣ, кто только могъ встать съ койки, подняться съ земли, всѣ были охвачены цѣпкими когтями внезапнаго ужаса и, словно госпиталь былъ готовъ ежесекундно развалиться, или японскіе штыки ужъ блестѣли въ окнахъ, бѣжали къ выходу, перескакивая черезъ лежавшихъ, топча ихъ и сбивая съ ногъ болѣе слабыхъ, бѣжали съ сверкавшими зрачками глазъ, съ искривленными лицами. Тамъ, у дверей, они скучились, столпились, дрались за первенство, взбирались на спины другихъ, залѣзая въ самую гущу людей и не замѣчая, что они всей массой напираютъ на двери, и что двери упорно не открываются. И всѣ эти люди, кто на костыляхъ, кто хромой и кособокій, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ шинеляхъ или желтыхъ больничныхъ халатахъ, исполосованные перевязками — казались толпой безумныхъ, бѣгавшихъ по раскаленнымъ угольямъ. А кто не могъ уже подняться съ жесткаго ложа, тотъ вторилъ ужасному хору

хриплымъ, стонущимъ, слабымъ крикомъ отчаянія или просилъ заплетающимся языкомъ проходившихъ мимо взять его съ собой. И тѣ, кто недавно былъ принесенъ въ лазаретъ и заснулъ каменнымъ сномъ огромной усталости, тѣ спросонокъ голосили невѣдомо зачѣмъ, шарили по сторонамъ руками, отыскивая ружье иль одежду, вскакивали, дико озирались и снова падали на цыновки, на носилки, срывая омоченныя кровью повязки. Ужасенъ былъ видъ двухъ раненыхъ въ ноги, которые ползли на животахъ, въ одномъ бѣльѣ, цѣпляясь руками за полъ, ползли къ толпѣ у дверей, ползли страшно-медленно, какъ улитки, впившись зубами въ окровавленныя отъ боли губы... Вотъ, какой-то длинный тощій солдатъ, съ вращающимися бѣлками глазъ, перемахнулъ черезъ ползущихъ, сбилъ съ ногъ кого-то, ковылявшаго на костыляхъ, и врѣзался въ толпу. Послѣдняя все увеличивалась, бѣшено билась у закрытыхъ дверей, бурлила, и казалось, конца не будетъ этому смятенью, этому ужасу и реву. Санитары, державшіе менингитика, куда-то исчезли; онъ стоялъ во весь ростъ на койкѣ, точно ужасное привидѣніе, махалъ руками и кричалъ жуткимъ, острымъ, покрывавшимъ прочіе голоса, крикомъ».

Такихъ «трудныхъ ночей» было не мало во всѣхъ госпиталяхъ. И если мужчина, случайный свидѣтель одной только такой ночи, такъ жутко описалъ ее, то могла ли она пройти безнаказанно для впечатлительной женской души, измученной къ тому же непосильной работой? Да, часто не выдерживали на войнѣ нервы и сестеръ.

Но посмотрите, — и въ этомъ несчастіи сёстры обрисовываются съ самой симпатичной стороны, и здѣсь онѣ остаются тѣми же самоотверженными подвижницами милосердія. Пунктомъ помѣшательства обычно бываетъ то, что наиболѣе близко было душѣ больного. По этому пункту можно отчасти судить и о духовныхъ стремленіяхъ человѣка. И вотъ правдивое повѣствованіе корреспондента.

Спѣшно грузятъ раненыхъ въ санитарные поѣзда, здѣсь же закапываютъ умершихъ. Несется тихое печальное — «Со святыми упокой»... А снаряды падаютъ и въ поѣздъ и на рельсы.

«Въ это время по полотну быстро шла сестра милосердія. Въ рукахъ она держала какой-то узелокъ и въ волненіи обращалась къ встрѣчнымъ со словами:

— Дайте мнѣ паровозъ и одинъ вагонъ...

На нее смотрѣли съ удивленіемъ.

— Дайте, ради Бога, паровозъ, или хотя бы дрезину.

— Зачѣмъ вамъ?

— Ахъ, Боже мой, мнѣ нужно: тамъ за горой въ окопахъ, остались раненые...

— Гора занята японцами — куда вы пойдете?

— Какое мнѣ дѣло до японцевъ, когда тамъ раненые... Если нѣтъ ни паровоза, ни дрезины — я пойду пѣшкомъ.

И она пошла по полотну навстрѣчу падающимъ снарядамъ. Ее едва удержали и привели на перевязочный пунктъ.

Впечатлѣнія ляоянскихъ дней такъ подѣйствовали на несчастную сестру, что она помѣшалась»...[1]).

---

[1]) «На войнѣ», В. Табурина. «Нива» 1904 г.

V.

1. Съ прокаженными.

Великіе люди велики и въ маломъ. И мы найдемъ самоотверженныхъ сестеръ, подвижницъ любви, не только на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ всегда наблюдается необычайный подъемъ духа и патріотизма, но и въ обыкновенной жизни, если только можно назвать обыкновеннымъ и малымъ то, о чемъ мы сейчасъ будемъ говорить.

Къ одной изъ самыхъ страшныхъ болѣзней принадлежитъ проказа. Помимо того, что она неизлѣчима и страшно уродуетъ внѣшній видъ своихъ жертвъ, превращая ихъ въ медленно разлагающіеся зловонные трупы; страшна она еще потому, что ставитъ прокаженныхъ въ совершенно невозможныя условія жизни. Прокаженные отдѣляются отъ здоровыхъ и, будучи отрѣзаны на долгое время отъ всего міра, проводятъ остатокъ дней своихъ въ страшномъ сознаніи, что только одна смерть можетъ освободить ихъ отъ переживаемыхъ мученій.

Прокаженныхъ много у насъ въ Якутской области, и положеніе ихъ до основанія тамъ лепрозорій было выше всякаго описанія ужасовъ. Это была жизнь звѣрей въ глухой тайгѣ, въ загрязненныхъ, зловонныхъ берлогахъ, которыя они иногда не имѣли силъ и отопить.

Но и якутскія колоніи для прокаженныхъ до самаго послѣдняго времени, по свидѣтельству даже собственнаго ихъ начальства, представляли «одинъ ужасъ» — грязныя и сырыя помѣщенія, безъ необходимыхъ самыхъ примитивныхъ приспособленій. Пакля виситъ лохмотьями, окна съ выбитыми стеклами... Но это еще хорошо. Колоніи

близъ городовъ Вилюйска и Средне-Колымска расположены въ дымныхъ, холодныхъ и темныхъ юртахъ, съ окнами безъ стеколъ, а съ льдышками, такъ какъ стекла лопаются отъ ужасающаго мороза.

Насильственно помѣщаемые въ лепрозоріи, прокаженные совершенно не заботятся объ удобствахъ жизни. Они ѣдятъ невозможную пищу, приготовленную изъ гніющихъ продуктовъ, одѣваются въ грязныя, никогда не моющіяся, лохмотья; обуваются въ одни обертки; живутъ въ пьянствѣ и развратѣ. И на вопросъ: «неужели нельзя жить иначе?» отвѣчаютъ: «Не стоитъ, все одна честь и одинъ конецъ намъ — могила». И дѣйствительно, прокаженные вычеркиваются изъ списка живыхъ. Въ Якутской области на вопросъ: «сколько домовъ на этомъ озерѣ?» отвѣчаютъ: «Одинъ домъ, въ которомъ живутъ живые люди, и одинъ, въ которомъ живетъ человѣкъ въ тяжкой болѣзни».

2. Сестра Слѣпченко.

Но святое безуміе любви не смущается ужасами жизни прокаженныхъ, ни опасностью зараженія, ни физическими и нравственными страданіями жизни среди нихъ и въ лицѣ сестеръ милосердія идетъ къ страдальцамъ, забытымъ людьми и самыми близкими родными и вмѣстѣ съ ними раздѣляетъ весь ужасъ совмѣстной жизни.

Вотъ сестра Слѣпченко, работавшая сначала въ Вилюйской колоніи, а потомъ въ лепрозоріѣ около Средне-Колымска. Одна дорога туда, — отъ Якутска болѣе 2300 верстъ,— уже подвигъ. Дорога идетъ то по тундрѣ, то по горнымъ хребтамъ, съ крайне крутыми и опасными спусками и подъемами. Она проходитъ по мѣстамъ крайне безлюднымъ, станція отъ станціи 150—270 верстъ, и на этомъ пространствѣ часто нѣтъ ни одного жилья. Лѣтомъ эта дорога почти сплошное болото. Зимой другія неудобства; дорога вѣдь проходитъ по самымъ холоднымъ мѣстамъ земного шара: 40 градусовъ по С. обычная температура, доходитъ до 55 и даже 72. Ко всему этому надо прибавить еще «наледи» — эту особенность сибирскихъ рѣкъ; выкупаться въ «наледи» при такой температурѣ — значитъ

потерять здоровье, а то и жизнь. Питаться приходится только сухарями и чаемъ. Невозможность умыться или раздѣться въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, часто промокшему насквозь; ночью никакого пріюта, кромѣ палатки — все это можетъ дать понятіе о трудности переѣзда [1]). Одинъ разъ сестра Слѣпченко ѣхала двѣ недѣли безъ хлѣба и соли.

Жалованья сестрѣ полагалось сначала 15 руб., потомъ 25 руб. въ мѣсяцъ, но квартиры не было, и за крохотный уголъ въ юртѣ она платила 7 и 10 рублей. Хлѣбъ бѣлый продается тамъ 25 коп. фунтъ, черный — 20 коп. фунтъ, сахаръ — 90 коп., свѣчи — 1 руб. 20 коп. и все соотвѣтственно этому. При такихъ цѣнахъ всѣ казенные чиновники получаютъ тамъ квартирное содержаніе и безплатный хлѣбный паекъ — 2 пуда въ мѣсяцъ. А сестрѣ — ни квартиры ни пайка и, получая такое жалованье, сама удивлялась, какъ она не умерла съ голоду [2]).

Въ Средне-Колымскѣ колонія отъ города въ 8 верстахъ, и вотъ эти 16 верстъ, туда и обратно — въ свою квартиру, сестра должна была ежедневно путешествовать по ужасающему холоду. Холодъ и въ квартирѣ-юртѣ, со льдышкой въ окнѣ вмѣсто стекла. «О какой ужасный морозище, — пишетъ сестра, — просто душа трепещетъ отъ страха на холодѣ!»

* * *

Но это хорошо еще, что нашелся и такой уголъ въ дымной, грязной и зловонной юртѣ, все же посреди живыхъ — здоровыхъ людей. Скоро и этого не стало — отказали, какъ только узнали, что сестра работаетъ у прокаженныхъ: еще заразитъ.

Цѣлую недѣлю ищетъ Слѣпченко по городу квартиру, но въ какой домъ ни зайдетъ, вездѣ одинъ отвѣтъ: комнатъ нѣтъ и не будетъ. И сестра принуждена была поселиться

---

[1]) Ср. Сѣрошевскій, «Предѣлъ скорби», «Міръ Божій» 1900 г., № 7. Корреспонденція врача Колымскаго округа Мицкевича въ «Русск. Вѣд.».

[2]) Послѣ, когда выяснились всѣ эти обстоятельства, сестрѣ положено было 75 руб. жалованья.

въ колоніи, въ сообществѣ прокаженныхъ; совершенно одна здоровая среди нихъ, такъ какъ врачъ и фельдшеръ имѣли казенныя квартиры въ городѣ.

Съ этихъ поръ она уже не видѣла живого человѣческаго лица, кромѣ наѣзжавшаго фельдшера. Пыталась она съѣздить въ городъ, чтобы отдохнуть отъ ужаснаго зрѣлища колоніи; но отъ нея сторонились, какъ отъ зачумленной. Какъ тяжело это было видѣть сестрѣ и какъ это было жестоко со стороны людей! Съ горечью восклицаетъ сестра: «просто обидно за людей, они думаютъ, что я съ желѣзными нервами!» И тяжесть жизни среди прокаженныхъ и всѣ другія лишенія были ничто въ сравненіи съ нравственными муками сестры отъ такого жестокосердія людей.

Разстраивала ее и самая кажущаяся безполезность ея работы. «Ухаживаешь, ухаживаешь за прокаженными,— жалуется она,— чуть душу не сложишь, а безрезультатно... думаешь онъ выздоровѣетъ, а онъ умираетъ и ничего не подѣлаешь».

Несмотря на свое скудное жалованье, сестра находила еще возможнымъ помогать своимъ больнымъ. Раздала имъ свои «лишнія» теплыя вещи (какъ будто у нея могли быть лишнія!), давала сахаръ и мыло, и пряниковъ дѣтямъ ихъ, иногда совершенно здоровымъ. Жалость къ нимъ, оборваннымъ и голоднымъ, ничего не видящимъ, кромѣ прѣсной ржаной лепешки и чернаго кирпичнаго чая, и вмѣстѣ съ тѣмъ полная невозможность чѣмъ-нибудь помочь несчастнымъ — доводили сестру до слезъ. Она начала посылать письма знакомымъ благотворителямъ, прося ихъ прислать на ея имя для прокаженныхъ теплыхъ вещей, мыла, сахара, бумазеи и т. п. Посылаетъ воззванія о томъ же и въ газеты.

И отозвались сострадательные на сердечное горе сестры, стали присылать и деньгами и вещами и матеріей. Изъ присланной матеріи она шьетъ на своей швейной машинѣ, одѣваетъ сначала дѣтей, а потомъ и взрослыхъ. Сколько радости у прокаженныхъ, но не меньше ихъ «блаженствуетъ» и сестра. Вѣдь ихъ радость — ея радость. Какою благодарностію дышатъ ея письма къ откликнувшимся на ея зовъ, какъ-будто лично ей оказано благодѣяніе!

* * *

Но все-таки Слѣпченко не выноситъ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ страданій, заболѣваетъ и беретъ отпускъ.

По возвращеніи сестры изъ отпуска прокаженные встрѣтили ее радостными восклицаніями: «Здравствуй хотуна (госпожа)!». Во время отпуска сестра физически мало поправилась, «а нравственно хорошо отдохнула», но по возвращеніи «опять начала волноваться, каждый разъ возвращаясь съ перевязокъ изъ бараковъ отъ прокаженныхъ ужасно разстроенной».

Нечего и говорить, какъ любятъ сестру прокаженные, за которыми она такъ самоотверженно ходитъ, перевязываетъ ихъ гніющія раны, на которыхъ шьетъ, за которыхъ хлопочетъ, изъ-за которыхъ ссорится съ врачемъ и всегда его побѣждаетъ своею нелицемѣрною любовью къ несчастнымъ. Она хлопочетъ объ устройствѣ перевязочной — и за неимѣніемъ помѣщенія,— хотя бы въ юртѣ. И имѣя въ виду ея энергію и любовь къ прокаженнымъ, можно вполнѣ надѣяться, что она это устроитъ. И эти маленькіе «успѣхи и побѣды» хоть нѣсколько облегчаютъ тяжесть подвига сестры.

Но все-таки ужасное одиночество, отрѣшенность отъ всего свѣта мучатъ ее. Она пишетъ, что каждый день плачетъ и «уже нежданныя сѣдины заблестѣли (у нея) на головѣ». Она страшно скучаетъ по живымъ людямъ, по Россіи; рада бываетъ всякой вѣсточкѣ съ родины, и только понемногу начинаетъ привыкать и смиряться, стараясь заполнить все время самоотверженной работой на благо своихъ несчастныхъ [1]).

3. Сестра Васюковичъ.

Вотъ еще ужасный лепрозорій около Николаевска, на Амурѣ. Жизнь его вѣчныхъ заключенныхъ несравненно тяжелѣе безсрочной каторги. Несмотря на все возрастающее число прокаженныхъ, сумма на ихъ содержаніе остается

---

[1]) Письма сестры были напечатаны въ «Вѣстн. Красн. Креста» 1909 г., № 4-й, См. статью Д-ра Акацатова «Бичъ человѣчества», «Голосъ Москвы» 1909 г.

прежняя — около 6000 руб. въ годъ, чего, конечно, явно не достаточно. При лепрозоріѣ и по сіе время нѣтъ врача, и обязанности его безвозмездно возложены на уѣзднаго врача, у котораго и безъ того масса работы по громадному уѣзду. Мало того, въ лепрозоріѣ не нанималось даже прислуги для ухода за больными,— для этой цѣли сюда періодически пригонялись каторжныя команды, человѣкъ по двадцати.

И поэтому Николаевскій лепрозорій сдѣлался очагомъ пьянства, разврата и заразы, мѣстомъ, откуда проказа широко разносилась по всей окрестности.

Разсказы о житьѣ «николаевскихъ мучениковъ» вселили въ населеніе паническій страхъ къ этому «проклятому мѣсту», и поэтому всякій, вновь заразившійся проказой, старается скрыть болѣзнь и тѣмъ самымъ дѣлается разносителемъ заразы среди здороваго населенія.

Но, наконецъ, счастье улыбнулось страдальцамъ. Красный Крестъ прислалъ сюда сестру милосердія — Васюковичъ. Выборъ былъ замѣчательно удачнымъ. Присланная сюда на короткій срокъ, она осталась здѣсь, повидимому, навсегда, такъ какъ такіе люди не бѣгутъ со своего поста.

Васюковичъ самоотверженно принесла себя служенію прокаженнымъ и постоянно живетъ вмѣстѣ съ ними въ лепрозоріѣ. Прежде всего она позаботилась объ упраздненіи командъ каторжанъ и съ изгнаніемъ ихъ уничтожилась часть прежнихъ ужасовъ. Потомъ, какъ и сестра Слѣпченко, она обратилась съ просьбами къ сострадательнымъ душамъ — помочь ея несчастнымъ. Сама разъѣзжаетъ она по Приморской области для сбора пожертвованій, и простыми, отъ великаго любящаго сердца идущими, словами трогаетъ христіанскія души; разсказываетъ,— какъ ея мученики сидятъ въ зимнюю сибирскую стужу безъ теплаго платья, какъ они голодаютъ, какъ страдаютъ отъ отсутствія лѣкарствъ и всякаго ухода.

Слухъ о ея подвигѣ и о тяжеломъ положеніи николаевскихъ прокаженныхъ дошелъ до Швейцаріи, и оттуда какой-то общиной присланы были медикаменты. Тогда въ лепрозоріѣ началось было леченіе болѣзни, но лѣкарства скоро вышли, а на покупку новыхъ средствъ не было.

Немного пріодѣла Васюковичъ прокаженныхъ, немного подкормила ихъ на присланныя жертвы, но... чтобы продолжать дальше помощь имъ, нужно опять и опять просить и напоминать о чужихъ страданіяхъ, и сестра не унываетъ, не опускаетъ въ отчаяніи рукъ, вѣритъ въ сострадательную душу человѣческую, продолжаетъ просить и, насколько возможно въ ея силахъ, облегчаетъ горькую участь страдальцевъ [1]).

---

[1]) По корреспонденціямъ московскихъ газетъ за сентябрь 1910 года.

VI.

Среди каторжниковъ.

«Если извлечешь драгоцѣнное изъ ничтожнаго, то будешь какъ Мои уста» (Іер. XV, 19).

Вотъ еще несчастные изъ несчастныхъ, окончательно отверженные людьми — сосланные на Сахалинъ. Объ ужасахъ жизни сахалинцевъ намъ повѣдали многіе писатели.

Но вѣдь Христосъ сказалъ, что Онъ «былъ и въ темницѣ»; Онъ и тамъ, искупленнаго Его страданіями, человѣка не покидаетъ. Съ нимъ сидитъ тамъ Господь и вновь съ нимъ страдаетъ.

Нашлась чудная дѣвушка, которая пошла и туда — «посѣтить Христа въ темницѣ» и не безуспѣшно пыталась и вывести Его оттуда. Это — сестра милосердія Евгеніинской общины — Евгенія Майеръ.

На Сахалинъ, какъ извѣстно, ссылали самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ большинствѣ случаевъ это были погибшіе изъ погибшихъ, которые внушали всѣмъ только презрѣніе, ужасъ и отвращеніе. Но Майеръ нашла, что еще не все погибло въ этихъ падшихъ людяхъ; образъ Божій еще свѣтится въ нихъ, хотя и маленькой, очень маленькой искоркой. Сестра сказала себѣ: вѣдь Христосъ-то спасалъ же грѣшниковъ. Надо подойти къ нимъ такъ же, какъ Онъ подходилъ. «И Я тебя не осуждаю, иди и впредь не грѣши!» — сказалъ Онъ женѣ грѣшницѣ. «Я тебя не презираю, иди за Мной!» — сказалъ Онъ презрѣнному мытарю Матѳею, будущему апостолу и евангелисту. «Тебя всѣ сторонятся, ненавидятъ, говоритъ Господь другому мытарю — Закхею, а Я сегодня буду у тебя».

И какъ это слово любви дѣйствовало на грѣшниковъ, показываетъ примѣръ Закхея: упалъ онъ къ ногамъ Спасителя и сказалъ: «Господи! полъ-имѣнія моего отдамъ нищимъ»...

И сестра пошла къ сахалинскимъ отверженнымъ съ горящимъ любовію сердцемъ. Въ разныхъ мѣстахъ Сахалина она основываетъ дома трудолюбія, съ ихъ свободнымъ и хорошо оплачиваемымъ трудомъ, съ ихъ разумными развлеченіями и библіотеками. И любовь совершила чудо.

Озлобленные наказаніями, презрѣніемъ и ненавистью общества, сахалинцы такъ извѣрились въ братьяхъ-христіанахъ, что сначала не рѣшались принять протянутую имъ руку. Съ удивленіемъ смотрѣли они на «затѣи» сестры. Неужели насъ еще могутъ жалѣть, неужели намъ могутъ довѣрять и вѣрить въ наше воскресеніе? И когда на дѣлѣ убѣдились, что могутъ,— съ какою радостью и благодарностію начали они наполнять дома трудолюбія, какъ усердно и чинно стали въ нихъ работать, съ какимъ удовольствіемъ начали посѣщать народный домъ и съ какою жадностію стали разбирать книги изъ библіотеки, съ любовію оберегая ихъ и возвращая въ цѣлости и аккуратно.

Всѣ учрежденія сестры стали замѣтно облагораживающе дѣйствовать на каторжанъ, а въ особенности на ихъ несчастныя семейства, ни въ чемъ неповинныя, но нравственно погибавшія тамъ отъ ужасныхъ условій жизни.

Видя такой успѣхъ своихъ начинаній, сестра стала развивать дѣятельность своихъ учрежденій. Но откуда взять средствъ? Но сказано, что мы должны сѣять, а возрастить Господь. Онъ не забудетъ дѣлъ нашихъ, начатыхъ въ смиреніи и отъ всего сердца — только для пользы ближняго. Благословилъ Господь и дѣло любви сестры Майеръ. Она начала обращаться съ просьбой о пожертвованіяхъ къ виднымъ благотворителямъ, писала въ газетахъ, молила не судить, чтобы не быть судимыми, а лучше помочь извести Христа изъ темницы. Она добилась сочувствія своему дѣлу правительства и церковной власти. Открытъ былъ кредитъ на содержаніе домовъ трудолюбія. И въ день «прощенаго воскресенія» во всѣхъ храмахъ матушки

Руси разсказано было о трудахъ самоотверженной дѣвушки и произведены сборы пожертвованій на «несчастненькихъ».

И такъ до самаго уничтоженія сахалинской ссылки сестра продолжала оказывать несчастнымъ и матеріальную и духовную помощь. И если въ годину русскаго несчастія каторга не только удивила міръ своимъ добрымъ поведеніемъ, но и встала на защиту отечества противъ непріятеля, то этимъ мы въ значительной степени обязаны самоотверженнымъ трудамъ сестры Майеръ.

VII.

Княжна Ливенъ.

«Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. 15 гл., 13 ст.).

Въ Швейцаріи, въ г. Лозаннѣ, въ пріютѣ для больныхъ дѣтей служила сестрой милосердія юная красавица, русская свѣтлѣйшая княжна Ливенъ. Рѣдкой доброты, кротости, сердечности, глубоковѣрующая, вся «не отъ міра сего».

Въ одинъ холодный день она, озябнувъ, подошла съ ребенкомъ на рукахъ обогрѣться къ камину. Ставъ спиной къ нему, сестра вдругъ, не увидѣла, а почувствовала сзади себя столбъ пламени. Понявъ въ чемъ дѣло и не думая о томъ, чтобы тушить, она съ рѣдкимъ спокойствіемъ быстро направляется къ кроваткѣ и кладетъ въ нее ребенка. Потомъ, опять-таки ни минуты не думая о себѣ, а только о томъ, какъ бы не произвести пожара въ палатѣ больныхъ, сестра быстро направляется къ выходу и останавливается на сквознякѣ, вполнѣ основательно разсчитывая, что здѣсь на сильной тягѣ воздуха, все, что есть на ней, быстро сгоритъ и огонь прекратится самъ собой, безъ опасности для помѣщенія.

Три дня въ страшныхъ мученіяхъ умирала сестра и все ждала пріѣзда изъ Россіи матери, которую, незадолго передъ этимъ, просила пріѣхать навѣстить ее. И дождалась.

Передъ кончиной глаза ея засвѣтились необычайной радостью и она, вставъ во весь ростъ на постели, громко и радостно произнесла: «Господи, какъ хорошо!»

Вѣримъ, чистая душа, возлюбившая ближнихъ своихъ «даже до смерти», вѣримъ, что тамъ, съ Господомъ, тебѣ несомнѣнно будетъ хорошо.

VIII.

Кн. М. М. Дондукова-Корсакова [1]).

Къ сонму великихъ сестеръ должна быть причислена и недавно умершая, рѣдкая подвижница любви — княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, всю свою долголѣтнюю жизнь, съ самой ранней юности, посвятившая беззавѣтному служенію ближнимъ, помогая имъ словомъ и дѣломъ.

Здѣсь мѣсто сказать о ней не только потому, что долгое время она была сестрой милосердія, но также и потому, что именно это служеніе дало ей возможность впервые проявить свою великую душу. Оно раскрыло ей всю бездну страданій людскихъ, дало ощутить сладость крестоношенія, радость облегченія чужого горя; оно выяснило — въ чемъ ея счастье, чему должна быть отдана вся ея послѣдующая жизнь. До конца жизни она была «сестрицей», хотя официально не принадлежала уже ни къ какой общинѣ и не носила форменнаго платья.

Княжна родилась 9 октября 1827 года и росла болѣзненнымъ ребенкомъ. Уже дѣвушкой родители повезли ее для лѣченія къ заграничнымъ врачамъ, но и тѣ не помогли больной; тамъ у нея даже отнялись ноги и правая рука.

---

[1]) Составлено по очерку О. Пистолькорсъ «Трудовая помощь» 1910 г., янв. и:

И. Ювачева, «Да будутъ вси едино», «Отдыхъ Христ.» 1909 г., №№ 11 и 12.

«Русская Тавиеа», прот. Ст. Остроумова. «Отдыхъ Христ.» 1910 г., № 1.

Статьи М. М. Дондуковой-Корсаковой, «Сестрамъ милосердія» и «Больные въ тюрьмахъ». «Отдыхъ Христ.» 1909 г., окт.

Княжну повезли въ модный курортъ того времени — Гапсаль, но послѣ второй ванны болѣзнь обострилась настолько, что княжна кричала отъ невыносимой боли въ груди и во всемъ тѣлѣ; лицо такъ потемнѣло, что на него страшно было смотрѣть. Доктора предсказали скорую смерть. Но княжна обратилась съ горячей молитвой къ Богу и на другой день почувствовала себя здоровой.

Кн. М. М. Дондукова-Корсакова.

Окончательное выздоровленіе свое Марія Михайловна связывала съ чудеснымъ исцѣленіемъ послѣ молебна въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ у иконы Богоматери[1]). И съ тѣхъ поръ княжна серіозно никогда не болѣла и дожила до глубокой старости, всегда отличаясь хорошимъ здоровьемъ и выдающеюся выносливостью.

Долгая болѣзнь и чудесное выздоровленіе наложили на княжну свою особую печать: она стала относиться

---

[1]) Этотъ случай описанъ въ изданной тогда же брошюрѣ.

къ жизни серіознѣе и рѣшила впредь жить исключительно для Бога и ближнихъ.

Первымъ плодомъ души, полной вѣры, любви и состраданія къ людямъ было устройство общины сестеръ милосердія въ селѣ Бурики, Псковской губ., Порховского уѣзда — имѣніи Дондуковыхъ. Дальнѣйшее существованіе общины обезпечивается капиталомъ. При общинѣ устраивается больница для женщинъ и дѣтей сифилитиковъ, такъ какъ М. М. признавала эту болѣзнь страшнымъ бичомъ среди темнаго крестьянскаго люда. Княжна не пожелала быть начальницей въ своей общинѣ и ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ сестеръ, взятыхъ, по преимуществу, изъ крестьянокъ.

Въ турецкую кампанію М. М. работаетъ въ дѣйствующей арміи. Затѣмъ опять въ своей больницѣ среди пораженныхъ ужасною болѣзнью. Сюда изъ дому ей часто присылали вкусныя блюда или лакомства, но ей стыдно ѣсть что-нибудь такое, чего нѣтъ у другихъ и все принесенное она отдаетъ больнымъ. О себѣ она никогда не думаетъ. Все свое имущество отдала общинѣ, а все, что получаетъ отъ родныхъ — до послѣдней копейки — идетъ на бѣдныхъ. Ради нихъ она лишаетъ себя самаго необходимаго. Нерѣдко выходя изъ дому тепло одѣтой, она возвращается совсѣмъ на-легкѣ, раздавъ по дорогѣ свою теплую одежду какимъ-нибудь встрѣтившимся ей несчастнымъ. Дѣлилась съ неимущимъ послѣдней смѣной бѣлья, что особенно огорчало ея мать. Какъ-то она возвратилась изъ поѣздки въ мужскомъ нагольномъ тулупѣ, взятомъ въ долгъ на станціи — шубу свою она отдала, ѣхавшей въ вагонѣ больной, по бѣдности очень плохо одѣтой.

Кромѣ третьяго класса княжна другихъ вагоновъ не знала, а въ Петербургѣ и конку считала роскошью. Уже въ преклонныхъ годахъ пѣшкомъ ходила она изъ одного конца города въ другой, посѣщая бѣдныхъ, разнося посильную помощь, и не стѣснялась отдыхать на ступенькахъ столичныхъ магазиновъ. Иногда уже поздно вечеромъ заходила княжна къ кому-либо изъ друзей, которые старались воспользоваться случаемъ, чтобы предложить сестрѣ милосердія взять ванну и любовно подкладывали подъ

благовиднымъ предлогомъ новую смѣну бѣлья. Тутъ обнаруживалось иной разъ нѣчто невѣроятное: въ холодную осеннюю погоду М. М. пришла къ своей пріятельницѣ въ Галерную гавань и у нея не было даже чулокъ на ногахъ — прюнелевыя ботинки были надѣты прямо на голую ногу.

Убиваніе плоти, лишеніе себя удобствъ, христіанское нищенство — являлись лишь дополненіемъ къ существу сестры Маріи. Свое имущество она раздала, но вѣдь не однимъ кошелькомъ можно быть полезной для ближнихъ. Княжна воплотила въ себѣ искреннюю предстательницу о нуждахъ людей, угнетенныхъ судьбой, ходатайствовала за нихъ, просила, молила и нерѣдко, къ великой своей радости, добивалась благопріятныхъ результатовъ. Она вся проникнута была любовью къ людямъ и стремилась оказать, хотя какое-либо облегченіе нуждающимся. Помогала бѣднымъ *не откладывая*, всѣмъ, чѣмъ могла, снимая съ себя послѣднюю рубашку. Служа больнымъ, она не только ухаживала за ними, но и утѣшала ихъ, поддерживала вѣру въ милость Божію, молилась вмѣстѣ съ умирающими, любовно погребала умершихъ, провожая ихъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

***

Извѣстно общее сердобольное отношеніе русскаго человѣка къ заключеннымъ. У М. М. эта народная особенность обрисовывалась особенно ярко. Устроивъ жизнь своей общины, она ушла изъ нея и почти всю свою остальную долгую жизнь посвящаетъ заботѣ о страждущихъ въ тюрьмахъ. Кажется, нѣтъ въ Россіи темницы или крѣпости, куда не могъ бы проникнуть этотъ истинный «другъ заключенныхъ». Даже недоступныя Петропавловская и Шлиссельбургская крѣпости — «откуда не выходятъ, а выносятъ» — предъ нею раскрыли свои ужасныя двери. Никакія недомоганія и тѣлесныя страданія, ни опасныя русскія дороги, ни весенніе разливы, ни зимнія стужи не могли удержать ее отъ посѣщенія заключенныхъ и ссыльныхъ даже и на далекомъ сѣверѣ. По ея любимому выраженію, она совершенно «забывала свое метрическое

свидѣтельство», т.-е. не считалась съ своими лѣтами и, вступивъ уже въ девятый десятокъ лѣтъ жизни, немедленно шла туда, гдѣ была въ ней нужда.

Чтобы чаще посѣщать шлиссельбуржцевъ, эта аристократка по рожденію и положенію въ обществѣ снимаетъ поближе къ крѣпости комнатушку и питается только плитками шоколада и сухимъ печеньемъ, такъ какъ больная хозяйка квартиры ничего не можетъ приготовить. И только по воскресеньямъ княжна уѣзжаетъ въ Петербургъ къ сестрѣ, чтобы немножко откормиться.

Она посѣщаетъ уголовныхъ преступниковъ, убійцъ, безвѣстныхъ бродягъ и проститутокъ въ больницахъ; безстрашно бесѣдуетъ въ одиночныхъ камерахъ съ самыми тяжкими преступниками — и всюду несетъ искреннее слово утѣшенія. Порою приходится выслушивать ей и площадную брань, насмѣшки, богохульство и выносить потоки грязи... Но лаской и теплымъ обращеніемъ, любезнымъ вниманіемъ къ нуждамъ озлобленныхъ людей, поносившихъ ее, она въ концѣ-концовъ смягчала самыя черствыя, огрубѣвшія сердца, а затѣмъ уходила въ свой крестовый походъ, добывая у власть имущихъ облегченіе и смягченіе участи несчастныхъ.

Здѣсь тихая, мирная сестра проявляла героическую энергію, неотступно стучалась въ двери духовныхъ и мірскихъ властей, вплоть до высшихъ чиновъ. Часто встрѣчала она самое жестокое порицаніе своихъ домогательствъ. Такъ что иногда невольно вырывается у нея печальное восклицаніе — «Нужно просить и умолять Господа о помощи безпомощнымъ». И тогда пишетъ она знакомымъ пастырямъ: «О, помолитесь о нихъ. Упросите вашихъ братій священниковъ вступить въ права, дарованныя имъ, чтобы, ставъ между живыми и мертвыми съ кадильницами, полными ѳиміама, какъ Ааронъ, заступить погибающихъ».

Неудачи и отказы не останавливали М. М., она продолжала молить, и въ концѣ-концовъ, благодаря своему искреннему воодушевленію и удивительной неослабной настойчивости, она будила въ сердцахъ, казалось недоступныхъ жалости, святыя чувства состраданія.

Чуткое сердце великой христіанки со скорбію узнало объ одной излишней и странной жестокости по отношенію къ заключеннымъ шлиссельбуржцамъ. Въ тюремномъ помѣщеніи не было церкви. Княжна начала хлопотать о постройкѣ храма. Ей отвѣчали, что политическіе заключенные, какъ атеисты, не желаютъ и ходить въ церковь.

М. М. примѣрами доказала, что не только желаютъ, но и очень скорбятъ отъ невозможности посѣщать Богослуженіе, что шлиссельбуржцы не разъ просили позволенія сходить въ крѣпостную церковь и что, наконецъ, въ другихъ тюрьмахъ очень многіе политическіе съ удовольствіемъ посѣщаютъ храмъ. Получивъ все же отказъ, княжна пошла выше. Тамъ ей сказали, что для того, чтобы строить церковь, придется проломить стѣну крѣпости — для выхода рабочихъ и что, вообще, нельзя производить такія капитальныя постройки въ тюрьмѣ, содержащей самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступниковъ — изъ опасенія побѣга. Предварительно надо переводить всѣхъ въ какое-либо другое мѣсто; а это связано съ большими неудобствами. Но княжна не унималась и церковь все же была построена, хотя и послѣ того, какъ политическая тюрьма въ Шлиссельбургѣ была уже, въ 1906 году, упразднена.

Княжна ищетъ убѣжденныхъ священниковъ въ тюремныя церкви и скорбитъ о недостаткѣ работниковъ на нивѣ Христовой въ переполненныхъ тюрьмахъ Россіи.

М. М. осмѣлилась даже ходатайствовать о назначеніи опредѣленныхъ сроковъ для шлиссельбургскихъ узниковъ. Она напоминаетъ, что самый большой срокъ для каторжныхъ работъ въ нашемъ законодательствѣ — 20 лѣтъ, а шлиссельбуржцы сидятъ уже болѣе 20 лѣтъ и, слѣдовательно, они всѣ должны быть выпущены на свободу. Съ этой мыслью она ѣдетъ къ одной изъ великихъ княгинь, обращается ко всѣмъ сановникамъ; а когда и это не помогло, наканунѣ манифеста 17 октября 1905 года собралась подать прошеніе Государю, къ которому обращалась уже не разъ.

Черезъ четыре дня — 21-го октября объявлена была амнистія всѣмъ старожиламъ шлиссельбургской тюрьмы. Въ эти дни великой радости для М. М. ей пришлось поработать для узниковъ еще больше, чѣмъ прежде. Надо

было отыскивать ихъ родныхъ, а пока дать пріютъ, хоть гдѣ-нибудь. И она привела ихъ въ квартиру своей сестры, здѣсь устраивала имъ свиданія съ родными, вела переговоры съ администраціей, и такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ освобожденные не разъѣхались по своимъ роднымъ.

***

Особеннымъ предметомъ заботъ святой старушки были *больные* преступники, потому что это, по ея мнѣнію, «несчастные изъ несчастныхъ». Въ частныхъ письмахъ и воззваніяхъ къ обществу она разсказываетъ о томъ, какъ доктора тюремныхъ больницъ, не входя въ палаты, торопливо подписываютъ — «то же, то же, т.-е. лѣкарство надъ именами страдальцевъ», лишенныхъ всякаго ухода, лежащихъ на двухъ сдвинутыхъ кроватяхъ поперекъ, — вмѣстѣ и отцовъ и матерей съ больными и здоровыми дѣтьми. Всѣ покрыты насѣкомыми до измѣненія цвѣта тѣлъ. Жестокость надзирателей еще болѣе увеличиваетъ страданія несчастныхъ.

Но еще тяжелѣе положеніе выгнанныхъ изъ тюремныхъ больницъ, въ особенности, въ зимнюю стужу — раздѣтыми съ проходнымъ билетомъ, подвергающимъ штрафу всякаго, пріютившаго такого больного болѣе сутокъ. Большинство выпущенныхъ изъ тюремныхъ больницъ поражено какою-нибудь хроническою неизлѣчимою болѣзнью, ихъ не принимаютъ ни въ одно лѣчебное учрежденіе и, слѣдовательно, обрекаютъ на неминуемую гибель — въ голодѣ, холодѣ и тяжкихъ страданіяхъ.

М. М. хлопочетъ о допущеніи сестеръ милосердія къ уходу въ тюремныхъ больницахъ. Она проситъ епископовъ учреждать попечительства для облегченія участи больныхъ узниковъ, проситъ устраивать больницы при тюрьмахъ, санаторіи при монастыряхъ — для отпущенныхъ изъ тюрьмы съ чахоткой и другими хроническими тяжкими болѣзнями.

Послѣдніе дни жизни М. М. украсились новымъ видомъ заступничества за несчастныхъ людей. Она обратила вниманіе на поспѣшность приговоровъ военныхъ судовъ къ смертнымъ казнямъ, особенно частымъ тогда, въ дни усмиренія возмущеній. Истинная христіанка, она глубоко

вѣрила, что нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ преступниковъ, которые не могли бы разсчитывать на милосердіе Божіе и на спасеніе во Христѣ Іисусѣ. Тѣмъ болѣе, молодые люди, дѣйствующіе по увлеченію, заслуживаютъ снисхожденія. Для нихъ вся жизнь еще впереди и каждый изъ нихъ еще можетъ быть полезнымъ членомъ общества, чему и было много примѣровъ.

И поэтому М. М. дерзала ходатайствовать за приговоренныхъ къ смерти у высшаго начальства, особенно, когда видѣла молодое увлеченіе или даже соблазнъ по неопытности. Нерѣдко она подвигала на заступничество петербургскаго митрополита Антонія. Даже на смертномъ одрѣ княжна не переставала чрезъ своихъ помощницъ хлопотать за осужденныхъ на казнь и, вообще, оказывать имъ ту или другую помощь.

Съ какою трогательною заботой М. М. вела списки именъ заключенныхъ въ тюрьмахъ и умершихъ ихъ товарищей. Она подавала ихъ на поминовеніе за обѣдней и сама ежедневно за молитвой прочитывала ихъ съ особымъ вниманіемъ.

Нечего и говорить, какимъ уваженіемъ и авторитетомъ пользовалась М. М. у заключенныхъ. Извѣстный шлиссельбуржецъ Морозовъ пишетъ: «въ древнія времена она была бы христіанской мученицей и святой, а въ болѣе позднія, чѣмъ мы живемъ, она была бы тѣмъ же, чѣмъ и теперь, — героиней самоотверженія и воплощеніемъ безкорыстной любви къ ближнимъ».

Почти каждый изъ заключенныхъ старался насколько возможно выразить свое вниманіе и благодарность неутомимой заступницѣ своей, за ея желаніе внести въ ихъ жизнь какую-либо отраду. Отъ своихъ трудовъ они присылали ей — кто деревянную шкатулку, кто костяной крестъ, кто гербарій, вазочку, цвѣты, овощи, разныя ягоды и т. п.

Приведемъ здѣсь трогательный разсказъ одной изъ заключенныхъ Шлиссельбурга — В. Н. Фигнеръ[1]).

---

[1]) «Княжна М. М. Дондукова-Корсакова въ Шлиссельбургѣ», «Русс. Вѣд.» 1912, № 290.

«Въ огородѣ Фроленко росла прекрасная вишня, посаженная имъ. Каждую весну она стояла вся облитая бѣлымъ цвѣтомъ, и Фроленко съ гордостью истиннаго садовода звалъ всѣхъ по очереди посмотрѣть на чудное дерево... Но надежды на плоды годъ за годомъ оказывались тщетными, цвѣты оказывались пустоцвѣтомъ. Наконецъ, въ 1904 году на деревѣ оказалось 16 вишенъ! Какъ берегъ ихъ Фроленко! Хотѣлъ шить мѣшочекъ изъ марли, чтобы укрыть отъ воробьевъ. Всѣ 16 дозрѣли; 13 изъ нихъ Фроленко роздалъ каждому изъ насъ по одной, а три остальныхъ я должна была торжественно преподнести Марьѣ Михайловнѣ».

***

Сестра Марія, эта истинная ученица Христова, обладала рѣдкой въ наше время глубиной вѣры, изъ которой уже проистекали ея дѣла. Она соединяла въ себѣ оба идеала женщинъ христіанокъ — Марѳы и Маріи; она умѣла не только *служить* Христу, но и избирать «благую часть» избранныхъ — припадать къ стопамъ Божественнаго Учителя въ пламенной молитвѣ и просвѣщаться серіозно и сердечно Его ученіемъ.

«Въ молитвѣ и таинствахъ церкви, пишетъ она, для меня — дѣйствительность жизни. Каждый день съ чувствомъ благодарности молюсь словами задостойной молитвы литургіи Василія Великаго». Она помнитъ почти наизусть многія страницы святоотеческихъ твореній, произведшія на нее особенно сильное впечатлѣніе. Евангеліе всегда при ней и его святыя страницы она читаетъ больнымъ и заключеннымъ. Библейскія событія такъ живо стоятъ предъ ея духовнымъ взоромъ, что ими она постоянно повѣряетъ жизнь свою и окружающихъ и судьбы отечества, и постоянно зоветъ къ покаянію, убѣжденно увѣряя въ милости Божіей къ смиреннымъ и покаявшимся.

Благоговѣніе предъ таинствами церкви позволяетъ ей видѣть то, что незамѣтно для другихъ и глубоко страдать за поруганіе святыни. Такъ она дерзновенно пишетъ: «Въ тяжко согрѣшившей нашей родинѣ, кромѣ общихъ беззаконій людскихъ, совершается еще грѣхъ отрицанія

словъ Спасителя относительно искренно покаявшихся и соединившихся съ Господомъ въ святомъ Причастіи и послѣ сего казненныхъ преступниковъ. Они безъ молитвы и погребенія зарывались въ землю, какъ негодная вещь,

...«Не *вы* Меня избрали, а *Я* васъ избралъ»... Ін. 15, 16.
...«Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ... Безъ Меня не можете дѣлать ничего»... (Ін. 15, 4—5).

а для вѣрующихъ христіанъ въ такомъ отношеніи къ казненнымъ причастникамъ Тѣла и Крови Христовой видится поруганіе Самого Іисуса Христа въ христіанскомъ государствѣ. Не есть ли этотъ грѣхъ одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, вопіющихъ къ Небу, которые настойчиво требуютъ покаянія».

***

Четыре послѣднихъ года жизни сестры ее снѣдалъ страшный недугъ — ракъ груди. Почувствовавъ, что силы ослабѣваютъ, она удвоила свою энергію, какъ бы опасаясь,

что не успѣетъ сдѣлать всего намѣченнаго ею. Желаніе и радость помочь другимъ жили въ ней такъ сильно, что даже въ минуты страшной физической усталости и болѣзненныхъ приступовъ стоило ей узнать, что кто-либо нуждается въ общеніи съ нею, бесѣдѣ или помощи, какъ мгновенно въ ней пробуждались силы и энергія пойти навстрѣчу такому просителю и внести въ чужую душу просвѣтленіе и отраду. До послѣднихъ дней жизни, еще за четыре дня до смерти, уже коснѣющимъ языкомъ диктовала она письма съ просьбами объ устройствѣ судьбы разныхъ бѣдныхъ.

Въ это время ею продиктованы два воззванія, напечатанныя уже послѣ ея смерти. Одно — «Сестрамъ милосердія», другое — «О больныхъ въ тюрьмахъ». Въ первомъ великая сестра даетъ много цѣнныхъ указаній сестрамъ, какъ «достойно ходить своего званія». На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь наставленіе — «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите». Затѣмъ идетъ — «чтеніе слова Божія и главное — смиреніе». «Утрата кротости и смиренія — настоящая причина тѣхъ смущеній и скорбей, которыя мы приписываемъ людямъ». И пришедшей въ такое «смущеніе» и раздраженіе *старшей* сестрѣ М. М. совѣтуетъ — «временно прекратить свои занятія и отношенія къ другимъ сестрамъ, пока чтеніемъ слова Божія и уединенной молитвой не испроситъ она у Господа *Его духа*, и общенія съ Іисусомъ Христомъ для исполненія *Его* воли».

Замѣчательно также наставленіе М. М., касающееся заботъ о матеріальномъ благополучіи общины. — «Корыстолюбіе такъ свойственно человѣку, что онъ способенъ изъ ложно понятаго усердія перенести эту страсть въ благотворительное учрежденіе... Когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи денегъ для расширенія дѣятельности общины, необходимо придерживаться дозволеннаго Господомъ, а не средствъ, изобрѣтенныхъ людьми, для достиженія такъ называемыхъ благихъ цѣлей. Всѣ средства человѣческія, несогласныя съ духомъ Христовымъ, не должны быть допущены въ управленіе дома, посвященнаго Господу».

Во второмъ воззваніи М. М. выясняетъ весь ужасъ положенія больныхъ въ тюрьмахъ, а еще болѣе, выгнанныхъ изъ тюремныхъ больницъ, и призываетъ общество

помочь этимъ несчастнымъ, напоминая слова Христовы — «не судите»... и — «Я былъ въ темницѣ».

Послѣднія три недѣли жизни М. М. ее ежедневно посѣщали или митрополитъ Антоній или епископъ гдовскій Кириллъ. Бесѣдуя съ пастырями церкви, больная временами забывала о своихъ тяжкихъ страданіяхъ. Вообще, терпѣніе и кротость, съ которыми она переносила мучительную и длительную болѣзнь, поражали всѣхъ ее окружающихъ. Ни слова ропота, не взирая ни на какую боль, напротивъ, желаніе успокоить близкихъ.

Наканунѣ смерти сестры Маріи, въ 8 часовъ вечера, къ ней пріѣхалъ митр. Антоній. Больная страшно ему обрадовалась, лицо ея просвѣтлѣло. Владыка пробылъ у нея цѣлый часъ, читая ей вслухъ любимыя ея мѣста изъ Евангелія и посланій. Скончалась 15 сентября 1909 года въ 11 часовъ утра, на 82-мъ году жизни, окруженная близкими родными и друзьями.

По ея желанію, тѣло ея перевезено было въ с. Бурики и похоронено въ оградѣ церкви при основанной ею общинѣ сестеръ милосердія. Всѣ панихиды и отпѣваніе отнюдь не носили характера печальнаго погребенія. Торжественная архіерейская служба среди ярко освѣщеннаго храма и пробивавшихся лучей солнца и кроткій ликъ умершей, утопавшей въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ цвѣтахъ, — вызывали какое-то необычайное чувство благоговѣйнаго сознанія, что это не обычная смерть, а настоящій переходъ въ лучшую жизнь истинно вѣрующей души, соединеніе съ Христомъ, Которому покойная такъ радостно послужила всю жизнь.

IX.

Великая Княгиня Александра Петровна.

Великую Княгиню Александру Петровну ея біографы считаютъ «идеальнымъ образомъ милосердной сестры русскаго народа». Дочь извѣстнаго гуманиста Е. И. В. Петра Георгіевича Ольденбургскаго, она родилась въ 1838 г. и была въ замужествѣ за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Княгиня унаслѣдовала отъ отца доброе сердце, сострадательность и потребность дѣятельнаго служенія ближнимъ.

Въ юныхъ уже годахъ она отдавала всѣ свои «карманныя» деньги на помощь бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ. Потомъ, помимо оказываемой ею изъ своихъ средствъ матеріальной помощи различнымъ благотворительнымъ учрежднямъ, она является дѣятельной руководительницей въ возникавшихъ по ея иниціативѣ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Вскорѣ послѣ замужества ею основана въ Петербургѣ Покровская община сестеръ милосердія, больница, амбулаторія, отдѣленіе для дѣвочекъ-сиротъ, училище для образованія фельдшерицъ. Здѣсь впервые и училась. Великая Княгиня нелегкому дѣлу служенія больнымъ и это служеніе такъ пришлось по душѣ ей, что она не могла уже оставить его никогда.

Во время русско-турецкой войны Ея Высочество на собственныя средства организовала санитарный отрядъ.

Въ 1879 г. она оставила Петербургъ, вслѣдствіе своей тяжелой и, казалось, неисцѣлимой болѣзни, и переѣхала на жительство въ Кіевъ, приступила къ осуществленію своей великой мысли — созиданію женскаго монастыря съ многочисленными лѣчебными и благотворительными

учрежденіями, т.-е. къ созданію, какъ она называла, «живого монастыря», соединенію монашескаго подвига съ дѣломъ милосердія.

Въ чудномъ уголкѣ Кіева—Лукьяновкѣ, на высокомъ живописномъ откосѣ Вознесенской горы, сплошь покрытомъ вѣковѣчными деревьями, скоро выросъ цѣлый городокъ Покровскаго монастыря, въ русскомъ стилѣ. Все здѣсь создавалось подъ личнымъ наблюденіемъ Великой Княгини: всѣ планы составлялись ею, счета по постройкѣ и содержанію всѣхъ учрежденій велись лично ею: здѣсь не было деревца, которое не было бы посажено по указанію ея, не было гвоздя, вбитаго не по ея распоряженію. Выстроенъ соборъ, дома для монастырскихъ сестеръ, грандіозная больница, лѣчебница для приходящихъ больныхъ, образцово устроенная аптека, училище для дѣвочекъ-сиротъ, пріютъ для слѣпыхъ, пріютъ для неизлѣчимыхъ хронически больныхъ женщинъ, бараки для заразныхъ больныхъ, анатомическій покой для нуждъ больницы, прачечная, страннопріимница, куда шелъ голодный и холодный и находилъ заботу, пріютъ и ночлегъ.

Все здѣсь созидалось крайне быстро, энергично; буквально не было ни мгновенія, когда бы живая дѣятельность Великой Княгини замирала. Казалось она спѣшила увидѣть поскорѣе воплощеніе своихъ мыслей въ реальную оболочку. «Я боюсь не успѣть сдѣлать все то, что я должна здѣсь сдѣлать», говорила она.

Въ монастырѣ введенъ былъ строгій студійскій уставъ. Княгиня внимательно слѣдитъ за совершеніемъ богослуженія, сама пишетъ расписаніе церковныхъ службъ и присутствуетъ, по возможности, за всѣми ими, при чемъ иногда сама читаетъ шестопсалміе, часы, канонъ и пр. Она «среди монахинь монахиня», ѣстъ только обычную скудную монастырскую пищу и изъ монастырской утвари—деревянныхъ чашекъ и деревянными ложками.

Но Княгиня участвовала не только въ молитвенно-аскетическомъ подвигѣ сестеръ, она для нихъ примѣръ и въ ихъ подвигахъ служенія ближнимъ. Она была для больныхъ и сестрою милосердія, и сидѣлкою, и матерью.

И все это такъ просто, такъ радостно. Цѣлые годы ею проведены среди больныхъ — въ полномъ значеніи этого слова. Она жила въ одной изъ больничныхъ палатъ въ постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ ними, проводила дни и ночи въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что эту жизнь необходимо признать непрерывнымъ подвигомъ.

Дверь ея комнаты не закрывалась для того, чтобы и въ ночное время она могла слышать стоны и жалобы больныхъ и итти имъ на помощь. По ея собственнымъ словамъ, тишина и покой ее будили, такъ какъ она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущимъ. Ко всѣмъ труднымъ больнымъ она вставала по нѣсколько разъ въ теченіе ночи и тѣмъ нерѣдко лишала себя и того наименьшаго отдыха, который необходимъ для поддержанія здоровья и силъ. Изъ ея рукъ больные получали лѣкарства, изъ ея устъ они слышали слова ободренія, утѣшенія, состраданія. Она балуетъ лакомствами призрѣваемыхъ дѣтей. Почти всѣхъ больныхъ, которымъ предстояли операціи, она, пока позволяли силы, мыла собственными руками, чтобы обезпечить необходимую чистоту и зависящій отъ того успѣхъ операціи, не полагаясь въ этомъ случаѣ на другихъ. Но собственно здѣсь, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, она мало полагается на человѣческія силы, а больше призываетъ благодатныя. Помолится отъ души объ оперируемомъ, все приготовленное молитвенно окропитъ святой водой. Все тайно, твердо и убѣжденно.

Нося въ себѣ самой давній недугъ, переживъ двѣ тяжелыя операціи, страдая одышкой, великая труженица не думала о себѣ, не заботилась о своемъ собственномъ здоровьѣ и вся отдалась избранному ею высокому подвигу, и съ такою радостью несла его, что считала себя «счастливѣйшей въ мірѣ».

Ея бодрый и радостный видъ ободрялъ и укрѣплялъ окружающихъ и примѣръ ея заражалъ всѣхъ.

Такъ почти 20 лѣтъ самоотверженно трудилась Великая Княгиня, входя во всѣ мелочи обширнаго хозяйства многочисленныхъ учрежденій монастыря. Она даже находила

время собственноручно вписывать каждаго вновь прибывающаго въ больницу.

Но едва ли не большимъ, по отвѣтственности, трудомъ было воспитаніе и нравственное руководство своими сотрудницами. И здѣсь заслуги Великой Княгини предъ русскимъ обществомъ еще болѣе велики, чѣмъ вся ея прежняя дѣятельность. Покровскій монастырь сдѣлался училищемъ истинно христіанскаго милосердія, изъ котораго вышли выдающіяся сестры. Таковы, прошедшія искусъ подъ руководствомъ самой Великой Княгини — прославленная «сестра разбойничковъ» Варвара Шкляревичъ, ближайшая сотрудница Великой Княгини сестра Магдалина, оставшаяся въ монастырѣ и др.

Обычно смѣшиваютъ слабохарактерность съ добротой, но любящій ищетъ пользы ближняго, а потаканіе всегда во вредъ воспитываемому и вовсе не есть проявленіе истинной любви со стороны воспитателя и начальника. Великая Княгиня была человѣкомъ не только великаго сердца, но и сильной воли, она сумѣла провести въ жизнь совсѣмъ новое у насъ на Руси дѣло—связать больницу и монастырь въ одно учрежденіе,—поэтому она умѣла и воспитать, предъявлять свои требованія съ любовію, сердечно, но и съ непререкаемымъ авторитетомъ. Вотъ напр. ея наставленіе прищедшей въ монастырь Шкляревичъ. «На первый разъ, вотъ вамъ послушаніе: раньше всѣхъ вставать, позже всѣхъ ложиться, меньше всѣхъ кушать и ниже всѣхъ кланяться. Когда вы раньше всѣхъ встанете, то покажете другимъ примѣръ бодрости и дѣятельности. Ложась послѣ всѣхъ, вы будете имѣть возможность провѣрить — всѣ ли улеглись и все ли въ порядкѣ. Будете меньше всѣхъ кушать, — пріучитесь къ воздержанію, а частыми и низкими поклонами — къ смиренію. Когда вы это немногое, но очень важное, выполните, я скажу вамъ, что дальше дѣлать» [1]). Въ числѣ другихъ наставленій былъ постоянный призывъ сестеръ къ молитвѣ. «Всякій шагъ—съ молитвою на умѣ... Это могущественная сила, все дурное поглощающая. При этомъ настроеніи вы всегда

[1]) И. П. Ювачевъ, «Сестра Варвара».

будете благодушны и счастливы.—Предавайте себя въ волю Божію. Все принимайте съ горячею любовью отъ руки Господа, тогда все будетъ на душѣ присное радованіе».

О глубокомъ религіозномъ настроеніи самой Великой Княгини свидѣтельствуютъ одни уже храмы монастыря, соборъ котораго превосходитъ обширностію всѣ кіевскіе храмы. О томъ же говорятъ ея настольныя книги. Это—лежащія въ ея кельѣ, на аналоѣ, Евангеліе и псалтирь церковнаго формата и святоотеческія творенія, всѣ испещренныя ея замѣчаніями, свидѣтельствующими о глубокомъ вдумчивомъ чтеніи. И келья ея была устроена рядомъ съ больничною церковію, чтобы можно было слушать службу, не покидая больницы, всякую свободную минутку.

Надо ли говорить, что подвижница инокиня была и смиренна. Въ послѣднія минуты своей жизни, при тяжелыхъ физическихъ страданіяхъ, она сдѣлала всѣ распоряженія о своемъ погребеніи, могилѣ, отпѣваніи и даже поминовенномъ столѣ. Простой, сосновый, некрашеный гробъ былъ уже готовъ около десяти лѣтъ назадъ. Похоронить себя она завѣщала непосредственно въ землѣ, безъ сводовъ, на мѣстѣ, ею давно предназначенномъ. При погребеніи не должно быть ни рѣчей, ни вѣнковъ. Простой деревянный крестъ — единственный надмогильный памятникъ. А отпѣваніе совершено было по иноческому чину, такъ какъ изъ завѣщанія, хранившагося въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора, оказалось, что Великая Княгиня давно уже приняла постригъ съ именемъ Анастасіи [1]).

---

[1]) Составл. по: Проф. Сикорскій, «Кончина Е. И. В. Великой Княгини Александры Петровны». Проф. М. Тарѣевъ, «Отъ смерти къ жизни». Вып. 1-й.

X.

На эпидеміяхъ.

Мы могли бы безконечно разсказывать еще о сестрахъ, работающихъ на эпидеміяхъ — тифа, дифтерита, оспы, холеры, въ голодающихъ деревняхъ, пораженныхъ цынгою и тифомъ и т. п., о сестрахъ, теряющихъ здоровье и самую жизнь, но облегчающихъ своимъ подвигомъ физическія и нравственныя муки тѣхъ, отъ которыхъ отреклись очень часто и самые близкіе родные.

Въ ихъ жизни тоже бываетъ такъ много интересныхъ страницъ, полныхъ самопожертвованія и героизма. Но добродѣтель скромна. И повѣдать міру эти утѣшительныя страницы истиннаго житія во Христѣ могли бы только тѣ, которые сами несли крестъ болѣзни, или хотя бы только прикоснулись къ подвигу крестоноснаго служенія, ухаживая за своими близкими.

На эпидеміяхъ, кромѣ необходимости нести особенно напряженный, безъ отдыха, трудъ, кромѣ опасности зараженія, есть еще большая опасность—отъ темноты народной, находящей причину болѣзни въ докторахъ и больницахъ. «Холерные бунты» у насъ не рѣдкость.

И вотъ одна изъ жертвъ ихъ.

Сестра Нина.

Въ районъ, охваченный холерной эпидеміей, пріѣхала сестра Нина. Въ дѣйствительности, она вовсе не пріѣхала, а пришла... О. Николай даже руками всплеснулъ, когда на порогѣ его дома показалась худенькая фигурка сестры съ небольшимъ чемоданомъ въ рукахъ.

— Пѣшкомъ?.. это съ вокзала-то?.. Десять верстъ?.. Что же вы не предупредили? Грѣхъ какой. Мы бы лошадей выслали.

— Зачѣмъ это? И сама хорошо пришла. Имѣнье мое небольшое, ноги здоровыя.

За полчаса чаевничанья сестра Нина совсѣмъ очаровала о. Николая.

«Да это какая-то особенная душа, кристальная, дѣтская... «Божій человѣкъ»...—думалъ онъ, и радовался.

— Укажите-ка мнѣ, батюшка, келійку мою...

О. Николай проводилъ сестру Нину въ ея квартиру, въ школѣ, на Песчаномъ хуторѣ.

— Только какъ же вы, матушка, жить-то тамъ будете? За селомъ, и никого тамъ нѣтъ, кромѣ сторожа.

— Ну, вотъ. Я не робкая. Да я найду себѣ и компанію: вонъ, квартира-то какая большая.

А какая большая — двѣ комнатки.

И вѣдь, правда: сестра нашла себѣ и «компаньона».

Черезъ день услышалъ о. Николай, что у сестры Нины постоялка. Притащила полуслѣпую старуху. Мы и то ее просмотрѣли, а она разыскала; бѣдная, совсѣмъ голодная старуха. Прохоровна сама разсказывала батюшкѣ, какъ ее «зарекрутила» сестра.

— Пришла ко мнѣ... Что, молъ, тебѣ, матушка? А она: «Пойдемъ, бабуня, ко мнѣ: плохо, видно, тебѣ живется?» Знамо, молъ, бѣдна, хлѣбъ-то чистый только въ праздники. Да какая я тебѣ прислуга: чуть вижу...

— Идемъ, идемъ, куда тебѣ въ прислуги. И Богъ бы меня наказалъ, кабы я такую Божью старушку на себя работать заставила.

— Такъ какъ же я-то?..

— А ты такъ... живи. За мать мнѣ...

— Повела. Устроила меня въ раю. Постель сдѣлала... и правда, точно я госпожа, а она моя прислуга. Божій она человѣкъ! Христа ради юродивый».

Вотъ такъ похвала! Но сколько любви и ласки было въ такой характеристикѣ.

«Христа ради юродивый»... Хорошо!

* * *

— Какъ это вы надумали такой крестъ на себя взять?— спросилъ какъ-то вечеромъ сестру Нину о. Николай.

— А такъ... Была я барышня, какъ всѣ, т.-е. безъ дѣла, съ какими-то «мыслями»; но мысли эти стояли какъ-то отъ души «особо». Мысленно готова была я всему міру служить, но фактически душа все-таки больше лежала къ магазину Бомарше. Но все-таки числилась «сестрой сотрудницей» въ одномъ благотворительномъ обществѣ и по порученію его ходила по «бѣднымъ людямъ». Здѣсь, увидавъ воочію горе людское, рѣшила итти облегчать его.

Два мѣсяца работала у сестры Варвары, въ Любани, въ ея столовой «для разбойничковъ». Ну эта меня совсѣмъ обратила... Въ ней самой такъ жалости много, что пробыть съ ней недѣлю, а потомъ жить, какъ прежде жилось, уже нельзя. Потомъ въ Лѣснѣ, у матушки Екатерины, училась. Тоже большая школа. Теперь вотъ сюда Богъ привелъ. Поучусь и здѣсь...

«Поучусь». Чему ужъ ей учиться? «Она сердце нашла чистое, а такіе Бога видятъ и съ Богомъ и въ Богѣ видятъ все, и не требуютъ, да кто учитъ ихъ», говоря словами св. Іоанна Богослова.

Съ сестрой Ниной въ приходъ о. Николая сошло благословеніе Божіе... Подвижная, неугомонная, она была всюду, гдѣ нуженъ былъ «глазъ или добрая рука». Для села она стала необходима, какъ воздухъ. Она стала и и докторомъ для села, и секретаремъ для безграмотныхъ бабъ, и даже судьей.

Къ ней ходили, какъ «къ Деворѣ на гору Ефремову», судиться.

Въ квартиркѣ сестры Нины скоро появилась и другая жиличка. «Это, чтобы не было скучно Прохоровнѣ», какъ объяснила сестра Нина.

Вскорѣ совершилось чудо: такія же жилички появились еще въ трехъ, уже крестьянскихъ, избахъ... И сдѣлала это чудо та же Нина, внушивъ состоятельнымъ людямъ пріютить бездомныхъ и осиротѣвшихъ.

* * *

Но вотъ приближается и сюда страшная гостья—холера. Вмѣстѣ съ нею идетъ «безуміе», — та разрушительная

тревога, которую создаетъ повальная болѣзнь. Чувствуется близость «безумія мятежа»... «Глаза» крестьянъ перемѣнились. У многихъ нѣтъ-нѣтъ и проскользнетъ что-то звѣриное.

«Она» пришла.... Въ судорогахъ корчится больной. Лицо синее и въ глазахъ уже смерть. Сестра Нина хлопочетъ, оттираетъ тѣло, ставитъ бутылки къ ногамъ. Фельдшеръ, приписанный къ нашему бараку, боится и подойти: стоитъ издали и смотритъ.

— Неси въ баракъ!—кричитъ онъ санитарамъ. Тѣ нерѣшительно подходятъ....

А народъ толпится темный такой, черный...

— Ну, одного отдѣлали...—слышу сзади.

Больного унесли, а вечеромъ другой, на другой день третій, и пошло... Въ больницѣ спасаетъ, повидимому, сестра Нина. Она не спитъ. День и ночь возится съ больными. Есть уже много выздоровѣвшихъ; ихъ встрѣтили, какъ воскресшихъ изъ мертвыхъ: съ изумленіемъ и испугомъ. Что это, дескать, изъ больницы, а живые?

Можно надѣяться, что все сойдетъ мирно. Смущаетъ одно: очень у крестьянъ нервы скверные, въ результатѣ всѣхъ пережитыхъ тревогъ: война, мобилизація, толки о землѣ и передѣлѣ.

Вчера пришелъ въ больницу мужикъ: у него дочь взяли лѣтъ 13. Кричитъ: «Отдайте Катьку!» Сестра Нина уговариваетъ: «Нельзя; если возьмешь, умретъ она».

— Давай, не твое дѣло, мое дитя!—схватилъ дѣвочку и тащитъ.

— Милый, оставь ты ее Христа ради, умретъ.

Неизвѣстно, что подѣйствовало на мужика: оставилъ.

* * *

Дѣвочка умерла... На похороны мужикъ «сбилъ толпу»... Было видно, что что-то задумали. Однако, дали похоронить. Но вдругъ прорвалось...

Толпа совсѣмъ небольшая, но дикая, безумная, безудержная, двинулась къ больницѣ.

— Ломай, бей... чего ихъ жалѣть!

Подошли къ воротамъ школы больницы, встали и молчатъ, точно одумались.

— Чего вы?—крикнулъ мужикъ,—идемъ!

И снова нахлынуло на всѣхъ безуміе. Сестра Нина встала въ дверяхъ, раскрыла руки, блѣдная, съ свѣтлыми, горящими глазами. «Не пущу,—кричитъ.—Побойтесь Бога, куда вы, зачѣмъ вы.... Христа ради уйдите!...

— Чего? толкай ее, уморила Катьку!

Ближайшій размахнулся и ударилъ сестру Нину въ високъ. Она вскрикнула и повалилась.

Толпа бросилась черезъ нее, началась вакханалія: больныхъ вытащили на улицу, разбивали шкапы, ломали мебель... Черезъ полчаса все опустѣло.

Около святой мученицы плакала барышня. Она цѣловала сестру, молила ее встать, кричала. Сестра Нина не приходила въ себя. Она была еще жива, но съ ней не было обморока: это было начало смерти. А толпа бросилась ломать ворота бывшей божедомки, гдѣ стояли гробы, вынесли три-четыре гроба и тутъ же на улицѣ стали ломать у нихъ крышки.

Отецъ Николай былъ дома. Когда къ нему прибѣжали сказать о томъ, что случилось, онъ съ тоской и смертью въ сердцѣ, схватилъ крестъ и дароносицу и пошелъ туда.

Толпа въ это время еще громила гроба.

— Братцы!—выкрикнулъ онъ.

Толпа остановилась.

— Братцы... братцы...—о. Николай не могъ говорить и можетъ быть это спасло... «Безуміе его печали» отрезвило.

Наконецъ, ему удалось найти слова:

— Братцы, было время при апостолахъ. Послалъ Богъ чуму въ Антіохію. Умирали больше язычники. И вотъ христіане брали тѣла мертвыхъ язычниковъ на плечи и несли ихъ хоронить.

А у насъ—христіане разбиваютъ гробы покойниковъ, не даютъ даже въ гробахъ мирно спать тѣмъ, кого призвалъ Богъ.

И убиваютъ на горе и позоръ тѣмъ же покойникамъ, которымъ и дни и ночи отдавала святая. Вѣдь вы знаете, что такое сестра Нина? Святая, вѣдь. Для кого она жила? Для васъ, все она отдала вамъ, жизнь отдала... служила, какъ ангелъ Божій, и вотъ, говорятъ, вы ее убили. Идемте, хоть у умирающей попросимъ прощенія.

И сверхъ ожиданія, крестьяне пошли.

Сестра Нина очнулась. Она посвѣтлѣла вся, когда увидѣла Св. Дары.

Мужики молчали.

— Вотъ, сестра, пришли просить прощенія за то, что сдѣлали зло.

— Милые мои, Христосъ васъ пожалѣй...

Сестра Нина болѣе говорить не могла. Она снова потеряла сознаніе.

Мужики плакали... [1])

---

[1]) Сост. по: «Новая Церковь». Архим. Михаила.

XI.

На рядовой работѣ.

Скажутъ, что страшныя эпидеміи тоже, какъ и война, исключительные случаи, зовущіе сострадательную душу на исключительные подвиги любви. Но вотъ свидѣтельство о рядовой работѣ сестры милосердія, ежедневной, изо-дня въ день, свидѣтельство состоятельной интеллигентной женщины, захотѣвшей немного пріобщиться къ подвигу сестры милосердія[1]).

— «Я заявила сестрѣ, что хочу изучить уходъ за чахоточными... Сказать откровенно, я не повѣрила молодой сестрѣ, что ужъ такъ тяжело въ чахоточномъ отдѣленіи, и хотѣла провѣрить... Въ этотъ же вечеръ я вошла въ ту же палату, куда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я входила съ умершей сестрой С. Грустныя воспоминанія заставили насъ разговориться о ней съ сестрой К.

— Да, заразилась бѣдная, не по силамъ ей было, — говорила сестра К.

— А вы не боитесь? — поинтересовалась я.

— Нѣтъ, у меня въ роду не было чахоточныхъ и у самой грудь здоровая, а, впрочемъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, — отвѣчала она, — заразиться не трудно.

Мы стали обходить больныхъ, давая лѣкарства имъ; кашель, то легкій, то тяжелый, надрывающій душу и грудь, раздавался по палатамъ. Далѣе, въ глубинѣ палаты, помѣщались больные горломъ; у самой же каморки (т.-е. въ комнаткѣ, гдѣ отдыхали сестры — за деревянной

---

[1]) М. И. Девизъ (Охотиной), «Изъ дневника сестры милосердія», «Ист. В.» 1909, III.

перегородкой, въ той же палатѣ) лежали гангренозные, умирающіе.

Ночь прошла вся въ хлопотахъ, одного разотри — отеки, другого переверни, третьему дай подушку съ кислородомъ; безъ передышки ходили мы и помогали больнымъ съ помощью санитаровъ, которые, сами утомленные, еле бродили. Наконецъ, въ три часа ночи сестру К. замѣстила другая. Я думала, что сестра К. уйдетъ къ себѣ въ общину, но каково же было мое удивленіе, когда она вошла въ каморку и прилегла тамъ на кровать.

— Да что вы, идите домой, — сказала я; — отдохните тамъ эти три часа.

— Не имѣю права, должна высидѣть здѣсь 24 часа, вотъ сосну часокъ и освѣжусь, — сказала она, завернувшись въ платокъ.

Больной, умирающій лежалъ рядомъ съ ея изголовьемъ, за перегородкой. Запахъ отъ него былъ ужасный, недалеко отъ него другого больного рвало, вновь пришедшая сестра поддерживала его голову, стараясь другой рукой отстранить свой передникъ, такъ какъ гнойная рвота, попавъ на царапину, является зараженіемъ, да и всякая капля засохшей рвоты, попавшая на платье, волосы, заключаетъ въ себѣ заразныя бациллы.

— Вотъ видите, въ какой обстановкѣ мы живемъ, — сказала сестра К., поднявшись на постели: — вотъ и усни тутъ. Чѣмъ бы провѣтриться эти три часа, а мы здѣсь дышимъ все тѣмъ же воздухомъ, а днемъ и ѣсть сюда приносятъ.

— Да, теперь я понимаю, что сестра С. могла заразиться, есть отъ чего; я бы здѣсь не могла долго пробыть, — сказала я и, утомленная за ночь, опустилась на стулъ и, положивъ голову на руки, закрыла глаза. Отяжелѣвшія отъ безсонной ночи вѣки точно не хотѣли подняться, но и съ закрытыми глазами въ воображеніи моемъ пробѣгали все тѣ же картины: палаты, уставленныя кроватями, тусклое освѣщеніе, страданье и смерть.

— Да, невеселая ваша жизнь, — сорвалось у меня.

— Это въ одну ночь вы умаялись, а мы-то изо дня въ день, — задумчиво сказала сестра К. — Сегодня, какъ завтра — болѣзнь да смерть...

Когда приходитъ утро и приближается часъ вашей смѣны, вы начинаете считать каждую минуту, секунду; физическое и нравственное утомленіе отъ пережитаго вами за ночь такъ разбиваетъ весь вашъ организмъ, что на ногахъ точно пуды висятъ, въ головѣ странная тяжесть. Такъ хочется отдохнуть. Но вотъ моментъ конца колоссальной работы — вы свободны, идете въ общину.

Я проработала въ легочномъ отдѣленіи еще три недѣли, заставляя себя ходить туда, чтобы привыкнуть ко всѣмъ трудностямъ ухода за больными. Каюсь, когда я получила извѣщеніе о томъ, что мнѣ надо уѣхать въ другой госпиталь, чтобы приготовиться къ отвѣтственному положенію, которое я должна была принять на себя для отъѣзда ближе къ центру сраженій, я вздохнула всею грудью въ предвидѣньи освободиться отъ этого тяжелаго отдѣленія и возни не съ больными, а съ той вѣчной мокротой, отъ которой носится зараза въ воздухѣ, въ каждой щели, въ пылинкахъ, — словомъ, всюду».

* * *

Но, вѣдь, есть много разрядовъ больныхъ, еще болѣе опасныхъ въ смыслѣ зараженія и еще болѣе трудныхъ и «грязныхъ» въ отношеніи ухода, чѣмъ легочные. Какой напряженной внимательности и полнаго отсутствія брезгливости требуетъ, напримѣръ, уходъ за многими хирургическими больными, особенно раковыми, съ туберкулезомъ кишекъ и др., требующими частыхъ промываній и въ это время забрызгивающими иногда испражненіями съ ногъ до головы.

Даже самимъ больнымъ, особенно мужчинамъ, до того непривычно-странно смотрѣть на эту самоотверженную работу сестеръ, что они умоляютъ замѣнить сестеръ санитарами.

— Помилуйте, отчего же нельзя?! Вотъ лежитъ самый что ни на есть «пархатый», грязный жидъ, и молоденькая интеллигентная дѣвушка должна дѣлать для него все!

— Но, вѣдь, она должна быть готова послужить больнымъ и тогда, когда никакой другой прислуги не будетъ около нихъ. Привыкшая только къ «чистой» работѣ, счи-

тающая только ее обязательной для себя, способна ли она будетъ сдѣлать и всякую грязную работу для самаго несимпатичнаго изъ больныхъ, *когда* въ этомъ *будетъ неотложная нужда?* Вѣдь, въ дѣлѣ милосердія нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни мужескаго пола, ни женскаго, а одинъ Христосъ. Нѣтъ ни грязи, ни чистоты, а есть только дѣло Божіе, ради Христа.

— Такъ-то оно такъ, а только, вѣдь, и намъ-то стыдно.

* * *

А сколько, поистинѣ «ангельскаго», терпѣнія нужно въ уходѣ за больными дѣтьми, которыя не допускаютъ къ себѣ врача для изслѣдованія, не желаютъ принимать лѣкарствъ, лежать смирно и т. д. Здѣсь по большей части и сами родители бываютъ безсильны что-либо сдѣлать. И сестрѣ, чтобы заручиться любовію и довѣріемъ дѣтей и заставить ихъ продѣлать все, что нужно для лѣченія, необходимо иногда бываетъ самой обратиться въ ребенка.

П. А. Сергѣенко, въ повѣсти «Сестра милосердія», рисуетъ такую сестру, серіозную и, по складу характера, вовсе неспособную на роль рѣзвящагося ребенка, но, ради пользы дѣла, самоотверженно исполнявшую эту тяжелую для нея роль и очень долгое время, до полнаго выздоровленія дѣвочки.

Вотъ «кухарка» съ увлеченіемъ «готовитъ обѣдъ», послушно идетъ покупать «такъ нарочно» яблоки и апельсины, но, къ удивленію «барыни», приноситъ ихъ «на самъ-дѣлѣ» — на свои деньги.

«Послѣ обѣда столъ и кухня были тщательно убраны, и Таня подняла вопросъ о стиркѣ бѣлья. Послѣ «стирки бѣлья» былъ устроенъ «маскарадъ», затѣмъ «карусель» и «прогулка съ дѣтьми» въ видѣ маленькихъ подушечекъ. Катерина Павловна (мать больной дѣвочки) удивлялась терпѣнію и безропотности сестры, покорно ходившей за Таней вокругъ маленькаго столика, изображавшаго карусель, качала на рукахъ перевязанную платкомъ подушечку и безпрекословно превращалась по требованію Тани изъ кухарки въ няньку, изъ няньки — въ кучера и т. п.

Катерину Павловну все это очень скоро утомляло и, несмотря на горячую любовь къ Танѣ, она отказывалась отъ участія въ нѣкоторыхъ представленіяхъ. Иногда же ее до того раздражали пискъ и возня Тани по комнатамъ, что она закрывала обѣими руками свои маленькія розовыя уши и нервно вскрикивала:

— Ради Бога, перестань!

* * *

Мать не выдержала, а сестра все перенесла, и еще многихъ матерей удивитъ своей горячей любовью къ чужимъ дѣтямъ. Но развѣ можно любить больше матери? Да, какъ было сказано уже выше, сестрамъ очень часто приходится показывать «отъ дѣлъ своихъ» любовь къ ближнимъ тогда, когда самые близкіе родные проявили къ нимъ одно жестокосердіе.

Б. Э. Петри разсказываетъ, ка́къ на островѣ Ольховѣ, въ Забайкальѣ, буряты избавляются отъ прокаженныхъ. — «Ближайшій родственникъ заболѣвшаго страшною болѣзнью даетъ ему веревку. Съ этой веревкой несчастный идетъ въ лѣсъ и здѣсь на первомъ же удобномъ суку вѣшается. И виситъ до тѣхъ поръ, пока коршуны и другіе хищники не расклюютъ его тѣла».

Конечно, бурятскій способъ борьбы съ проказой — одно изъ проявленій я з ы ч е с к о й жестокости, но нѣчто подобное бываетъ и у людей, гордящихся своей цивилизаціей. А вотъ мы видѣли, какъ сестры жили среди прокаженныхъ и съ любовію служили имъ.

Какъ же можно т а к ъ любить? Остается отвѣтить на это только словами Спасителя: «невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога» (Лк. 18, 27). — Да, по человѣчеству это необъяснимо и невозможно и совершается только «во Христѣ». Надо быть в ѣ т в ь ю на Л о з ѣ, чтобы принести плодъ любви. — «Безъ Мене не можете творити ничесоже» (Ін. 15, 4—5).

* * *

Въ дневникѣ М. И. Девизъ мы находимъ описаніе и того, что ждетъ въ общинѣ сестру, отпущенную на отдыхъ.

— «Я поселилась въ общинѣ. Здѣсь впервые я ознакомилась съ порядками и жизнью сестеръ милосердія. Жизнь

не изъ легкихъ. Приходилось съ другими сестрами спать мнѣ въ одной комнатѣ, и тутъ я поняла, какъ тяжела такая совмѣстная жизнь. Часто характеры, привычки людей, живущихъ въ одной комнатѣ, совершенно не сходятся, а приходится вѣчно сталкиваться въ самой интимной обстановкѣ. Утомившись отъ дневного, а еще хуже отъ ночного дежурства, придешь, бывало, хочется уснуть хоть часъ, а тутъ другая сестра или одѣвается или работаетъ.

Хорошо, если двѣ сестры въ одной комнатѣ и если старшая сестра входитъ въ положеніе другихъ сестеръ; тогда она устроитъ такъ, чтобы одна была на дежурствѣ, другая свободна; но такъ не всегда можно сдѣлать, и потому сестры не живутъ, а приспособляются, какъ могутъ и умѣютъ, урывая часы отдыха, тогда какъ онѣ должны бы имѣть на него полное право... Но можетъ ли какъ слѣдуетъ отдохнуть тотъ, кто ни одной минуты не остается одинъ, кто послѣ тяжелаго дня ухода за больными не имѣетъ возможности собрать свои мысли, урегулировать нервы».

Въ скорбяхъ креста своего.

XII.

„Душу свою полагать“...

Революціонеръ, мечтатель Ваня, изъ «Коня Блѣднаго»[1]), говоритъ товарищу: — «Знаешь, легко умереть за другихъ, смерть свою людямъ отдать. Жизнь, вотъ, отдать труднѣе. Изо дня въ день, изъ минуты въ минуту жить любовью къ людямъ, ко всему, что живетъ. Забывать о себѣ, не для себя строить жизнь»...

Вотъ это-то трудное и дѣлаютъ сестры, послушныя не одному скоропреходящему порыву; онѣ ведутъ непрерывный подвигъ всей жизни, отказавшись отъ дома и родства, отъ своего очага, своей воли и даже мечты.

А какъ трудно отказаться отъ этой мечты, какой мучительной борьбы это иногда стоитъ, мы можемъ видѣть изъ прекраснаго очерка-были Майи — «Жертва»[2]).

Молодая интеллигентная красавица-барышня, только что надѣвшая въ разгаръ русско-японской войны форму сестры милосердія, получаетъ «предложеніе» отъ горячо любимаго человѣка.

Она чувствуетъ всѣмъ сердцемъ, что счастіе приходитъ въ этой жизни только однажды, какъ одинъ лишь разъ въ году все распускается и цвѣтетъ весной... Что если теперь отказаться отъ идущаго въ руки счастья, то второй весны уже не будетъ. «Если бы только раньше, какъ бы я была счастлива! — размышляетъ дѣвушка. — Но теперь я обѣщала себя другимъ... Намъ не было бы счастья, потому что я считала бы себя клятвопреступницей»...

---

[1]) Ропшина.

[2]) «Двадцать три разсказа и очерка Майи», 1905 г. Св.-Троицкая лавра.

Онъ возражалъ: — «Вы не давали имъ клятвы». — «Да, но разъ я надѣла на себя крестъ, я не могу его снять».

И какъ ни тяжело ей было, она «поступила по совѣсти и теперь спокойна».

И вотъ, выдержавши подчасъ такую бурю, непонятыя и ненужныя для тѣхъ, кто здоровъ, часто поношаемыя, онѣ неуклонно идутъ своимъ крестнымъ путемъ, «неся свой терновый вѣнецъ» на свою Голгоѳу. Чего же ищутъ онѣ, получая жалованья иногда меньше всякой кухарки — 5 рублей въ мѣсяцъ или еще меньше, заражаясь, заболѣвая, не дослуживъ до пенсіи, оставаясь калѣками на всю остальную жизнь или преждевременно умирая. Онѣ ищутъ только подвига и жертвы. Почти всѣ онѣ идутъ въ общины съ этой мечтой, и очень часто не ихъ вина, если эти ихъ мечты тускнѣютъ и разбиваются въ прахъ подъ тяжестью креста печальной дѣйствительности.

Какъ правдиво и трогательно-красиво изобразилъ Тургеневъ въ своемъ чудномъ стихотвореніи въ прозѣ — «Порогъ» — это вѣчное стремленіе женщины къ подвигу и жертвѣ.

«Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка. Морозомъ дышетъ та непроглядная тьма, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю, — отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?

— Знаю... Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Хорошо. Ты готова на жертву? Ты погибнешь, — и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Знаешь ли ты, что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура! — проскрежеталъ кто-то.

— Святая! — пронеслось откуда-то въ отвѣтъ».

XIII.

„Ученикъ не выше Учителя".

Но чистая натура благороднаго идеалиста Тургенева неспособна была осквернить уста свои третьимъ опредѣленіемъ подвига дѣвушки, какое по плечу нашему времени. Мечту слѣпого, умирающаго Фауста — продолжать приносить пользу ближнимъ — Мефистофель называетъ «безумной мечтой», а охватившій Фауста восторгъ отъ исполненія этой мечты низменная натура Мефистофеля встрѣчаетъ демонскимъ хохотомъ. Въ наше время демонскій хохотъ съ грязными подмигиваніями и покиваніемъ идетъ по стопамъ многихъ самоотверженныхъ работниковъ и среди нихъ и — сестры милосердія. «Знаемъ-съ мы, зачѣмъ она перешагнула порогъ. Знаемъ, чего ищетъ!»

Оплеватели и хулители всякой святыни! Неужели вы способны бросить свое грязное слово и въ чудный, строгій, прямо въ душу смотрящій обликъ несомнѣнной подвижницы на картинѣ Ярошенко «Сестра милосердія», украшающей Московскую Третьяковскую галлерею. Многимъ казалось, что это только мыслимый художникомъ внѣшній обликъ идеальной сестры, но это *портретъ* сестры, съ юности и до сихъ поръ работающей въ заразныхъ баракахъ одной общины.

— Оскорбляй, издѣвайся, насъ всегда оскорбляли, прежде чѣмъ убить, — говоритъ Олимпіада брату своему, анархисту Саввѣ, задумавшему уничтожить взрывомъ адской машины чудотворный образъ, къ которому стекалось горе народное.— Дай мнѣ пострадать за Христа...за людей!... Развѣ я объ этомъ не мечтала! Господи! Пострадать за Тебя — да есть ли счастье выше этого! [1]).

---

[1]) Л. Андреева, «Савва».

Такъ думаютъ и идущія «посѣщать» Христа, въ бѣдѣ находящагося. Такого мнѣнія о нихъ и всѣ, близко стоящіе къ дѣлу ихъ. Они знаютъ, что ихъ трудами, просьбами

Сестра милосердія.
Съ карт. худ. *Ярошенко.*

и слезами добыты многочисленныя улучшенія въ военно-походной, казарменной и госпитальной жизни нашихъ воиновъ. Они знаютъ, что ихъ самоотверженіемъ осушено цѣлое море слезъ самыхъ разнообразныхъ страдальцевъ на ихъ крестномъ пути скорбей земныхъ. Они помнятъ,

что пятна есть и на солнцѣ, но они на своемъ опытѣ убѣдились, что въ лицѣ этихъ «друзей Божіихъ» ко всѣмъ страдальцамъ поистинѣ приходитъ Самъ Христосъ, другъ скорбящихъ и страдалецъ за человѣчество.

— «Да развѣ можно не видѣть этого? — говорила одна бывшая больная. — Ѣсть я ничего не хотѣла тогда, а было необходимо. Такъ бывало, какъ сестра проситъ, умоляетъ... на колѣни станетъ... руки цѣлуетъ!... Поневолѣ станешь ѣсть».

И дорогія слезы благодарности и умиленія лились изъ глазъ разсказчицы.

Елка.

Отдавшійся всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ служенію ближнимъ — «ради Христа», всегда найдетъ самые неожиданные поводы и предлоги для врачеванія тѣла и души страждущихъ, ввѣренныхъ его попеченію.

Больные хирургической клиники, проснувшись въ праздникъ Рождества Христова, пріятно были удивлены видомъ стоявшей посреди зала украшенной елки.

Муки ожиданія операціи, боли до нея и послѣ, страхъ за жизнь, гнетущая забота объ оставленныхъ (можетъ быть навсегда!) дорогихъ близкихъ, постоянное созерцаніе чужихъ страданій и даже смертей — все это такъ напрягаетъ нервы, что взрослый человѣкъ очень часто, что называется, обращается въ ребенка. Теперь малѣйшій пустякъ его огорчитъ до глубины души, «кровно обидитъ» и обрадуетъ такая мелочь, мимо которой онъ послѣ пройдетъ совершенно равнодушно.

Видъ елки и торжественный праздничный «чай» около нея съ «разрѣшенными» лакомствами безконечно обрадовали больныхъ. Навѣянныя этимъ семейнымъ празднованіемъ великаго праздника воспоминанія далекаго дѣтства, когда не было этихъ тяжкихъ страданій и было такъ много чистой радости, не разстраивали больныхъ, а наоборотъ, успокаивали, въ слезахъ умиленія и радости давая исходъ внутреннему волненію, опасному «томленію духа».

Каково же было удивленіе больныхъ, когда они случайно узнали, что все это имъ устроили сестры на свои

деньги. Растроганные до глубины души этимъ вниманіемъ, больные собрали между собой значительную сумму денегъ, желая устроить отвѣтный чай, но это было воспрещено начальствомъ Общины, такъ какъ тамъ не позволяется сестрамъ принимать что-либо въ благодарность за свои труды.

Но забудутъ ли когда-нибудь эту елку, по-дѣтски радовавшіеся ей, больные? Нѣтъ, никогда! Во всю остальную ихъ жизнь ея огоньки будутъ благодатно свѣтить и согрѣвать скорбящую и сомнѣвающуюся душу всякій разъ, какъ въ памяти ея встанетъ эта елка посреди постигнутыхъ Божіимъ посѣщеніемъ.

Молитва.

Если ни медицинскія познанія врачей, ни самоотверженный уходъ не въ силахъ спасти порученнаго сестрѣ больного, тогда у нея есть еще средство... и она не замедлитъ прибѣгнуть и къ нему.

«Когда мать больной бросала взглядъ на сестру, неподвижно сидѣвшую въ креслѣ съ закрытыми глазами, то ей казалось, что сестра нарочно закрываетъ глаза, чтобы не встрѣтиться съ ея взглядомъ, и только дѣлаетъ видъ, что кажется спокойной. И Катеринѣ Павловнѣ захотѣлось провѣрить свои мысли. Она полуприкрыла глаза и стала наблюдать...

Чрезъ нѣкоторое время сестра подняла голову и посмотрѣла на Катерину Павловну. Послѣдняя больше прищурила глаза и старалась дышать какъ спящая. Сестра поднялась, постояла немного, безшумными шагами подошла къ мерцающей лампадкѣ, тихо опустилась на колѣни и начала молиться, устремивъ напряженный взоръ на икону. Катерина Павловна слегка раздвинула вѣки и притаила дыханіе. Ей была видна правая щека сестры, тронутая синимъ отблескомъ лампадки. Это дѣлало ея лицо еще блѣднѣе и сообщило ему неземной оттѣнокъ. И Катеринѣ Павловнѣ начало казаться, что предъ иконой стоитъ не сестра, а какая-то святая, явившаяся помолиться о здоровьѣ Тани. Сестра, сжавъ руки у груди, шептала:

— Господи милосердый, спаси ее! Возьми мою грѣшную жизнь. Она мнѣ не нужна. Но сохрани бѣдную малютку...

Катерина Павловна почувствовала, что въ груди ея что-то засвѣтилось и согрѣло ее. Она встала и опустилась на колѣни рядомъ съ сестрой. Послѣдняя вздрогнула отъ неожиданности и хотѣла подняться. Но Катерина Павловна удержала ее за руку и прошептала.

— Помолимся вмѣстѣ!...

И онѣ начали вмѣстѣ молиться. Съ каждой минутой на душѣ у Катерины Павловны свѣтлѣло отъ сознанія, что около нея, — ея настоящая сестра»[1]).

И вотъ при одномъ только воспоминаніи въ минуту горя и тоски о такихъ случаяхъ на больную душу повѣетъ чѣмъ-то роднымъ. И лучше и теплѣе станетъ у человѣка на сердцѣ. И кто же станетъ отрицать, что служеніе сестры уже однимъ этимъ оправдало себя.

Любовь и по смерти.

Въ часовнѣ при больницѣ Общины шла панихида у гроба несчастнаго, брошеннаго состоятельными, но эгоистичными родственниками, желавшими избѣжать похоронныхъ расходовъ. Пришли сестры и пропѣли панихиду, послѣ пропѣли и заупокойную обѣдню и отпѣваніе. «Ему готовили гробъ съ беззаконными (безславное погребеніе), а Онъ погребенъ у богатаго (съ почестями)» (Ис. 53, 9). И какъ тогда Божественнаго Страдальца покинули Одного близкіе ученики, но пришли тайные — Іосифъ и Никодимъ, и похоронили Его съ почестями, такъ и здѣсь: къ покинутому близкими пришли дальніе — «самаряне», съ любовію воспѣли надгробныя пѣсни надъ нимъ, сотворили и «плачъ благосердный» по немъ — чужомъ.

Сказано: «Гдѣ умножился грѣхъ, преизобилуетъ и благодать». Страданія и смерть есть «оброцы грѣха» — оброки,

---

[1]) Родная ея сестра, едва выяснилось, что у дѣвочки заразная болѣзнь, немедленно предложила Катеринѣ Павловнѣ выѣхать изъ ея квартиры и взяла клятву съ своего мужа, что онъ не будетъ навѣщать больную. «Сестра милосердія», П. А. Сергѣенко.

послѣдствія его, его жатва. И лечить послѣдствія грѣха можетъ только добродѣтель. Грѣхъ приноситъ болѣзни, но облегчаетъ страданія больныхъ только самоотверженный уходъ другихъ. Грѣхъ приводитъ за собой голодъ, нищету, тюрьмы, но ихъ ужасы ослабляетъ самоотверженная помощь другихъ. Такъ и эгоизмъ однихъ привлекаетъ самоотверженіе другихъ.

—... Я мертвъ былъ и вы похоронили *Меня*...

И священникъ, наблюдавшій эту любовь сестеръ къ ближнимъ, не только до смерти ихъ, но и послѣ смерти, сказалъ имъ, что онѣ правильно поняли свое служеніе, такъ какъ къ тѣмъ словамъ, которыя сказаны будутъ на страшномъ судѣ милосерднымъ людямъ, Христосъ несомнѣнно прибавитъ и эти: «Я былъ мертвъ, и вы похоронили Меня».

XIV.

Утѣшительница.

А какъ сестры, особенно тѣ, которыя сами много пострадали въ жизни, умѣютъ утѣшать, заглянуть въ самую душу и нѣжными перстами любви тронуть напряженныя горемъ и страданіемъ струны душевныя, мы можемъ видѣть изъ очерка Майи: «Раба Божія Анна».

Раба Божія Анна — старшая сестра одной изъ общинъ Краснаго Креста. Большую половину своей жизни она прожила богато и счастливо въ одномъ изъ старинныхъ дворянскихъ имѣній; прожила обыкновенною мірскою жизнью — въ суетахъ и дѣлахъ, глубоко не задумываясь надъ «проклятыми вопросами». Готовилась уже она праздновать двадцатипятилѣтіе счастливой супружеской жизни. Но Богъ судилъ иначе.

Любимый мужъ умеръ отъ удара, получивъ непріятное письмо изъ Петербурга отъ единственнаго сына, извѣщавшаго о своихъ крупныхъ долгахъ и разныхъ проступкахъ. Пріѣхалъ сынъ, вошелъ въ права владѣнія, такъ какъ умершій завѣщанія не оставилъ и все имущество перешло къ сыну. Быстро промоталъ онъ капиталъ, потомъ продалъ и имѣніе, заставивъ мать покинуть родное гнѣздо.

Безъ копейки денегъ и пристанища стала Анна просить пріюта у сестры своей. «Господи, что же я такое сдѣлала, что обрушились на меня такія несчастія?..» И начала она роптать на Бога.

Сестра посовѣтовала ей съѣздить къ великому старцу, праведной святой жизни, очевидно Амвросію Оптинскому. Анна долго не соглашалась. «Ну, что онъ мнѣ можетъ

сказать, твой старецъ? Мое горе такъ велико, что никакой старецъ, никто въ мірѣ не можетъ облегчить мнѣ его». «Поѣдемъ, поѣдемъ!»,— твердила ея сестра и привезла къ старцу.

И первый же кроткій, любовный вопросъ благостнаго старца: «Что, умаялась?» — заставилъ изстрадавшуюся женщину стать предъ нимъ на колѣни, припасть головой къ его ногамъ и зарыдать громко и неудержимо...

Дальнѣйшія частыя бесѣды со старцемъ повели къ полному утѣшенію и миру душевному. Въ монастырь итти старецъ не благословилъ. «Осмотрись, — говорилъ онъ, — вокругъ себя. Посмотри; сколько горя вокругъ. Знаешь, вѣдь, сама, что сказано намъ: «другъ друга тяготы носите»... Нечего ихъ и отыскивать, захоти только, сами онѣ придутъ къ тебѣ, эти тяготы чужія, а ты ихъ и неси... Помяни меня тогда: вновь будешь ты благодарить Бога и вернется къ тебѣ тогда и молитва и покой»...

Скоро началась война съ Турціей, и раба Божія Анна возложила на себя крестъ сестры милосердія и съ тѣхъ поръ не снимаетъ его. Въ эту войну погибъ и ея единственный сынъ, такъ жестоко поступившій съ ней, но она почти спокойно встрѣтила эту печальную вѣсть: на рукахъ у нея много было другихъ дѣтей, которыя, умирая, часто просили ее благословить ихъ «замѣсто матери».

Сказано: «Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помочь», и эта сестра, такъ искушенная въ жизни, умѣетъ облегчать страданія не только больныхъ тѣломъ, но и духомъ, что гораздо важнѣе. Иногда ради возвращенія чужой изстрадавшейся душѣ мира она разсказываетъ исторію своей жизни.

И не только въ больницѣ, а и всегда она пользуется всякимъ случаемъ предостеречь ближнихъ отъ сомнѣнія и отчаянія и сіяніемъ своего внутренняго свѣта освѣтить мракъ человѣческихъ душъ, попадающихся случайно на ея жизненномъ пути. Благодаря одному такому случайному собесѣднику, міру сталъ извѣстенъ и самый этотъ свѣтильникъ Божій. Онъ освѣтилъ и согрѣлъ эту случайно встрѣтившуюся ему душу, такъ что она посвятила ему слѣдующія строки.

«Если когда-нибудь эти тихіе, незамѣтные, но драгоцѣнные для счастья человѣчества люди почувствуютъ всю тяготу добровольно принятаго ими на себя подвига, или когда покажется имъ, что слишкомъ медлитъ произрастать то доброе сѣмя, которое думали они посѣять въ людяхъ... пусть не унываютъ они. За нихъ громко и властно вопіютъ у престола Бога ихъ невѣдомые людямъ подвиги, ихъ тихія, невидимыя людямъ дѣла»...[1])

***

Русская женщина, воспѣтая лучшими поэтами! Да не смутитъ тебя модная проповѣдь гордости и себялюбія и это непониманіе твоей свѣтлой мечты о подвигѣ и глумленіе надъ ней. Будь попрежнему вѣрна своей святой «солнечной миссіи» — согрѣвать и свѣтить и въ этомъ найдешь и свое счастіе, принесешь его и человѣчеству.

Даже и кратковременное «слѣдованіе стопамъ Христа» въ подвигѣ самоотверженія кладетъ свой благотворный отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь женщины, какъ члена семьи и общества, давая ей возможность развить свои лучшія качества и, въ особенности, достойно приготовиться къ своему великому назначенію — матери.

Вотъ почему знаменитая Жанна Талліенъ[2]) требовала законодательнаго постановленія, — «чтобы всѣ дѣвушки предъ замужествомъ, въ продолженіе по крайней мѣрѣ мѣсяца, проводили по нѣскольку часовъ ежедневно въ больницахъ, въ благотворительныхъ заведеніяхъ, во всѣхъ пріютахъ, чтобы научиться въ нихъ обращать преходящее и безплодное движеніе своего естественнаго состраданія въ дѣйствительное чувство, для помощи несчастнымъ, подъ законами управленія, организованнаго ими».

---

[1]) «Двадцать три разсказа и очерка Майи».

[2]) Notre-Dame de Thermidor, своимъ вліяніемъ на мужа спасшая г. Бордо отъ жестокостей революціонеровъ, а потомъ сыгравшая видную роль въ переворотѣ 9 термидора, освободившемъ страну отъ террора.

И человѣчество должно быть безконечно благодарно всемірной братской организаціи «Краснаго Креста»[1]), дающей возможность женщинѣ проявить и развить вложенное ей Творцемъ чувство состраданія во исполненіе ея святой миссіи — стоять на стражѣ завѣтовъ человѣчности и тѣмъ содѣйствовать наивысшему духовному росту *Лика Человѣческаго*, до возможнаго для него приближенія къ Лику Божіему.

---

[1]) По образцу которой послѣ возникли и привлекли къ себѣ женскую сострадательную душу учрежденія — «Бѣлаго Креста», «Синяго Креста», «Голубого Креста» и т. п. благотворительныя организаціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора 3

I. Севастопольскія сестры 9

1) Е. М. Бакунина 17

2) Е. А. Хитрово 25

3) Другія севастопольскія сестры Крестовоздвиженской общины 26

4) Е. М. Хлапонина 28

5) Даша Севастопольская 30

6) Е. П. Карцева 33

II. Сестры Свято-Троицкой общины 37

С. А. Биллеръ 38

Е. А. Кублицкая-Піотухъ 40

III. Сестры русско-турецкой войны 45

1) С. Лебедева 45

2) Сестра Васильева 45

3) О. П. Раевская 52

4) Ю. П. Вревская 58

5) Кн. Н. Б. Шаховская 61

IV. Сестры русско-японской войны 70

Е. А. Воронова 70

На дѣйствительной службѣ 72

Въ Портъ-Артурѣ 74

Безъ имени 77

«Замѣсто матери» 79

«Красный смѣхъ» 81

V. Съ прокаженными 88

1) Сестра Слѣпченко 89

2) Сестра Васюковичъ 92

VI. Среди каторжниковъ 94

VII. Княжна Ливенъ 98

VIII. Кн. М. М. Дондукова-Корсакова 100

IX. Вел. Княг. Александра Петровна 112

X. На эпидеміяхъ 117

XI. На рядовой работѣ 123

XII. «Душу свою полагать» 131

XIII. «Ученикъ не выше учителя» 134

Елка 136

Молитва 137

Любовь и по смерти 138

XIV. Утѣшительница 140

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

„БЕСѢДЫ ПАСТЫРЯ СЪ СЕСТРАМИ МИЛОСЕРДІЯ".

50 КАРТИНЪ ПО ЗАКОНУ БОЖІЮ ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВѢТА.

Картины размѣромъ 35×24 сант. (съ полями 38×48 сант.), исполнены за границей въ 12—15 красокъ, наклеены на изящное паспарту изъ бристольской бумаги. *Сост. свящ.* ***С. К. Махаевъ.*** Цѣна 12 рублей. Изданіе книжнаго магазина Т-ва «В. В. Думновъ, Наслѣдники Бр. Салаевыхъ», Москва, Мясницкая.

Съ требованіями на книгу „Подвижницы милосердія" обращаться къ автору:

МОСКВА, Иверская Община сестеръ милосердія Р. О. Краснаго Креста.

Цѣна 1 руб. съ перес.